

Пауль Вернер Ланге

*Подобно солнцу... Жизнь Фернана
Магеллана и первое кругосветное
плавание*

Написанная живым и сочным языком на стыке двух литературных жанров - художественного и научного, - эта книга немецкого писателя и историка Пауля Вернера Ланге содержит множество малоизвестных неспециалистам фактов из биографии прославленного португальского мореплавателя Фернана Магеллана и из истории первого кругосветного путешествия.

Впервые корабль, подобно солнцу, обошел
вокруг земного шара. То была величайшая
новость, когда-либо слышанная со дня
сотворения человека. Мужественному Магеллану
принадлежит заслуга в идее и разработке
плана путешествия, в стоической последовательности,
с какой он его придерживался и добился
претворения в жизнь; однако Хуану Себастьяну
де Элькано досталась вся слава его завершения.

Антонио де Эррера (1549-1625)

Введение

Портрет Фернана Магеллана

Это - книга о деяниях человека, пробуждавшего любовь и ненависть, познавшего дружбу и предательство. Он и сам был противоречив: умен и ограничен, благороден и жесток, сдержан и вспыльчив. Ради претворения в жизнь своей идеи он жертвовал собой и окружающими. Жизнь его - дерзание, смерть он принял в бою. Его взрастила эпоха, противоречивая, как он сам, и наделила силой для свершений.

Наше повествование о людях - трусах и храбрецах, корыстолюбцах и бесребрениках, сознающих высокий смысл своих свершений и не понимающих его, о людях, которые открыли для нас мир.

«Подобно солнцу...» - книга о Магеллане и его плавании.

Португалия

Португалия была обращена к морю. В 1527 году, приблизительно через тридцать лет после открытия морского пути в Индию, ее население составляло более полутора миллионов человек, в 1580-м, в год, когда она была завоевана Испанией, - один миллион. Население страны растекалось по беспредельным просторам океанов и вдоль их берегов. Страна отдавала себя служению миру и была истощена миром.

Райнхольд Шнайдер. «Страдания Камоинша»

„Tras os Montes" - «Страна за горами» - так называют северо-восточную провинцию Португалии, родину короля вин - портвейна. Именно на этой земле, которую приказал заселить в XIII веке воинственный король Диниш I, говорят, и был в верховьях Дору посажен первый виноградный черенок. С тех пор там раскинулись виноградники, защищенные Серра-ди-Маран и северной цепью горных вершин. В сентябре гроздь ароматного винограда, матово светящиеся в солнечных лучах, собраны. Виноградный сок доставляется в Порту. И когда он достаточно перебродил и достиг кондиции, корабли развозят по всему свету портвейн - этот дар каменистой «Страны за горами».

Местность Саброза, что на юге провинции Вила-Реал, также относится к виноградарскому району. Куда ни глянь, повсюду море виноградной лозы, то волнообразно натекающее на пологие, простирающиеся до самого горизонта холмы, то взбирающееся на укрепленные камнями террасы. И только там, где начинаются крестьянские усадьбы, можно разглядеть узловатые силуэты платанов и ореховых деревьев.

Жители «Страны за горами» вели обособленный образ жизни, и главным их занятием было виноградарство; их характер формировали суровая природа и тяжкий повседневный труд. Здесь жили стойкие, самолюбивые люди, нередко угрюмые и суеверные. Ни гениев, ни

известных авантюристов «Страна за горами» миру не дала, а уж тому, кто родился в суровой, удаленной от водных просторов Саброзе, сама судьба, казалось, предназначала стать мрачным, осторожным, лишенным фантазии человеком.

Это можно было бы отнести и к характеристике Фернана ди Магальяйнша, родившегося именно здесь в 1480 году. Его семья принадлежала к знатному, хотя и не самому богатому, уважаемому дворянскому роду; Изображение тощего орла, распростершего крылья над гербом Магальяйншей, весьма наглядно иллюстрирует материальное положение семьи. Виноградарство и коневодство в поместьях Кинта-ди-Сота и Каза-ди-Перейра не могли дать достаточно средств для жизни при королевском дворе, однако богатство и влияние не всегда равнозначны. Король Жуан II (1481-1495) назначил именно отца Фернана, дома Педру Руй ди Магальяйнша, старшим алькальдом¹ важной в стратегическом отношении гавани Авейру, расположенной к югу от Порту. Правитель страны, на жизнь которого постоянно покушались его противники, объединившиеся вокруг мятежных герцогов Визеу и Браганса,- в конце концов, им удалось оборвать жизнь не только короля, но и наследника престола,- назначал на такие должности лишь самых преданных дворян. К таковым относился и дом Педру, так как в девяностых годах, когда семейство Браганса опять восстанавливает при дворе свои позиции, он теряет пост и возвращается на родину, в Саброзу. Там, кроме старшего сына, уже почти пятнадцатилетнего Фернана, его ожидают второй сын Дьогу ди Соуза, который по соображениям наследования носит имя своей бабки, дочери Тереза, Жинебра, Изабел и жена Алда ди Мишкита.

Фамильный герб Магальяйншей (по Келликеру)

Однако не исключено, что эта встреча лишь плод воображения. На этот счет нет никаких достоверных сведений, вряд ли она вообще могла состояться, ведь уже за три года до этого, в 1492 году, Фернан стал пажом при дворе королевы Элеоноры. Привилегия, которую корона далеко не бескорыстно предоставляла имеющим право на наследство сыновьям знатных дворянских родов, давала им возможность воспитываться в королевской резиденции. Следует, однако, заметить, что многие обстоятельства жизни Магальяйнша того периода до конца еще не выяснены. Некоторые биографы полагают, что родился он не в Саброзе, а в Порту или в Понти-да-Барка. Состав семьи и возраст его сестер и братьев также вызывают споры. Вообще следует заметить, что с тех пор, как историк Кейруш Веллозу попытался доказать, что первое завещание Магальяйнша - подделка, сомнительны даже факты, ранее казавшиеся бесспорными. И хотя ученые и по сей день пытаются прояснить многое из детства и отрочества человека, который возглавил первое в мире кругосветное плавание, все же многие обстоятельства ранних лет жизни Магальяйнша, так и останутся нам неизвестны. Ведь часть архива, хранившегося когда-то в Торри-ди-Томбу в Лиссабоне, в 1525 году по королевскому приказу была уничтожена, кое-что пострадало в период испанского владычества над Португалией. Наконец, лишь небольшая часть документов сохранилась после землетрясения 1755 года, а также отъезда королевской семьи в Бразилию, когда в начале прошлого столетия армия Наполеона вторглась на Иберийский полуостров. Тем не менее, достоверно известно, что Магальяйнш происходил из дворянской семьи и начинал пажом при дворе. А относительно его военной службы в некоторых странах Индийского океана и в Африке бытуют разные суждения. Американец Чарлз Маккью Парр тридцать лет назад, занимаясь изысканиями в Португалии, пришел к выводу, что в тех местах в наемных войсках короля Мануэла служило не менее семи человек по имени Фернан ди Магальяйнш. Таким образом, та или иная трактовка эпизодов из жизни Фернана ди Магальяйнша до его переселения в Испанию, о которых здесь будет рассказано, по прошествии времени может оказаться несостоятельной, несмотря на то что в целом его жизнь по окончании службы при дворе не таит больше для нас загадок.

А пока Фернан молод, находится весьма далеко от арены своих будущих успехов и служит пажом королевы. Помимо искусства верховой езды, фехтования, турниров, соколиной охоты, он осваивает еще и умение плести интриги, столь высоко ценимое при всех европейских дворах. Но главное внимание он уделяет наукам, которые вряд ли можно было изучить где-либо в другом месте: астрономии, навигации и космографии. Нельзя сказать, что занятия были регулярными. Супруга короля Жуана II и ее двор вынуждены вести по существу кочевую жизнь, такую же, как и сам король, который все время стремится избежать то военных конфликтов, то покушений, а то спасается от чумы. Но при таком образе жизни Фернан ди Магальяйнш все-таки смог так хорошо освоить «морские» науки, что приобретенные знания позже позволили ему осуществить самое выдающееся начинание во всей

истории мореплавания, которое не явилось внезапным озарением одного только гениального ума, а стало закономерным результатом развития всей истории Иберийского полуострова. Даже виноградному соку из Саброзы нужны годы, прежде чем он превратится в знаменитый португальский портвейн с его неповторимым букетом.

Переменчива и сурова судьба страны, которую мы сегодня называем Португалией. Ее населяли кельты, потом она была римской провинцией, известной как Лузитания, была также частью вестготского королевства, а в 713 году подверглась арабскому нашествию. Если не считать многочисленных, то и дело возникавших между эмирами и халифами стычек и войн за обладание Галисией, на всем юго-западе полуострова установилось на столетия арабское владычество, почти не встречающее сопротивления. Однако завоеватели не могли предотвратить возникновение в непокоренной Астурии, которая после X века стала известна как королевство Леон, реконкисты - движения за освобождение захваченных земель. Уже в 955 году один из королей Леона предпринял осаду Лиссабона, и, хотя арабам снова удается отстоять северные границы своего государства, проходящие по Дору, иберийцы оказывают им все более ожесточенное сопротивление: в 1070 году - Брага, 1080-м - Коимбра, в середине XII века Ламегу и Визеу опять стали епархиями христианских епископов.

В 1096 году король Леона Альфонс VI пожаловал своему зятю Генриху, герцогу Бургундскому, ленное графство между Миньо и Мондегу и таким образом, сам того не желая, способствовал рождению португальского государства, так как и граф Генрих и его вдова Тереза направляли все силы и средства на то, чтобы отделиться от Леона. Их сын Афонсу Энрикиш (Альфонс I, 1128-1185) в 1139 году у Оурике разбивает арабов и вскоре провозглашает себя королем Португалии. В 1147 году он при помощи крестоносцев захватывает Лиссабон, а еще столетие спустя его последователи отвоевывают у мавров провинцию Алгарви. Таким образом, Португалия на двести пятьдесят лет раньше Испании изгоняет со своей земли арабских захватчиков.

Короли Леона - они же пока владыки Кастилии - с вполне понятным неудовольствием наблюдают за ходом развития событий в Португалии. Меч был и остается символом того времени. Уже в 1140 году Афонсу Энрикиш ведет свое войско в Галисию, в то время как испанская конница топчет португальские провинции. Но через три года молодое государство заручилось могущественным покровителем: Афонсу Энрикиш объявил свою страну вассальным владением папы римского. Теперь его противник Альфонс VII должен принимать в расчет не только португальское войско, но и угрозу отлучения от церкви. В конце концов, он вынужден признать, что его ненавистный сосед носит корону по праву. Правда, преемники Афонсу Энрикиша будут целых триста лет зависеть от церкви, прежде чем сумеют освободиться. Например, четверо из них во время своего правления были преданы анафеме и только двое в смертный час получили отпущение грехов, так как успели

одарить представителей духовенства внушительными земельными наделами и таким образом избежали преисподней.

Могущество духовенства было обусловлено доходами от обширных земельных владений, не облагаемых налогами и постоянно увеличивающихся в ходе реконкисты, влиянием, которое оно оказывало на рыцарские ордена, а также поддержкой папы, не раз грозившего своим непокорным вассалам отлучением от церкви.

Формирующаяся местная знать стала еще одним противником, с которым вскоре столкнулись португальские короли; третьим по-прежнему оставались владыки Кастилии и Леона. Знатные дворяне, отличившиеся в период продолжавшихся вплоть до середины XIII века войн реконкисты, получили в награду крупные поместья. Они не намерены были молча наблюдать, как в XIV веке корона попыталась с помощью строжайшего указа о наследстве вернуть себе многие раздаренные земли. Что же касается недоброжелательных испанских соседей, то они с давних пор с вожделием смотрели на Португалию. Это, разумеется, порождало частые военные конфликты между странами. Так, например, в 1337 и 1381 годах португальский флот потерпел у Лиссабона поражение - на целый год тогда кастильские корабли блокировали устье Тежу. Вскоре Португалии в битве при Алжубарроте (1385) посчастливилось с помощью английских лучников разбить сразу двух противников. Во время жестокой сечи под шквалом стрел у Алжубарроты были обескровлены не только кастильские, но и вероломные португальские гранды, которые переметнулись на испанскую сторону. Затем король Жуан I (1385-1433), после того как его предшественники создали для этого предпосылки, сумел ограничить юрисдикцию духовенства и запретил церковникам приобретать земли.

В этих многочисленных раздорах королевскую власть, как правило, поддерживали города, процветавшие за счет развития торговли и ремесел, а также мелкопоместные дворяне и крестьяне южных районов страны. Последние в отличие от находившихся в феодальной зависимости крестьян северных районов были хорошо вооружены и свободны - результат продвигавшейся к Алгарви реконкисты. Поэтому в XIV столетие Португалия вступила суверенным государством с развитыми торговлей и ремеслами. Ее города, которым корона даровала самоуправление и другие привилегии, оказывали определяющее влияние на развитие страны. Государство стало ареной прогрессивных преобразований. К ним можно отнести, по крайней мере, одно начинание, в котором были заинтересованы все португальские сословия, - покорение морских просторов.

У Португалии были для этого благоприятные исторические предпосылки: монархи и купцы, отделенные Испанией от остальной Европы, видели в морском пути единственную возможность поддерживать связи с английскими партнерами, а также с североевропейскими и средиземноморскими торговыми домами. Активность, с какой португальцы пускались в море, наглядно

иллюстрирует тот факт, что в 1226 году одна только английская корона выдала более ста охранных грамот для португальских кораблей, собиравшихся прибыть в Англию.

В 1300 году уже упомянутый король Диниш (1279-1325), видимо вообще любитель насаждений, велел недалеко от Порту посадить хвойный лес, который по его замыслу должен давать кораблестроению дерево и смолу. В это же время Португалия начинает вывозить вино, оливковое масло, сушеные фрукты, пробку, кожу, мед и в большом количестве - рыбу. Ввозят в страну ткани, древесину, красители, лошадей. И хотя Португалия не была тогда крупным торговым партнером, она добилась довольно большого дохода от экспорта соленой и вяленой рыбы, которая во время поста была просто незаменимой на любом европейском столе.

В 1310 году порт Лагуш перестраивают для судов, которые бороздят воды открытого моря. Это происходит, видимо, по настоянию венецианцев: Португалия завоевывает все большее внимание венецианских и генуэзских торговых домов в качестве важной перевалочной базы на главной морской дороге средневековой торговли. На землях между рекой Миньо и мысом Сан-Висенти теперь обосновываются не только итальянские купцы, но и генуэзские корабелы, которых привлекают сюда выгодные условия труда, освобождение от налогов и воинской повинности. В 1317 году король Диниш назначил генуэзца Мануэля Пессаньо адмиралом Португалии и поручил ему завербовать еще двадцать опытных иностранных капитанов. 30-40-е годы XIV века ознаменовались первыми плаваниями португальцев к Канарским островам. Они осуществлялись на испанских и итальянских судах с иностранными экипажами. Но скоро иностранные корабли заменяют юркие «нао», «барки» и «баринелы»², сработанные на португальских верфях. Деревья, из которых построены суда, можно беспрепятственно валить в королевских лесах, многих мастеров-корабелов возводят в дворянское звание. Даже высокородная знать не считает унижительным командовать кораблями.

Почему так происходит? Это требует ответа, нуждается также в разъяснении, зачем рассказу о жизни Магальяйнша предшествует исторический экскурс, который, хочешь, не хочешь, должен быть исчерпывающим. В самом деле, поскольку все эти события теснейшим образом связаны с мореплаванием, они имеют непосредственное отношение и к Фернану ди Магальяйншу. Поколения португальцев пережили времена, которые определялись католицизмом раннего средневековья и угаром бесконечных крестовых походов. С тех пор как страна освободилась от чужеземного ига, дворянство, считавшее зазорной любую службу, кроме военной, и ущемленное претензиями королевского дома на единовластие, стремилось перенести реконкисту, уже в качестве конкисты³, через море на Африканское побережье. Само собой разумеется, что духовенство благословит такое начинание, что в этом случае не будет недостатка ни в крестьянах, которые, стремясь

получить землю, станут его ярыми приверженцами, ни в войнах, не знающих ничего, кроме убийства и насилия. Совершенно очевидно, что иберийские монархи тоже заинтересованы в подобном развитии событий, тем более что такое направление политики позволило бы проучить берберийских пиратов, неоднократно нападавших на Португальское побережье.

Вот почему корабли так яростно размахивают топорами на верфях Порту и Лиссабона, священники кропят святой водой паруса, разрисованные христианскими символами, а гордые фидалго⁴ и кабальейро внимательно слушают своих итальянских учителей. Вот почему в Лиссабоне под руководством генуэзцев возникает центр по изучению картографии и навигации, притягательный свет которого много десятилетий спустя привлек молодого итальянца по имени Колумбо и укрепил его в дерзновенной и заманчивой идее. Странствующие рыцари, прежде снаряжавшиеся в путь «по стезе господней»⁵, выходили в открытое море, шли отвоевывать неведомые земли.

Правда, экономические силы молодого государства не устояли перед таким бурным развитием событий, перед «черной смертью» - чумой, из-за которой с 1356 года огромные земельные пространства буквально обезлюдели, перед междоусобными столкновениями и войнами. Португалия не располагала достаточным количеством экспортных товаров, чтобы приостановить характерный для того времени отток из страны драгоценных металлов.

В самом начале XV века король Жуан I и его супруга Филипа из английской династии Ланкастеров оказались на грани национального банкротства. Государственная казна была пуста, не хватало даже меди, и пришлось пустить в оборот кожаные деньги. Чтобы покончить с нуждой, принимая во внимание и политические соображения, коронованные особы решились на смелое предприятие. Проезжие купцы сообщали, что берберийские корсары в североафриканском городе Сеуте прячут горы самоцветов, а караваны верблюдов доставляют туда полные мешки мерцающего суданского золота. Подобные известия поступали уже давно, и вряд ли была какая-либо необходимость в страстных уговорах казначея, о которых сообщают историки, чтобы их величества отдали приказ о захвате Сеуты.

Итак, знамя ордена Спасителя с большим красным крестом, которое развернул сын короля Жуана I дом Энрике на флагманском корабле своего морского флота, усиленного английскими, фландрскими и баскскими кораблями, в 1415 году достигло Сеуты. Когда город оказался в руках завоевателей, они действительно поверили, что всевышний направил их мечи и закалил их латы: берберийские сокровища были захвачены ценой жизни менее чем двенадцати человек.

Возможно, именно этот успех определил дальнейший жизненный путь дома Энрике, которого в исторической литературе обычно именуют принцем Генрихом Мореплавателем (1394-1460). Во всяком случае, теперь не вызывает сомнений, что во всех его начинаниях самым причудливым образом слились воедино дух крестоносцев, политические мотивы и типичная для того времени неумная жажда золота. Будучи третьим сыном короля, дом Энрике не мог рассчитывать на престол, поэтому удовлетворился разбирательством религиозных дел и с завидным постоянством проявлял удвоенную энергию и организационный талант в морских предприятиях. Его участие в них часто переоценивалось. По инициативе принца Энрике с 1415 по 1460 год была осуществлена только треть всех предпринятых под португальским флагом изыскательских плаваний, а по существу морских разбойничьих вылазок, остальные были организованы и финансировались королями, торговыми домами, отдельными феодальными магнатами.

Принц Генрих Мореплаватель. Миниатюра из "Chronica de deskobrimento..." (1448-1453)

Генриха Мореплавателя, тем не менее, бесспорно, следует считать вдохновителем португальской экспансии, потому что экспедиции, которые снаряжались под его руководством, проложили дорогу последующим мореплавателям. По-видимому, он руководствовался двумя соображениями, когда посылал своих капитанов на юг. Во-первых, только в этом направлении можно достичь земель, где

добывалось золото, которое и попало в Сеуте в руки португальцев, так как на востоке были исламские владения, а путь через Северную Африку к суданскому золоту преграждала Сахара. К этому следует добавить, что многие космографы ошибочно полагали, что Нил или, по крайней мере, один из его рукавов впадает в Атлантический океан где-то в Западной Африке. Какая заманчивая перспектива обойти арабские караваны! Во-вторых, Генрих Мореплыватель ищет легендарного «брата во Христе», короля-священника Иоанна, правившего в «Африканской Индии». Именно так называли тогда империю в Эфиопии, первые посланцы которой достигли Иберийского полуострова в 1327 году. (В 1452 году в Португалию прибыло даже официальное посольство из Эфиопии.) Разве можно было упустить возможность разработать гигантский стратегический план - сокрушить с тыла государства, входившие в сферу влияния арабов и османов? Торговлю рабами, вскоре бурно расцветшую, напротив, никак нельзя считать движущей силой первых изыскательских плаваний португальцев хотя бы потому, что тогда никто не знал, могут ли вообще жить люди в условиях жаркого климата южнее мыса Бохадор. Ведь утверждали же античные и средневековые географы, что тропический зной якобы уже в субэкваториальных районах труднопереносим, поэтому местные жители от жара почернели, кроме того, солнце там сжигает все живое.

Генрих Мореплыватель и его капитаны подвергли подобные бытовавшие тогда догмы проверке. В 1416 году первые португальские барки появились у западного побережья Марокко, через два года достигли архипелага Мадейра и в 1425 году уже курсировали в районе Канарских островов.

В 1434 году Жил Эаниш обогнул мыс Бохадор, постоянно окутанный туманами, омываемый при западном ветре более чем двенадцатиметровыми волнами и считавшийся до сего времени границей мореплавания в Атлантике. Хронисты сообщают, что Эаниш предпринял пятнадцать попыток обойти мыс, и только тогда его мужество было вознаграждено. Вернувшись назад, он преподнес принцу Генриху Мореплывателю букет диких роз, которые нарвал по ту сторону мыса, сообщив, что путь на юг свободен. Через год Эаниш и Афонсу Гонсалвиш Балдаиа пересекают тропик Рака и достигают Рио-де-Оро. На сей раз, моряки привозят кое-что более дразнящее воображение, нежели розы, - золото. А в 1441 году Антон Гонсалвиш доставляет инфанту с мавританского побережья «черное золото» - негритянских рабов.

Африка на одной из карт Пьера Десейера (1548)

Все сильнее бьется пульс эпохи географических открытий. В 1446 году Диниш Фернандиш достигает островов Зеленого Мыса. Как, должно быть, ликовали моряки, завидя эту землю, до такой степени не соответствующую средневековым представлениям об экваториальной растительности, что они дали ей это название. Итак, было установлено, что античные ученые ошибались. Вблизи экватора нет выжженной земли! Итальянцы Антониотто Узодимаре и Луиджи Кадамосто, состоявшие на португальской службе, в 1455 году открыли Гамбию и даже предполагали, что обнаружили рукав Нила, но их надежда не оправдалась. В 1460 году принц Генрих Мореплатель умирает. К этому времени его каравеллы бороздят Гвинейский залив, а на плантациях сахарного тростника и пшеничных полях Мадейры уже гнут спину первые африканские невольники.

Мечты Генриха Мореплателя осуществились только частично. С 1442 года удается регулярно выменивать большие количества золота на

ткани, коралловые бусы и серебро; у набережных Лиссабона вплотную друг к другу швартуются корабли, груженные рабами и слоновой костью, аравийской камедью и гвинейским перцем. Но суданское золото и король-священник Иоанн, с помощью которых принц Энрике собирался завоевать Иерусалим, все еще не найдены.

Самым деятельным последователем Генриха Мореплавателя был, пожалуй, Жуан II (1481 - 1495), который задался целью претворить в жизнь даже более дерзновенные идеи. Этот принц, а позже король, уполномоченный отцом Альфонсом V (1438 - 1481) «управлять Гвинеей и разведывать моря, страны и народы, которые не были известны до принца Энрике», продолжает целенаправленно организовывать дальние морские плавания. После того как многие выводы античных космографов оказались ошибочными, он сомневается и в авторитете Птолемея, который когда-то изобразил Индийский океан внутренним морем. Где-то же Африка должна кончаться! И тогда можно поставить перед собой более привлекательную цель, чем освобождение гроба господня: достижение Индии с ее пряностями и самоцветами.

В 1482 году Дьогу Кан открывает устье Конго, и король считает, что почти достиг заветной цели, и отвергает предложение Колумба добраться до Индии западным путем. Наконец, однажды, в начале 1488 года, капитан Бартоломеу Диаш, исследовавший за одним из береговых мысов южное побережье Западной Африки, был снесен вместе со своими каравеллами сильным штормом далеко на юг. Диаш выровнял курс и поплыл на север. Скоро его взору, словно в награду за самое долгое доселе в истории человечества плавание, открылись горы, которые до сих пор не видел ни один европеец, - Капские горы. Капитан, следуя вдоль побережья, вскоре вынужден был уступить настояниям обессиленных, упавших духом членов команды и, как пишет хронист, «с Индией перед глазами, как Моисей с землей обетованной», повернуть назад. На обратном пути Диаш огибает испещренный расселинами, окруженный морской пеной мыс Игольный и следующий за ним мыс, замыкающий Столовую бухту, который он называет мысом Бурь. Король Жуан дает ему позже другое наименование - Cabo de Boa Esperanca - мыс Доброй Надежды.

*Европейские представления: сбор урожая пряностей в Индии.
Иллюстрация времен средневековья к путевым заметкам Марко Поло.*

Жуан II оставил своему преемнику Мануэлу I (1495-1521) не только разведанный путь в «Землю обетованную», но и централизованно управляемое государство.

"El Hombre" (муж, мужчина) - так уважительно называла королева Кастилии Изабелла Жуана II - лишил знатных дворян власти, их феодальных привилегий, конфисковал большинство поместий, а самых знатных вельмож сослал или казнил. Герцог де Браганса был обезглавлен, для герцога де Визеу даже не потребовался палач - Жуан собственноручно задушил его. Создается впечатление, что король находил наиболее деятельных и верных приверженцев в среде среднего и низшего дворянства, например среди Магальяншей. Вполне возможно, что в результате «реставрации», начавшейся при Мануэле, когда многие мелкопоместные дворяне лишились своих должностей и доходных мест, отец Фернана тоже потерял свой пост. Можно также допустить, что в связи с этим были значительно осложнены будущие отношения Фернана со своим сюзереном, и что это в какой-то степени способствовало его переходу на испанскую службу, но истина, видимо, несколько проще

Во всяком случае, Мануэл может себе позволить призвать назад бежавших в Испанию аристократов и вернуть им владения. Затем, в 1497 году, он посылает Вашку да Гаму с четырьмя кораблями, оснащенными пушками, и командой из ста семидесяти человек в плавание, чтобы «открыть» Индию. Да Гама блестяще справился с этой задачей. Он огибает мыс Доброй Надежды и, преодолев на своем пути многие невзгоды, достигает восточно-африканской гавани Малинди. Оттуда в мае 1498 года он добирается с помощью индийского происхождения лоцмана в Каликут⁶ на Малабарском побережье. Когда экспедиция не без приключений, с малым количеством перца и корицы,

лишь с третью первоначального экипажа в июле 1499 года вернулась в Лиссабон, то оказалось, что она, тем не менее, самая удачная из всех экспедиций, предпринятых Португалией до сих пор. Восток теперь навеки связан с Западом. Ощутимо доступными становятся сокровища Азии: китайские шелка и фарфор, корица, кардамон и перец - с Малабарского побережья, гвоздика и мускат - с Молуккских островов и островов Банда, жемчуг - с Цейлона, изумруды, дорогие хлопчатобумажные ткани и ковры - из Индии.

Через полгода по маршруту да Гамы двинулся Педру Алвариш Кабрал. В его распоряжении тринадцать кораблей и тысяча пятьсот наемников, и он знает, когда их следует пустить в ход. Во время этого плавания он откроет и присоединит к Португалии Бразилию, в Индии же будет проводить столь жестокую, сколь и коварную политику - начало блестящей и лицемерной эры португальского колониального владычества. Прошли времена, когда фраговали суда и в стране ходили кожаные деньги. Скоро Мануэл прикажет отчеканить знаменитые «португальские золотые» - монеты достоинством десять крузаду из чистого золота весом в тридцать пять граммов. К своим многочисленным титулам король добавит еще один: «Владыка земель, путей и торговли Эфиопии, Аравии, Персии и Индии».

Кабрал вступает во владение Бразилией. Иллюстрация XIX века.

Между тем один могущественный соперник требует участия в разделе богатств этого мира. Это Испания. Благодаря Алькасовасскому мирному договору (1479) было покончено с многолетними войнами за Кастильское наследство. Он заставил на какое-то время враждующих иберийских соседей уважать друг друга. Согласно договору, Афонсу V уступил притязаниям Испании на Канарские острова. Испания же уступала Португалии пальму первенства на всем пространстве южнее Канарских островов (28° северной широты). Таким образом, Афонсу получал свободу действий на Западноафриканском побережье, а испанские монархи не могли рассчитывать на большее, пока их силы были скованы войной с маврами.

Но когда Колумб в 1493 году, возвратившись из своего первого плавания, сообщил, что открыл Индию, Жуана II, должно быть, охватил сильнейший приступ ярости. Он заявил, что земли, открытые Колумбом, по Алькасовасскому договору находятся в сфере влияния Португалии, и привел флот в боевую готовность. Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская не преминули сделать то же самое. Кроме того, в поисках защитника испанские монархи обратились к папе римскому. После долгого и мелочного торга переговоры, наконец, завершились. В 1494 году был подписан Тордесильясский договор, по которому все районы по ту сторону от линии, отстоящей на запад от островов Зеленого Мыса на 370 лиг (около 1110 морских миль), относятся к сфере влияния Испании. Все, что находится к востоку от демаркационной линии, принадлежит Португалии. Даже не принимая во внимание тот важный факт, что не было выяснено ни отношение к условиям договора коренного населения тех районов мира, ни отношение других европейских стран к подобному разделу пирога, договор имел еще один недостаток. Поскольку никто в то время не мог определить географическую долготу, граница сфер влияния оставалась неопределенной, тем более на противоположном полушарии. А ведь там находились острова Пряностей, за обладание которыми скоро развяжется соперничество, и в разрешении этого спора Фернан ди Магальяйнш сыграет не последнюю роль.

Таков примерно исторический фон, определивший необычайный курс занятий, которые проводятся с пажом Фернаном ди Магальяйншем при дворе. Будущий король Мануэл - ко времени начала пажеской службы Фернана ему исполнилось двадцать три года - сам наблюдает за уроками, лично поощряет и наказывает учеников. Мануэл также интересуется астрономией, картографией, мореплаванием и гордится тем, что король Жуан позволил ему включить в свой герб знаки, красовавшиеся прежде на щите Генриха Мореплавателя. Однако он не слишком доверяет своему родственнику королю Жуану, а также пажам, которые, как правило, были сыновьями тех, к кому король особо благоволил (ведь герцог де Визеу, убитый королем, был его братом). Кстати, королева - его сестра, и, если с наследником престола что-нибудь случится, он сможет занять трон и тогда избавится от неугодных ему людей, в том числе и среди пажей.

Наследник престола падает с лошади и умирает в 1495 году. Мануэл, которого позже назовут Счастливым, становится королем Португалии. Когда он действительно решил избавиться от приверженцев Жуана, Фернана ди Магальяйнша в отличие от его отца не тронул. Только в 1504 году Магальяйнш просит короля освободить его от службы при дворе, чтобы принять участие в плавании в Индию, к которому готовится Франсишку ди Алмейда. Конечно, он хочет, наконец, познакомиться с тем, что ему известно по завораживающим рассказам: с базарами, где аромат пряностей перехватывает дыхание, где толкуются задрапированные в мерцающие и искрящиеся шелка индианки, где, словно дешевые леденцы, сверкают горки драгоценных камней и золотых украшений, выложенные на продажу; увидеть разукрашенных слонов и золотые кровли храмов; побывать в джунглях и ощутить запах свежего сандалового дерева. Он горит желанием воздвигать кресты, переживать приключения, опробовать в деле свой меч.

Манящая Индия

Храм, созданный моим воображеньем,
Был золотым с подножья до вершины.
Глупец! Все рухнуло в одно мгновенье,
Зачем тебя я слушал, бог наживы!

Луиш ди Камоинш. «На смерть португальца, погибшего в Африке»

Панорама Каликута XVI столетия. Гравюра по дереву Белль-Форе.

Посланцам короля Мануэла в Индии пришлось убедиться, что их товары здесь не ценятся. Индия не та страна, где можно, как на Африканском побережье, менять коралловые бусы на золото или, того хуже, безнаказанно устраивать охоту на рабов. Когда Вашку да Гама

предстал на аудиенции перед раджой (самудрином) - правителем Каликута, - его казначей насмешливо отказался принять подарки европейцев. Пристыженные португальцы убедились, как строго соблюдается здесь коммерческий уклад, давно заведенный арабскими купцами, когда европейские ткани, безделушки и их святая вера ни во что не ставятся. Чувствовал ли себя при этом да Гама истинным первооткрывателем? В Каликуте он встретил многих, кто прекрасно владел итальянским и испанским языками, знал, откуда он прибыл, и видел в нем, только морского разбойника, стремившегося обобрать купцов, торговавших на всем пространстве от Индии до Александрии. Однако ему не дано было увидеть, как Колумбу, людей, в страхе падающих ниц перед «белыми богами».

Чудеса Индии: эму, страус и "огненная саламандра". Рисунок из мастерской де Бри (1600)

Вашку да Гама и его последователи вынуждены были здесь воевать, бесцеремонно используя те немногие преимущества, которые могли сыграть им на руку: феодальную раздробленность Индии, раздоры между мусульманскими султанами на севере, между империей каликутского раджи и индуистским государством Виджаянагар на юге. Учитывались дерзкая смелость португальских солдат, их более совершенное оружие и могучие, но ходкие корабли с пушками, изрыгающими огонь. И еще одно средство пускалось в ход - зверская жестокость. «Счастье, что всевышний создал португальцев меньше, чем тигров и львов, иначе бы они уничтожили весь род людской», - гласила индийская поговорка того времени. Это действительно так, ведь для португальцев речь идет о большем, нежели о лишении мусульманских купцов их привилегий. Дело касается гигантских барышей, попадавших до сего времени в сундуки индийских, персидских, египетских, турецких и венецианских торговцев. Количество перца, корицы, имбиря или гвоздики, которое можно получить в Каликуте за 10-20 дукатов, в

Венеции, например, стоит уже 100 дукатов. Приблизительно так же обстоят дела с другими ценными товарами с Востока. Сейчас Португалии представилась удачная возможность несколькими решительными взмахами меча разрубить существующую торговую сеть и потом заполучить все то, что до сих пор загребали другие: торговую пошлину, подорожные налоги и остальные доходы от торговли.

Отъезд Вашку да Гамы с Малабарского побережья походил на бегство. Педру Алвариш Кабрал поначалу тоже вынужден был беспомощно сносить поведение купцов-соперников, которые мешали ему загрузить корабли пряностями, пытались всячески задержать его до тех пор, пока с муссоном через Красное море не придут арабские купцы-мореходы и не выдворят непрошенных пришельцев. Он испробовал и ценные подарки, и силу, а добился лишь того, что враждебно настроенные мусульмане напали на португальскую факторию, недавно заложенную в Каликуте. Погибло пятьдесят европейцев. Кабрал отомстил. Два дня кряду он вел обстрел города из корабельных пушек, причем пострадали, конечно, ни в чем не повинные люди. Правда, это вызвало широкое одобрение противников раджи Каликута. Кабрала торжественно встретили в Кочине и Каннануре, там он, наконец, получил желанные пряности.

Вашку да Гама. Миниатюра XVI века

За ним в 1501 году последовала эскадра из четырех кораблей под предводительством Жуана да Новы. Он закупил в Кочине и Каннануре много специй, а также нанес поражение каликутскому флоту.

Потом, в 1502 году, снова появляется Вашку да Гама, но на этот раз уже не в роли открывателя и просителя, да и подарки он везет странные. Арабские торговые корабли, повстречавшиеся в пути, он приказал захватить и поджечь; один из них пошел ко дну со всеми находящимися на нем людьми, всего двести человек - мужчин, женщин, детей, - совершавших паломничество в Мекку. Когда его флот оказался в виду Каликута, на реях все еще болтались повешенные. Он потребовал от раджи, чтобы тот изгнал из своего государства всех арабов - это приблизительно пять тысяч семей, - но, поскольку правитель не уступил, португальцы начали лютовать словно одержимые. Восемьсот пленных, так утверждает хронист, подверглись зверским истязаниям - им отрубили носы, уши и руки. Потом отрубленные части тела бросили в одну лодку, изувеченные, дергающиеся туловища - в другую. Несчастливым связали ноги и выбили зубы, чтобы они не могли перегрызть связывающие их путы, затем их облили маслом и подожгли. Лодки с ужасным грузом стало сносить к берегу, ярко озаренному отблесками артиллерийского огня, опустошавшего город. Кого же удивит, что каравеллы Вашку да Гамы покидают на этот раз Малабарское побережье груженные до отказа! Впрочем, не все: один конвой под командованием Висенти Содре отстал от остальной эскадры, чтобы подстергать у выхода из Аденского залива арабских мореходов.

В 1503 году, как раз тогда, когда да Гама возвращается на родину и король Мануэл награждает его титулом графа Видигейры, Франсишку и Афонсу Албукерки закладывают в Кочине форт Сантьяго. Те сто двадцать португальцев, которые под руководством Дуарти Пашекуша остались защищать первый оплот Португалии на индийской земле, проявили себя столь же смелыми воинами, сколь жестокими оказались подчиненные да Гамы. Они с местными союзниками, предоставившими для защиты крепости пять тысяч человек, отбили в 1504 году много нападений каликутского раджи. Его войска насчитывали семьдесят тысяч солдат, сто шестьдесят кораблей и триста восемьдесят орудий. Атаки с суши и моря, брандеры и плавающие крепости не смогли вытеснить португальцев с труднодоступного клочка земли, где они утвердились. Нападающие не учли несоизмеримо большую точность попадания европейских пушек и не могли ничего поделать со стойкостью и мужеством Пашекуша и его соратников, подогреваемых фанатизмом и алчностью. В конце концов, эпидемия заставила осаждающих убраться восвояси. «Краеугольный камень португальского владычества в Индии» остался цел и невредим. В ближайшее время кое-кто из правителей на Малабарском побережье тайно или явно изыскивает возможности сближения со зловещими чужестранцами, тем более что Лопу Суариш еще в том же году появился у Каликута и снова обстрелял многострадальный город из своих корабельных пушек.

Лиссабон в XVI столетии. Иллюстрация с современного рисунка

Именно в 1504 году Магальяйнш, наконец, обратился к своему королю с просьбой освободить его от службы при дворе и позволить отплыть в Индию с Франсишку ди Алмейдой - будущим вице-королем. Мануэл дал согласие. 17 декабря бывший паж Фернан ди Магальяйнш, а ныне собресальенте⁷ во флоте ди Алмейды появился у Домингу Мартинша, нотариуса из Белена, чтобы заверить и оставить на хранение свое завещание. Этот рукописный текст в отличие от составленного позже в Испании документа, выражающего последнюю волю Магальяйнша, кажется, начертан им собственноручно. Но завещание все же мало говорит о его характере. На случай, если он не вернется из Индии, Магальяйнш завещает все свое имущество сестре Терезе, ее мужу Жуану да Силва Теллишу и их сыну. Он обязует Силва Теллиша включить герб Магальяйншей в изображения на своем родовом щите. Поместье Кинтади-Сота он отписывает в пользу церкви в Саброзе. За это должно быть отслужено двенадцать месс по одной в год за упокой его души. Кроме того, он просит:

«Если я умру на чужбине или на корабле армады, с которой, продолжая верой и правдой служить моему повелителю, высочайшему и могущественнейшему королю Мануэлу, да продлит господь его дни, направляюсь в Индию, то прошу похоронить меня как простого матроса. Мою одежду и оружие прошу отдать корабельному священнику, чтобы он отслужил три заупокойные мессы».

В первые весенние дни 1505 года Фернан ди Магальяйнш прощается с Лиссабоном, этим лабиринтом на семи холмах, где он провел юность. Он прощается с крутыми переулками между высокими, отбрасывающими густую тень домами; от их фасадов эхом отзываются пронзительные крики ремесленников, торговков рыбой и звуки свирели, которыми пытаются привлечь внимание прохожих точильщики; прощается с

Алфамой - этим экзотическим уголком, где мавританские арочные проезды чередуются с внутренними двориками, великолепно разукрашенными изразцами.

Город уже совсем не похож на тот, каким его увидел двенадцатилетний паж. Пальмы, саженцы которых доставили из североафриканских владений, окаймляют только что застроенные улицы. Роскошные здания вытесняют и поглощают жилые кварталы бедняков, окруженные хлопающим на ветру бельем, развешанным для просушки. Там, где раньше можно было видеть преимущество рыбацких жен в черных одеяниях - они считали себя вдовами, пока их мужья оставались в море, - сегодня встречаешь празднично гуляющих знатных дам в роскошных платьях из шелка и парчи.

Очень изменился и Белен - гавань, расположенная перед Лиссабоном, где стоит готовый к отплытию флот ди Алмейды. В 1499 году там, где еще Генрих Мореплаватель воздвиг часовню в честь девы Марии, король Мануэл начал строительство монастыря иеронимитов⁸. Здесь молился да Гама перед выходом в свое первое плавание, здесь, в начальном пункте португальской экспансии, были упокоены под высоким надгробием его останки, а рядом - останки Луиша Важа ди Камоинша, знаменитого португальского поэта, воспевавшего величие подвигов и страдания мореплавателей, искавших дорогу в Индию. Монастырь иеронимитов не слишком гармоничное произведение архитектурного искусства. Самое прелестное, что в нем есть - водоемы со скульптурами львов в крытых галереях, - заимствовано, видимо, из мавританского стиля. Все остальное - каменные украшения в виде розеток, фрески куполов, напоминающие переплетения снастей, - производит, с одной стороны, впечатление излишества, с другой - кажется, что все это порождено непомерной спесью.

Ранним вечером 25 марта 1505 года Фернан ди Магальяйнш стоит коленопреклоненный, как и многие отбывающие с ди Алмейдой, перед алтарем в Белене. Для беседы со всевышним много причин. Магальяйнш завербовался на трехлетнюю службу в Индию, где сразить, кроме холеры и лихорадки, его могут еще стрелы и мечи. Цинга и штормы в те времена нередко уносили не менее половины команд. А на сей раз гороскопы лиссабонских астрологов что-то уж чрезмерно мрачны. Но, ни предстоящие трудности, ни какие-либо иные причины не в состоянии запугать полторы тысячи солдат, двести канониров, четыреста матросов, четыреста ремесленников и собресальенте, которые спустя день на двадцати двух кораблях покидают Белен и спускаются вниз по Тежу. До самой банки у устья реки их сопровождает король. Уже во время подготовки к экспедиции Вашку да Гамы можно было почти ежедневно видеть в гавани короля Мануэла. Вот и теперь он лично ободряет каждого из своих капитанов.

Мануэл Счастливым знает, что делает: мусульманские владыки пожаловались папе римскому на зверства и разбой португальцев и

пригрозили разорить гроб господень, к тому же султан Египта собирает флот, и, что опаснее всего, этой подготовкой к военным действиям руководят могущественнейшие венецианские купцы, получавшие до сих пор основные барыши от торговли с Восточной Азией. Рассказывали даже, что венецианские канониры обучают экипажи арабских военных кораблей и купеческих судов. Как бы там ни было, но, чтобы овладеть индийскими пряностями и драгоценностями, нужно пускаться в ход более жесткие меры. Для этого и учреждалось в Индии вице-королевство, направлялись туда грандиозные вооруженные силы, привлекались средства банкиров Фуггеров и Вельзеров. Этим же определялось морское тщеславие Мануэла. Инструкции, полученные Алмейдой, однозначны: от Софалы до Ормуза, от Кочина до Баб-эль-Мандеба - везде он должен стереть с лица земли мусульманские укрепления и заложить в общей сложности шесть португальских крепостей. Они поднимутся преимущественно на небольших островах, расположенных неподалеку от материка. Алмейда должен преследовать все торговые суда, капитаны которых не могут предъявить так называемых карташей - разрешения купцам на торговлю в этих местах. Выдавать карташи впервые начали во время правления Алмейды. И наконец, он должен после того, как будет в достаточной степени продемонстрирована его военная мощь, заключить политические и военные союзы. При этом безразлично, какого вероисповедания придерживаются его будущие партнеры. В отношении веры Мануэл, даже если бы хотел, не имел возможности быть слишком щепетильным, ведь уже тогда можно было предвидеть, что, хотя Португалия и будет контролировать Ост-Индию, тем не менее, она никогда не сможет полностью ее покорить.

Монастырь иеронимитов в Белене. Рисунок XIX века

Сначала флот ди Алмейды входит в гавань Портудал, расположенную к югу от островов Зеленого Мыса. Там запасают питьевую воду, и флот делится на две эскадры. Одной предстоит, как только будет обойден мыс Доброй Надежды, военный поход на Восточно-африканское побережье. Вторая эскадра получила задание без промедления плыть к острову Анджидива, что расположен южнее сегодняшнего Карвара, там укрепиться и ожидать другие корабли. Но прежде, чем все это произойдет, Фернан ди Магальяйнш и все те, кто впервые держат путь в Индию, успеют узнать, как убога и сурова жизнь рыцаря, ступившего на «стегию господню». Питание на борту крайне скудное, а вода вскоре протухла; у южной оконечности Африки кормчие сбились с курса, и корабли оказались на пять градусов южнее намеченного курса. Тем самым они подвергли команды суровому испытанию - корабли попали в область неистовых штормов, характерных для этого района в зимнее время. В результате лишь шесть судов сумели обогнуть мыс, в том числе корабль Алмейды - его целью была Индия.

По сообщениям многих хронистов, между 20 и 26 июля 1505 года кормчие флотилии, решив, что мыс уже обойден, сменили курс на северо-восточный. Но вновь обрушившийся ураган изодрал в клочья паруса одной из каравелл, вырвав их из шкаторин; трех человек бушующие волны смыли за борт. Потом, наконец, воцарилась хорошая погода. Франсишку ди Алмейда может считать себя счастливым. В Атлантике и Индийском океане до сих пор были разбиты только два

корабля, которые пришлось бросить, потому что они пришли в негодность.

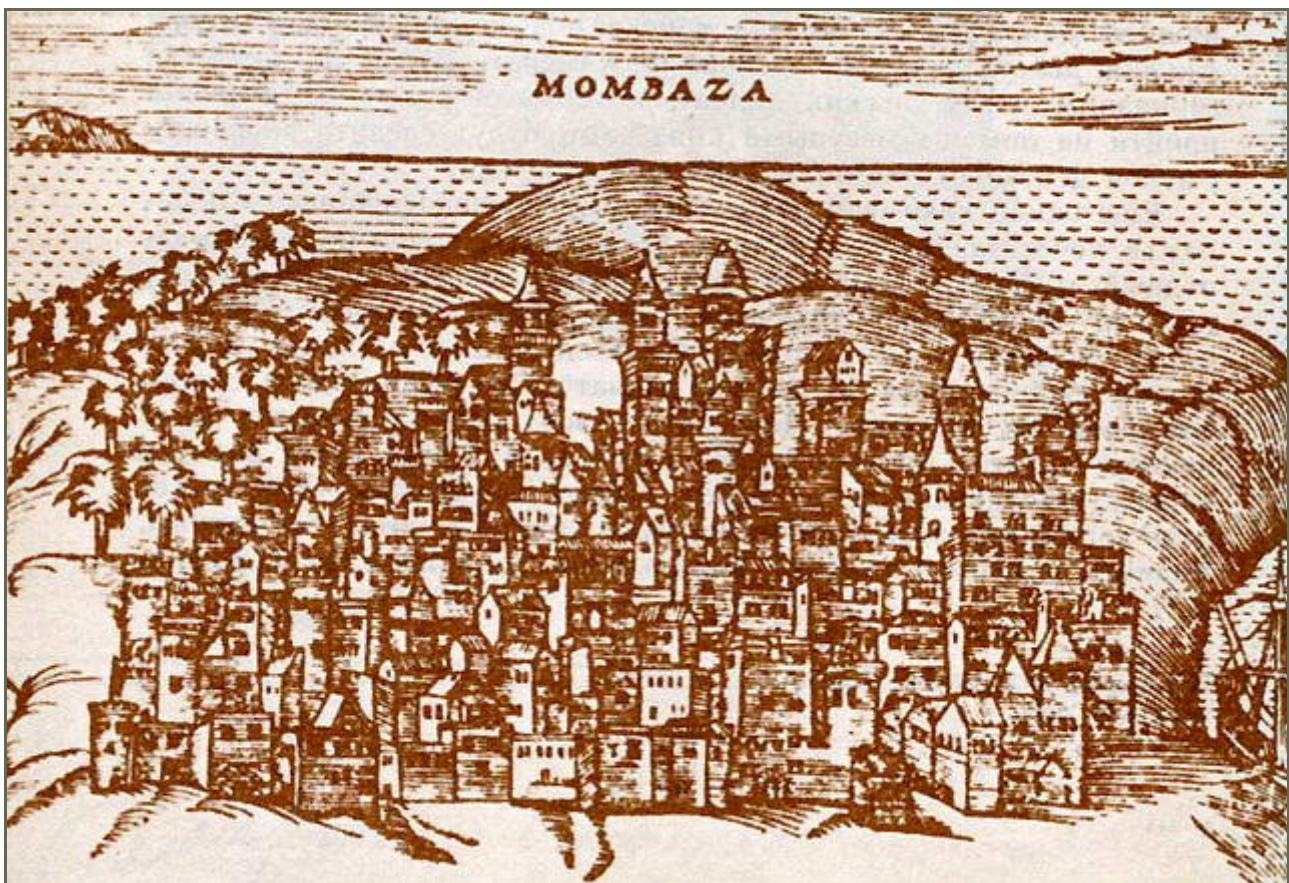

Франсишку ди Алмейда. Миниатюра XVI века

В середине июля флот бросил якорь у островов Примейраш близ побережья Мозамбика, где намечалась короткая стоянка. Пребывание на островах, почти безводных, поросших казуаринами и густым кустарником, необходимо не столько для отдыха команд, сколько для приведения в порядок кораблей и бортовой артиллерии, так как ближайшая цель плавания - Кильва. 22 июля восемь судов, остававшихся еще с Алмейдой, достигли этой гавани - одного из важнейших центров восточноафриканской торговли золотом, медью, слоновой костью, рабами, медом, воском и кожами. В 1502 году Вашку да Гама навязал шейху Кильвы договор, обязывавший его отдавать предпочтение португальским кораблям и систематически выплачивать

дань. Но уже в 1504 году правитель Кильвы посчитал себя достаточно сильным и отказался выплатить дань Лопу Суаришу, возвращавшемуся на родину. И сейчас шейх действует отнюдь не как покорный верноподданный. Алмейда без промедления реагирует. Утром 24 июля, еще в сумерках, пятьсот закованных в латы португальцев высаживаются на берег. Прошло совсем немного времени, и первый бой Магальяйнша и других собресальенте был уже позади. Город, вместивший под своими крышами двенадцать тысяч человек, его богатства, стада, плантации, склады, полные товаров, - все разграблено. Вся добыча вместе с другим награбленным добром будет позже продана в Индии с аукциона. Не успели писари подсчитать количество захваченной меди и слоновьих бивней, как Алмейда уже распорядился заложить крепость Сантьяго. Точно так же сложились дела в Софале, расположенной южнее сегодняшней Бейры. Ее захватили войска под командованием Педру Аньейя, действовавшего отдельно от Алмейды. В фортах остаются гарнизоны португальских солдат, которые в союзе с готовыми прийти на помощь местными князьками будут следить за непрерывной деятельностью обоих центров торговли.

Еще одной ключевой позицией на Восточноафриканском побережье хочет завладеть Алмейда, прежде чем поднимется юго-западный муссон и вынудит начать приготовления к последнему переходу в Индию, - Момбасой. Там, однако, население не спасается бегством вглубь страны, как было до того в Кильве, а оказывает появившимся 13 августа захватчикам решительное сопротивление. Их встречают залпами из всех орудий севшего здесь некогда на мель португальского корабля. И только через два дня войска, высадившиеся на берег, смогут в уличных боях покорить город, при этом четыре человека убиты, а семьдесят ранены. Видимо, и в этой схватке Магальяйнш находился на переднем краю. Ибо собресальенте принимали на службу только в том случае, если они имели полное вооружение, приобретенное за свой счет, а так как Алмейда в Софале и Кильве оставил много солдат, он вынужден был использовать сейчас каждого латника. Таким образом, Магальяйнш, конечно же, принимает участие в последовавшем разграблении города, во время которого на корабли было загружено столько золота, серебра, слоновой кости и провизии, сколько удалось поспешно собрать, прежде чем Момбасу подожгли. На берегу на этот раз не оставляют гарнизон, а возводят мраморную колонну. Население же облагалось ежегодной данью в 60000 дукатов.

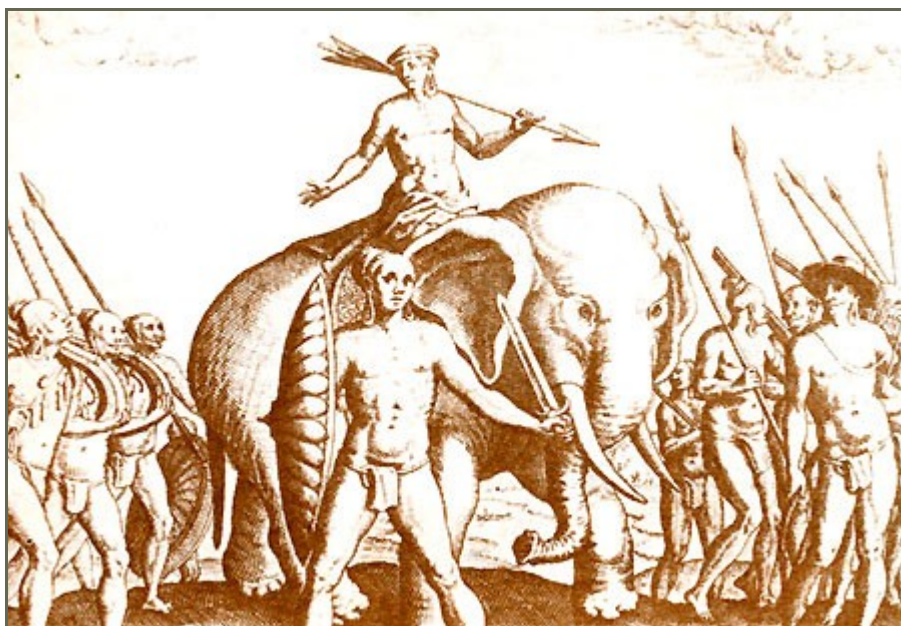
Момбаса. Гравюра по дереву из "Cosmographie universelle" (1575) Бель-Форте

После этих событий Алмейда плывет с уже ослабевающим юго-западным муссоном на остров Анджива, достигает его 13 сентября и без промедления приступает к строительству крепости. Время не терпит, ведь, конечно, будущий вице-король, именующий себя пока губернатором, захочет, отправить часть флота с поднимающимся северо-восточным муссоном назад, в Лиссабон. Груза более чем достаточно. Раджа Каннанура сообщил, что на складах собрано 20000 кинталей (920 тонн) пряностей и португальцы могут их перегрузить на свои корабли. Кроме того, казначеи Алмейды располагают полными кассами денег, вырученных от продажи на аукционах награбленного в Кильве и Момбасе добра, для закупки остальных ценных товаров.

После небольшой военной интерлюдии с непослушным князем острова Оноре (Хонавар) 22 октября Алмейда появляется у Каннанура. Здесь, во владениях союзного раджи, который, как и раджа Кочина, надеется, что с помощью португальцев будет сломлено господство Каликута, Алмейда провозглашает себя вице-королем Индии. Мы уже догадываемся, что еще успевают сделать Алмейда во время своего пятидневного пребывания в Каннануре: заложенная здесь крепость называется Сан-Анжел, ее будут защищать сто пятьдесят солдат и две каравеллы. Магальяйнша нет в числе защитников и этой крепости. Он остается на кораблях, которыми Алмейда еще располагает, и плывет в Кочин. Там он становится свидетелем великолепной церемонии коронавания местного раджи. Король Мануэл велел изготовить для вассала в Кочине корону,

которую как раз теперь и должен был Алмейда водрузить на голову раджи.

Другие князья на Малабарском побережье остались верны прежним партнерам. Так, очень скоро вице-король получает весть, что в Килоне, лежащем к югу от Кочина, португальцам не было разрешено заложить фактории с персоналом. Расправу Алмейда предоставил - как многие другие военные акции до этого - своему сыну Лоуренсу, который уже во время битв за Кильву, Момбасу и Оноре проявил себя как исключительно храбрый и осмотрительный воин. О нем шла молва, что он заговорен и от любого клинка, и от любой пули. Но это, конечно, не так - и мы об этом в свое время узнаем. Однако пока дому Лоуренсу опять удастся одержать блестящую победу. Когда же всего через несколько дней после отбытия из Кочина он возвращается назад, то может сообщить отцу, что флот восставших, в котором было двадцать семь кораблей, полностью разбит, сам же он не потерял ни одного человека.

Правитель. Кочина на боевом слоне. Рисунок из мастерской де Бри (1598)

К концу 1505 года на Малабарском побережье воцарилась обманчивая тишина. Франсишку ди Алмейда приказал оснастить и загрузить в Кочине караван судов под командованием Фернана Суариша, хотя и без того трюмы кораблей еще в Каннануре были забиты почти до самого верха мешками, полными корицы и гвоздики. Караван покидает Индию на второй день нового года.

Оставленное небольшое войско португальцев вынуждено отбивать нападения непокорных индийских владык, объединившихся вокруг каликутского раджи, а также мусульманских купцов, поскольку рассчитывать на подкрепление можно только с началом юго-западного муссона. Ситуация кажется им наиболее благоприятной для того, чтобы отплатить за зверства, учиненные в Каликуте проклятыми португальцами. Отомстить этим варварам в вою чих кожаных

колетах⁹ и ржавых латах, молящимся на деревянных идолах и действующим словно заправские пираты, одним ударом, как нечисть, вымести их с Малабарского побережья. Раджа Каликута собрал двести девять кораблей (правда, среди них около ста тридцати - маленькие суденышки без вооружения) и повел их в середине марта против основных сил португальского флота в Каннануре.

Но они не застали противника врасплох. Именно в то время Лоуренсу ди Алмейде, находившемуся как раз в Каннануре, нанес визит весьма странный человек, одетый в арабское платье, но уверявший, что он итальянец и зовут его будто бы Лодовико ди Вартема. То, что рассказал младшему Алмейде скиталец, пустившийся однажды в дальние странствия, в равной степени удивительно и поучительно. В 1502 году он покинул Рим, «поскольку был несметлив и не расположен учиться по книгам», и решился «собственными глазами увидеть различные места этого мира, ибо свидетельства даже одного очевидца стоят больше, чем все разговоры, вместе взятые, основанные на легендах и слухах». В Египте и Сирии он изучил арабский язык, стал вести образ жизни мусульманина. Это позволило ему беспрепятственно путешествовать по всем странам мусульманской сферы влияния - его будто бы даже занесло в Индокитай и на Молуккские острова. Правда, сейчас есть основания предполагать, что сведения об Индокитае и Молукках он почерпнул у арабских купцов. Бесспорно, однако, что его описания Мекки, Медины и районов Южной Аравии - первое письменное свидетельство европейца о тех областях мира. Но сейчас было не до рассказов о приключениях и чудесах далеких стран, пережитых и увиденных Вартемой, - он открывает Лоуренсу план нападения, про который проведал в Каликуте.

Таким образом, португальцы были предупреждены, когда 16 марта 1506 года, как позже записывает Вартема, они увидели возникшие на горизонте, словно лес стройных деревьев, мачты приближающихся кораблей. И несмотря на то что в распоряжении дома Лоуренсу находилось только одиннадцать каравелл, вид противника не вызвал отчаяния. Все и каждый уже привыкли презирать индийские войска, свято верят в боевую силу своих и, конечно, в поддержку всевышнего.

Тем не менее, морская битва при Каннануре станет для Магальяйнша и большинства его товарищей крещением огнем. По сравнению с ней Кильва, Момбаса, Оноре и Килон были детскими играми. Дом Лоуренсу потерял много людей, прежде чем ему удалось подавить сопротивление экипажа флагманского судна противника, а потом совместно с Нунью Ваз Перейрой засыпать пушечными ядрами самый большой вражеский корабль, так что не составило большого труда закрепить на его борту abordажные крючья. Кстати, Перейра - капитан именно того корабля, на котором сражается собресальенте Фернан ди Магальяйнш. Он к тому моменту, а возможно, и раньше, был тяжело ранен. Как сообщает хронист Гаспар Корреа, это не первое его ранение во время столкновений на Малабарском побережье.

Потеря самых больших кораблей, ужасные разрушения, причиненные португальским огнем, заставили, в конце концов, остатки флота, который, видимо, и вели-то сюда скрепя сердце, обратиться в бегство. Когда все кончилось, на стороне дома Лоуренсу насчитали семьдесят восемь убитых и более двухсот раненых. На следующее утро после битвы море выбросило на берег у Каннанура свыше трех с половиной тысяч трупов.

Алмейда решил, что утопил в крови сопротивление на Малабарском побережье. Он теперь шлет корабли для дальнейших поисков новых военных опорных пунктов и их укрепления. Так Лоуренсу ди Алмейда стал первым португальцем, попавшим на Цейлон. Нуњу Ваз Перейра получает особое задание, не менее важное. Он должен разобраться в сложной ситуации, сложившейся в Кильве, восстановить и упрочить господство Португалии в Софале, комендант крепости которой был убит арабами. Подчиненный Перейры Фернан ди Магальяйнш, кажется, тем временем завоевал значительный авторитет. Франсишку ди Алмейда упоминает его имя в отчете королю Мануэлу, где он сообщает о предстоящем предприятии и перечисляет выдающихся лиц, принимающих в нем участие.

Итак, уже двадцатилетний Магальяйнш в октябре 1506 года вместе с боевой группой Перейры покидает Индию и направляется к побережью Восточной Африки. По прибытии в Кильву выяснилось, что достаточно одного только вида войск португальцев, чтобы прекратились дразги по поводу наследования престола. А вот в Софале, напротив, пришлось пустить в ход корабельную артиллерию, пока тридцать шесть португальцев, уже долгое время осажденных в крепости, не были оставлены в покое. Теперь Перейра взял на себя командование фортом. Ему впоследствии будет придаваться особое значение, ведь в гавани Софалы сходятся караванные пути, по которым на побережье доставляется все добываемое южноафриканское золото. Скоро этот город для португальцев будет означать вход в Офир - страну, откуда происходили сокровища библейского царя Соломона. Магальяйнш же вряд ли мог отзываться столь хвалебно об этой местности, окруженной топкими болотами, где притаились лихорадка и прочие африканские болезни. Его пребывание здесь заканчивается в сентябре 1507 года, когда пришедшей из Лиссабона эскадре потребовалось подкрепление. Вместе с Перейрой и други ми товарищами он отправляется в Мозамбик. Там португальцы проводят время до начала юго-западного муссона, залечивая раны и болезни в наспех возведенном госпитале, строят церковь и совершенствуют систему защиты крепости.

*Описание Малакки в немецком переводе путевых заметок Ватремы
"Благородное и достохвальное путешествие", Аусбург, 1515*

Весной 1508 года Перейра и его команда снова прибыли в Индию. Именно в этот момент у вице-короля Алмейды появились новые заботы, которым не позавидуешь. До сих пор португальцы были почти полными хозяевами на море. Причина такого положения заключалась в том, что большинство арабских и индийских кораблей не было приспособлено для пушек, так как отдельные детали в местах соединения крепились канатами и деревянными шпонами. Но даже если на некоторых из них все же были пушки, то опытные канониры отсутствовали. Поэтому тактика португальцев держать во время боя свои каравеллы, обладающие хорошей маневренностью, на расстоянии пушечного выстрела от врага, чтобы тот не мог пустить в ход луки и пращи, всегда приносила успех. Но сейчас приближается хорошо вооруженный флот египетского султана. На многих его кораблях служат наемники из стран Восточного Средиземноморья. Флот объединился с вооруженными силами каликутского раджи, которому венецианские торговые партнеры прислали в 1503 году двух опытных мастеров по литью пушек и который теперь имеет в своем распоряжении и меткие орудия, и умелых канониров. Помимо этого, к флоту египетского султана присоединятся военные силы раджи Камбея. К этим несчастьям добавилось и то, что пошатнулась система военных опорных пунктов Португалии на суше: пришлось покинуть крепость на Анджидиве и сровнять ее с землей; на трон дружественного каннанурского раджи взошел другой, который месяцы вел осаду форта Сан-Анжел.

Жертвой этой борьбы стал дотоле якобы неуязвимый Лоуренсу ди Алмейда, высокородный сын вице-короля. Эмир Хусейн, адмирал египетского флота, извлек урок из поражений своих предшественников. В январе 1508 года он напал на корабли Лоуренсу, когда они находились в устье реки недалеко от Чаула (южнее Бомбея), где невозможно было использовать их значительно более высокую маневренность по сравнению с арабскими и индийскими судами. На этот раз с поля боя бежали португальцы. Только корабль дома Лоуренсу, не способный осуществить ни одного маневра, все-таки ведет стрельбу, и сын Алмейды погибает как герой. После того как пушечное ядро раздробило ему ногу, он велел привязать себя к мачте и продолжал командовать битвой, пока следующее ядро не заставило его умолкнуть навеки. Во всяком случае, именно так описывают этот эпизод некоторые хронисты. Конечно, сейчас было бы уместно напомнить, что все события, о которых здесь рассказывается, известны нам из свидетельств европейских историков. Это и объясняет, почему и победы, и поражения португальцев выглядят столь блестяще. Вряд ли вообще кто-нибудь имел возможность наблюдать кончину Лоуренсу, так как остатки его эскадры еще раньше спаслись бегством в Кочин, а девятнадцать человек, оставшиеся в живых после полного разгрома, были тяжело ранены и, видимо, уже в бессознательном состоянии попали в руки противников.

Португальцы в Индии заставляют носить себя в паланкинах. Рисунок из мастерской де Бри (1598)

Не подлежит сомнению, что вице-король Франсишку ди Алмейда стремится теперь лишь к мщению. И делает он это не из скорби по умершему сыну, которого он, кстати, недавно отдал под трибунал, предъявив обвинение в трусости, а в основном, потому, что хочет доставить королю более приятные вести. Ведь одновременно с ним в Каннанур в декабре 1508 года из Португалии прибывает некий гранд по имени Афонсу ди Албукерки - он-то и есть новый вице-король.

Иберийские государи не раздавали такие посты на пожизненный срок, дабы ни у одного из их подданных не оказалась в руках слишком большая власть. Албукерки - конкистадор чистой воды, сама его внешность вселяет страх, поскольку свою огромную буйную бороду он завязывает узлом, - только что нанес арабам серьезные удары в Оманском заливе и у Ормуза. Правда, против Алмейды, который не признает ни его печати, ни звания, ни сана, он не может ничего поделать. Он вынужден бездеятельно наблюдать, как его предшественник повел девятнадцать кораблей и тысячу триста воинов, среди них четыреста малабарцев, в одно из решающих в истории Азии морских сражений. На одном из тех кораблей опять под командованием Нуњу Ваз Перейры к заливу Камбей плывет и Фернан ди Магальяйнш.

Второго февраля 1509 года Алмейда встретил египетский флот, который, соединившись приблизительно с тысячью индийских кораблей, стоит в боевой готовности у Диу. Первые атаки не приносят преимущества ни той, ни другой стороне. В результате эмир Хусейн отводит свои корабли под защиту огня крепостной артиллерии и предоставляет противнику самому решиться на активные действия. На следующий день португальцы смело и решительно входят в бухту. Тотчас же корабли буквально заклинивают друг друга, пороховой дым заволакивает палубы, на которых в смертельной схватке уничтожают один другого египетские сабельники, итальянские канониры, португальские алебардисты, малабарские лучники. Нуњу Ваз Перейра получил приказ обстрелять галеру эмира Хусейна - вражеский флагманский корабль, - вывести его из строя и взять на abordаж. Он выполняет задачу с присущей ему энергией, пока мушкетная пуля, угодив в шею, не разрывает ее на куски. Битва длится с утра до ночи, потом становится очевидным, что Алмейда одержал полную победу; со светом уходящего дня угасает также жизнь четырех тысяч человек.

Как сообщает португальская хроника, судьбу этих четырех тысяч человек разделили только тридцать два соотечественника Магальяйнша. Сам он среди тех приблизительно двухсот раненых, что приняли бой на его стороне. Мануэл и будущие вице-короли Индии могут ликовать: правитель Диу заключает мир с Португалией, индийские раджи должны оставить впредь всякую надежду на помощь арабов. Отныне и на столетие вперед португальские корабли, почти не встречая сопротивления, контролируют водные пространства на Востоке. Франсишку ди Алмейду, однако, весьма рассердило то, что эмир Хусейн сумел бежать и что его теперь уже не подвергнешь тем истязаниям, которые выпали на долю пленных венецианцев. Их зверски пытали, затем привязали их изуродованные тела к жерлам пушек и прошили насквозь картечью. Кое-что еще омрачает радость вице-короля. Когда в марте 1509 года он возвращается в Кочин, там его ожидает Албукерки, перебравшийся сюда из Каннанура, и настаивает на передаче ему власти. Алмейда, недолго думая, велит взять его под стражу и отправить назад в Каннанур. И только осенью, когда на Малабарское побережье прибыл маршал Фернан Коутинью с весьма конкретными королевскими

повелениями и с тремя тысячами солдат, вице-королевство переходит в руки Афонсу ди Албукерки. Франсишку ди Алмейда так и не услышал от короля в свой адрес ни одобрения, ни порицания: он погиб 1 марта 1510 года по пути на родину. С ним вместе во время схватки с местными жителями в южноафриканской бухте Салданья погибло шестьдесят четыре человека, сопровождавших его.

Альфонсу ди Албукерки. Рисунок из "Conquestes des Portugais" (1733)

Там, где перец растет...

На этих островах найдешь много
рубинов, изумрудов, топазов и
сапфиров, также жемчуга; там
в изобилии мускат и гвоздика,
в лесу сплошные сандаловые деревья
и всевозможные специи во множестве.

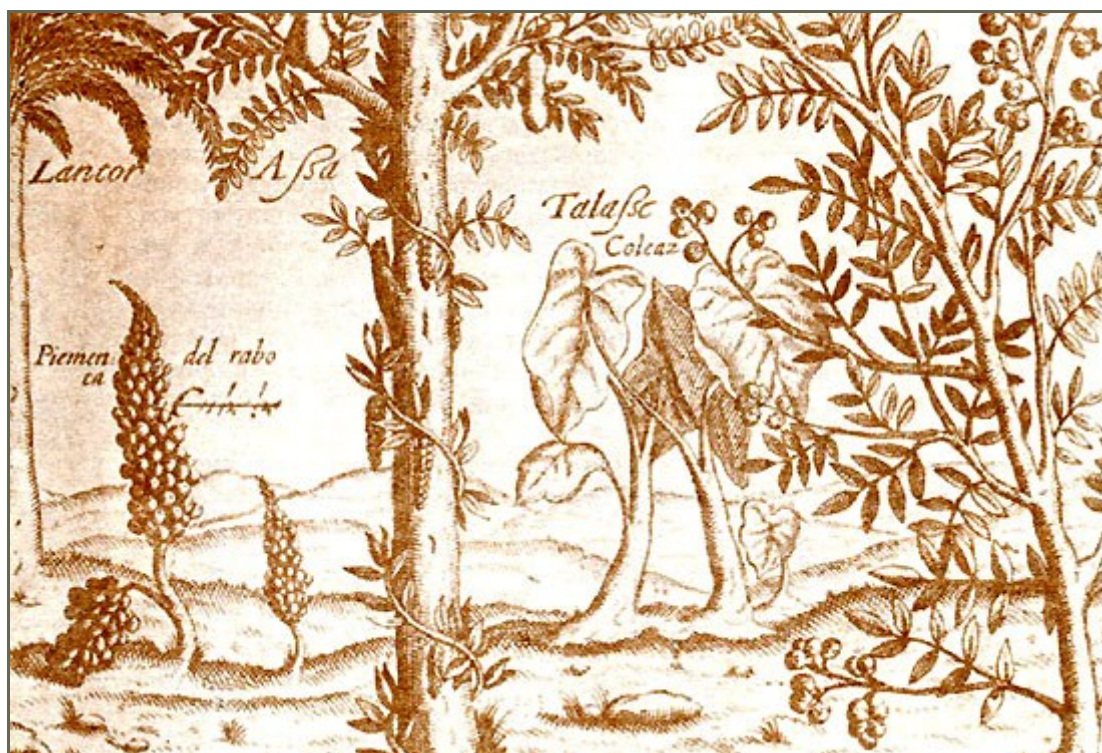
Мартин Бехайм об Индонезии. Надпись на его глобусе (1492 г.)

В предпоследнюю неделю апреля 1509 года в гавань Кочина вошли четыре корабля под командованием дома Дьогу Лопиша ди Сикейры. Резиденция Алмейды - только одна из остановок в путешествии Сикейры, цель которого - претворить в жизнь весьма честолюбивые намерения: знамя Португалии должно быть доставлено и в Малакку. Ведь от Лодовико ди Вартемы и других стало известно, что этот город - буквально кладовая мускатных орехов, мациса (цвет мускатного дерева), перца и гвоздики, доставляемых сюда с Молукк и островов Банда. На Малабарском же побережье произрастают лишь имбирь и перец, все остальные пряности попадают в Индию только через Малакку. Поэтому нет ничего удивительного, что Мануэл и его министры решили послать дальше на Восток свой авангард, чтобы поначалу разведать, как там могут быть встречены португальцы, алчущие

пряностей. Даже не принимая в расчет то обстоятельство, что прибыль от торговли через посредников значительно сокращается, были и другие соображения, заставившие умные головы в Лиссабоне задуматься. С одной стороны, хозяева биржи пряностей ищут дорогу к начальному звену торговой цепи ароматным товаром, с другой - это означает окончательное вытеснение арабских конкурентов, все еще здесь торговавших. Они, огибая далеко с юга Цейлон, ускользали от португальских каперских кораблей, поджидавших у Малабарского побережья, и продолжали доставлять из Малакки пряности.

После того как Сикейра изложил вице-королю свою миссию, тот передал в его распоряжение еще один корабль, а также семьдесят воинов, закаленных в боях. Среди них Фернан ди Магальяйнш и некий Франсишку Сирран, который еще сыграет в жизни нашего героя важную роль. А пока в августе с флотом Сикейры оба покидают Кочин. Они добираются до местности Педир на севере Суматры, где Сикейре удастся заключить дружественный союз с местными жителями, и 11 сентября 1509 года без всяких происшествий целыми и невредимыми прибывают в Малакку.

Когда каравеллы в этот день входят в процветающую гавань в проливе, носящем ее имя, они вынуждены осторожно прокладывать путь между лодками - малайскими прау, китайскими джонками и арабскими дау¹⁰. На рисунке неизвестного европейца, сделанном в 1536 году, перед нами предстает город, каким его мог видеть и Магальяйнш. Город разделен рекой на две части. На переднем плане - мост, о котором мы еще услышим, на правом берегу - длинные складские строения и гостиные дворы для купцов, на левом - дворец султана, большая мечеть, сады, минареты. Но рисунок, к сожалению, не может передать атмосферы активной торговой деятельности, царящей на «золотом полуострове» - так называли малаккский выступ суши уже в древности, - где фарфор и слоновая кость, шелк и рубины отдавались в обмен на дары природы островов Пряностей.

Чудеса Индии: тамаринд, манго и перец. Рисунок из мастерской де Бри (1600)

Дьюгу Лопиш ди Сикейра, снабженный небольшим количеством меди, амбры и венецианского стекла, а также богатыми дарами, ищет возможности сторговать побольше пряностей. Кроме того, он хочет заключить с султаном договор, который впоследствии обеспечит здесь, в Малакке, преимущество португальским кораблям. Без сомнения, вначале ему повезло: уже через три дня по прибытии султан принимает его со всей восточной пышностью и с выражением откровенного почтения, заверяя, что прикажет приготовить для Сикейры груз пряностей. Так что трудно сейчас установить, было ли последовавшее через пять дней нарушение данного султаном обещания, как утверждают португальские хронисты, заранее им спланировано или тому способствовали вести, полученные со стороны, и, может быть, поведение Сикейры. Бесспорно, португальцы не мыслили штурмовать Малакку командами пяти кораблей. И точно так же очевидно, что свой предательский план султан мог осуществить значительно раньше, чем это было сделано.

Предостережений о возможном вероломстве, на которые Сикейра реагирует до удивления равнодушно, хватало. В результате Сикейре самому едва удалось избежать покушения. А вот семидесяти его подчиненным была уготована ужасная участь. Их заманили на берег под предлогом получения очередного груза пряностей. Там на них напали. Кого убили на месте, кого взяли в плен. Одновременно переодетые торговцами воины попытались одолеть португальцев, оставшихся на кораблях. Нападение, одна ко, провалилось. Но из тех, кто сошел на берег и направился в город, сумела спастись только горсточка людей, которые успели добежать до берега и сесть в лодку, среди них Франсишку Сирран. Окруженные малайскими судами, они уже и не

рассчитывали выйти из переделки живыми. Своим спасением они обязаны Фернанду ди Магальяйншу и еще нескольким мужественным людям, поспешившим им на помощь. Последовавшее непосредственно вслед за этим нападение сампанов¹¹ и бесчисленных прау португальцы смогли легко отбить, их же соратникам на берегу уже никто не поможет. Тщетно требует Сикейра, чтобы отпустили оставшихся в живых португальцев. В конце концов, он приказывает убить двух пленных и трупы отправляет к берегу. Одновременно он заявляет, что король Португалии привык мстить за содеянное. Расплата предоставляется Албукерки, который прибудет сюда почти через два года вслед за Сикейрой.

По дороге назад, в Индию, когда португальцы, так же как и по пути в Малакку, преследовали чужие торговые суда, опять завязалась отчаянная схватка, в которой принял участие Магальяйнш. Точь-в-точь как перед Малаккой, он с пятью товарищами спешит на помощь экипажу каравеллы, попавшей в затруднительное положение, и помогает добиться победы.

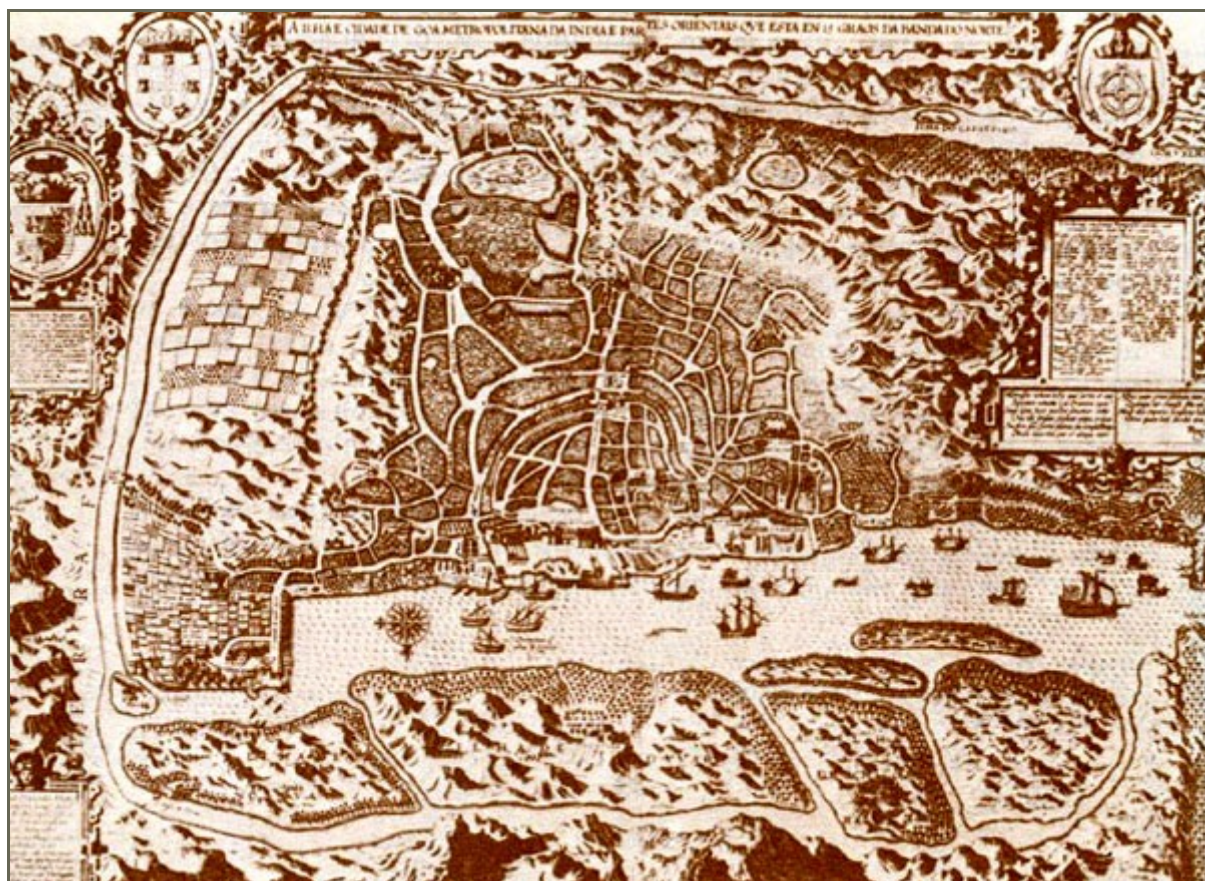
Итак, после перенесенных опасностей и потери двух судов - один корабль сел на мель в Малаккском проливе, другой пришлось сжечь, так как не хватало людей, чтобы сформировать его экипаж, - эскадра Сикейры в январе 1510 года появляется у индийского побережья. Командир эскадры на флагманском корабле прямым путем идет дальше, в Португалию, два других корабля поворачивают в Кочин.

Для истории португальской колониальной империи первое плавание в Малакку имело большое значение. И не только потому, что был разведан морской путь, каким не ходил до сих пор ни один европеец. Значительно более важным оказалось то, что теперь имелось собственное представление о «ключе к островам Пряностей». Лично для Фернана Магальяйнша, организатора и руководителя первого кругосветного плавания, оно было весьма плодотворным. Ведь именно тогда зародилась его искренняя дружба с Франсишку Сирраном.

Когда Магальяйнш и его братья по оружию прибывают в Кочин, новый вице-король Афонсу ди Албукерки как раз возвратился из своего первого военного похода. Противником он выбрал раджу Каликута, но был разбит и теперь вынужден оплакивать семьдесят убитых и около трехсот раненых. Всю вину за поражение позже приписали маршалу Коутинью, который совсем недавно доставил Албукерки три тысячи солдат. Он, как сообщают португальские летописцы, не захотел или не смог предотвратить того, что его подопечные, грабя и бесчинствуя, рассеялись по обширным владениям раджи. Тут-то их и вместе с ними маршала подстерегли и уничтожили бесстрашные малабарские воины.

Ни поражения, ни тяжелые ранения не могут отвлечь Албукерки от дальнейших действий. В конце января он с двадцатью кораблями двинулся на север, чтобы еще раз нагреться в богатый Ормуз, лежащий

в Персидском заливе. Но уже в пути он решается напасть на Гоа, самую защищенную гавань Малабарского побережья. К тому же Гоа находится недалеко от острова Анджидива и излюбленных, наиболее удобных маршрутов парусных судов между Индией и Восточной Африкой. Она в прямом смысле слова морские ворота субконтинента в Аравийское море. Кто владеет Гоа, тот собирает около полумиллиона дукатов в год одних лишь таможенных налогов, причем 80 000 из общей суммы - за ввоз в Индию одних только арабских скакунов. Сейчас, кажется, сложилась подходящая ситуация для захвата города, приносящего такой огромный доход, поскольку там начались распри из-за наследования престола. Поэтому уже в феврале, через несколько дней после своего прибытия, Албукерки становится повелителем крепости и города. Поражение, однако, объединило владык родов этой местности. В начале мая вице-король должен признать, что ему грозит осада шестидесятитысячным войском; восстание же населения вынуждает его с соратниками покинуть город. В конце концов, не удастся более удерживать и крепость. Понеся большие потери (из-за юго-западного муссона флот вынужден до августа оставаться вблизи Гоа), Албукерки принужден был отказаться от своих притязаний и отплыл назад, в Кочин.

Гоа. Иллюстрация из "Itinerario van I. N. van Linschoten" , Амстердам, 1596

Здесь рассказано о первом захвате Гоа португальцами, потому что хронист Жуан ди Барруш (1496-1570) утверждает, будто бы Магальяйнш принимал участие в тех событиях. Другие летописцы его имени не упоминают. И в самом деле, едва ли Магальяйнш мог принять участие в

первом военном походе на Гоа, если он пережил приключение, сведения о котором дошли до нас из источников, ничуть не менее достоверных.

Фернан ди Магальяйнш, оказывается, был в составе команды одного из трех кораблей, отплывавших где-то в середине января из Кочина в Лиссабон. Один из кораблей достиг цели, но два других наскочили на риф недалеко от Лаккадивских островов. По счастливой случайности крушение произошло, когда стояла хорошая погода, поэтому никто не пострадал и значительную часть груза удалось спасти. Куда более безотрадным и неприятным был раздор, возникший на следующий день после катастрофы. После того как все высокопоставленные персоны добились места в лодках, представители команд потребовали, чтобы подумали и о них. Понятно, что их красноречиво заверили, будто лодку вышлют позже. Ясно также, что команды желали заручиться гарантиями. Они их получили. Порукой тому стал Фернан ди Магальяйнш - определенно он был уже офицером высокого ранга. Магальяйнш согласился терпеливо выждать вместе с матросами, пока придут спасатели.

Барруш сообщает, что Фернан вызвался ждать добровольно, так как один из его друзей, «лицо невысокопоставленное», находился среди команды. Мы можем разделить догадку биографа Магеллана Гийемара (*Guillemard F. H. H. The Life of Fernan de Magellan... London, 1890*), что тем другом был Франсишку Сирран. Естественно также допустить, что бывший собресальенте в сложившихся обстоятельствах чувствует себя в долгу перед людьми, с которыми годы разделял и опасности, и минуты досуга. Как мы узнаём, ждал он не напрасно. Лодки потерпевших крушение через неделю достигли Каннанура, и потом, спустя несколько дней, экипажи были сняты с судов, севших на мель.

Некоторое время спустя имя Магальяйнша опять появляется в официальном документе, на сей раз в сообщении о совете, проведенном Албукерки 10 октября 1510 года с капитанами всех португальских кораблей, постоянно находящихся в Индии. На совете речь идет о тех неожиданностях, которые могут возникнуть в ходе предстоящего второго военного похода на Гоа, а также о том, стоит ли применять в походе торговые суда, находящиеся в настоящее время в Кочине и Каннануре. Албукерки желает, чтобы за его знаменем последовали все корабли, какие только возможно, однако купеческие суда, предназначенные для ежегодной отправки пряностей, не входят в сферу его подчинения. Именно поэтому он, видимо, и собрал всех капитанов, но не встретил единодушной поддержки. Например, Магальяйнш, которому наряду с другими было предложено высказать свое мнение - совершенно очевидно, что он к тому времени уже вырос до капитана, - возразил, что может возникнуть реальная угроза пропустить северо-восточный муссон и, таким образом, торговые суда не смогут вернуться назад в Лиссабон с грузом, который там ожидают.

Этот, в общем, незначительный эпизод упомянут здесь потому, что как-то в одной из своих публикаций английский историк Стенли

Олдерли высказал предположение, что именно те слова Магальяйнша стали началом разногласий, заставивших его позже переселиться в Испанию. Это мнение с тех пор разделяют многие авторы, но оно не очень обоснованно. Уже Гийемар указывал, что ни один из современников Магальяйнша не усматривал подобной взаимосвязи. Значит, и сейчас у нас нет для этого никаких оснований. Напротив, упомянутый эпизод только лишней раз подтверждает то, в чем мы уже почти убеждены: бывший паж Фернан ди Магальяйнш стал очень деятельным, уверенным в себе, отважным капитаном, который знает себе цену и имеет смелость отстаивать свои взгляды, даже если они идут вразрез с мнением начальства. Такие качества характера рано или поздно доставят ему много неприятностей, но сегодня невозможно точно установить момент, когда же именно это случилось. Кроме того, сдается, Магальяйнш действительно был так упрям, как упрямы в Португалии были только дети «Страны за горами».

Наконец в ноябре 1510 года Афонсу ди Албукерки во второй раз появляется перед Гоа. Сейчас в его распоряжении тридцать четыре корабля с тысячью пятистами солдатами; их будут поддерживать три сотни малабарских наемников. Весьма и весьма вероятно, что капитан Магальяйнш принял участие в этом предприятии, хотя хронисты его имя ни разу не упоминают. Так, он мог быть свидетелем или участником той отважной атаки 25 ноября, во главе которой Албукерки ведет своих людей против девяти тысяч защитников берега и крепости Гоа. «Героическому порыву португальцев не был тогда ни один враг слишком силен, ни одна стена - слишком высока, ни один риск - чрезмерен», - писал Оскар Пешель о боевом мужестве того героического сброда под христианскими знаменами. Опять они одерживают одну из своих блистательных и знаменитых побед в Азии, и снова оказывается, что они не в состоянии проявить великодушные победителей. В предыдущих походах вице-король Албукерки довольствовался тем, что в завоеванных городах приказывал отрубать мужчинам-мусульманам правую руку, женщинам - отрезать носы и уши. Теперь после падения Гоа он приказал убить всех мусульман, будь то мужчины, женщины или дети. Три дня потребовалось его солдатам на выполнение ужасного приказа - жертвами стали восемь тысяч человек.

Албукерки без промедления начинает укреплять свою империю, значительно увеличившуюся. Он приказывает всячески усилить цитадели, велит отчеканить монеты, а местных женщин, ранее исповедовавших индуизм и принявших христианство, выдает замуж за своих солдат. Благодаря последней мере скоро появляется каста привилегированных людей смешанной крови, во всем поддерживавших португальцев. В то же время победа и связанное с ней господствующее положение в торговле на Ближнем Востоке, а также обдуманная жестокость после захвата Гоа приносят ожидаемые плоды. Остальные князья на Малабарском побережье желают заручиться благосклонностью вице-короля. Они разрешают ему возвести крепости в своих гаванях. Даже раджа Каликута, самый ожесточенный и исконный враг

португальцев, спустя два года запросил мира после того, как его гавань стали избегать из страха перед мародерствующими каравеллами Албукерки и она опустела.

Самый беспощадный и целеустремленный вице-король, какой когда-либо царил в Индии, добился своей цели. Он и в дальнейшем действует не менее решительно, однако обходится более великодушно с теми, кто покорился его власти. Мужчина с завязанной узлом бородой быстро стареет, он уже позволяет себе сентиментальности. Однажды он признает с примечательной откровенностью: "As cousas da India fazem grandes fumos" («Богатства из Индии улетучиваются, как дым»), как будто предвидит, что все награбленные португальцами богатства исчезнут без следа, словно вода в песок, и Португалия окажется на грани краха.

Но ему пока предназначено одерживать блестящие победы. Так, в захвате Малакки снова принял участие Магальяйнш. Это случилось в июле 1511 года. Вначале противные ветры препятствовали флоту Албукерки, состоящему на этот раз из девятнадцати кораблей с восемьюстами португальскими наемниками и шестьюстами малабарскими солдатами, плыть на запад, а вынудили взять восточный курс. Правда, целью того плавания должны были якобы быть Аден и Красное море, но, возможно, то был лишь слух, специально распушенный коварным вице-королем, чтобы ввести в заблуждение султана Малакки. Если действительно такое намерение существовало, оно провалилось. Когда португальцы в первый день июля 1511 года появляются у берегов Малакки, китайские капитаны предостерегают, что султан знает об их прибытии и собрал крупные военные силы. Поскольку неожиданное нападение сорвалось, Албукерки занялся поначалу переговорами. Он требует освободить португальцев, взятых в плен во время визита Лопиша ди Сикейры, и выплатить возмещение в размере 300000 крузадо - совершенно непомерная сумма. Кроме того, ему должно быть разрешено заложить крепость. Его противник выпускает пленных на свободу, однако возмещения не выплачивает. Обстрел Малакки из бортовых пушек тоже не приводит к желаемым результатам. Поэтому вице-король 24 июля отдает приказ взять Малакку штурмом. Это, без сомнения, большой риск. И китайцы правы, когда указывают на то, что город получает все необходимое с моря, выдержать долгую осаду он не может. Нападающим противостоят двадцать тысяч солдат, а в устье реки - три тысячи метких орудий. Если Албукерки разобьют, то до сентября или даже октября у него не будет возможности спастись бегством в Индию, так как только осенью северо-восточный муссон наполнит паруса его кораблей.

*Ужасы Индии: гигантские крабы нападают на потерпевших крушение.
Рисунок из мастерской де Бри (1600)*

Албукерки, конечно же, учитывает все это, но он, видимо, знает нечто большее. В городе есть богатые купцы, не желающие больше мириться с тиранией султана и непомерными налогами, которыми тот их обложил. Они не допустят, чтобы ради него гибли не только их воины, но даже рабы. В то же время многие, подробно расспросив португальских пленных, пришли к убеждению, что значительно разумнее будет не оказывать чужакам сопротивления. Все, что сейчас надо Албукерки, - это победоносная боевая вылазка и немного времени на размышление для сомневающихся. У него самого времени пока предостаточно. В схватку же пойдут проверенные в боях ветераны войн на Малабарском побережье.

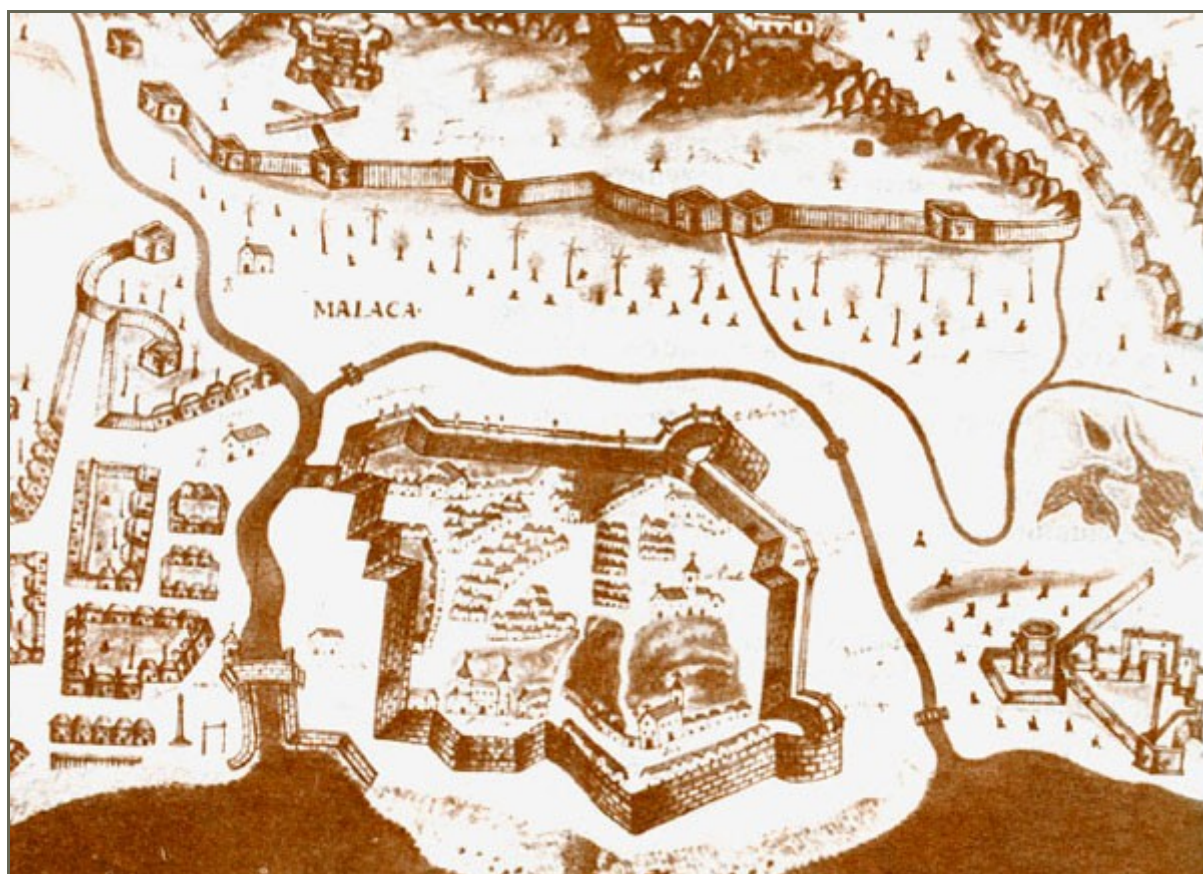
Есть основания допустить, что Фернан ди Магальяйнш командует одним из тех кораблей, которые доставляют на берег для штурма два крупных отряда солдат под предводительством Афонсу ди Албукерки и Жуана ди Лимы; непосредственно в боях он на этот раз, видимо, участия не принимает. Он будет наблюдать, как люди Лимы совсем недалеко от дворца рубятся с гвардией телохранителей султана, взирающего на сражение со спины боевого слона. Он также станет свидетелем того, как Албукерки ворвется по мосту в город, разграбит несколько главных улиц, будет окружен и вырван Лимой из окружения. Потом загружаются лодки на берегу, арьергард еще некоторое время противостоит шквалу стрел, которыми его засыпают, пока вторая португальская атака на Малакку не завершается. Ее результатом вице-король определенно может быть доволен. В конце концов, султан был ранен и вынужден отступить, но и португальцам еле-еле удалось избежать окружения, и теперь приходится оплакивать не менее чем семьдесят раненых - позже двенадцать человек скончались.

И вот наступает период секретных переговоров, протекающих в атмосфере недоверия и таинственности. В то время как солдаты султана укрепляют валы, а на улицах устраивают ямы-ловушки, самый богатый человек города - купец с Явы, один имеющий шесть тысяч рабов, - и другие богатейшие купцы вступают в союз с будущим захватчиком. Они получают охранные грамоты и дают обещание тут же сдаться, как только португальцы достигнут их позиций. Со временем выяснится, что одно предательство стоит другого: Албукерки прикажет после очередной размолвки обезглавить яванца, союзник яванского купца среди населения, исповедующего индуизм, предпочтет самоубийство.

Но пока еще не поставлены печати на охранные грамоты. Наконец 10 августа хорошо вооруженная горстка отважных португальцев расположилась в джонке с высокими бортами, которая была снесена приливом к самому мосту. С джонки, так удачно использованной хитрыми европейцами для своих целей, захватили мост, соединяющий обе половины города. Затем подтащили пушки. Защитники города оказались разделенными на две партии. Одна из них вскоре, как и было оговорено, перешла на сторону португальцев. На левом же берегу реки приходилось с боем брать каждую улицу и каждый дом, несмотря на то, что сам султан уже бежал. В результате через несколько дней Албукерки становится хозяином «ключа к островам Пряностей», а те районы города, где раньше проживали малайцы и индийцы, исповедующие ислам, он отдает на три дня на разграбление своим солдатам. Добыча много богаче, чем можно было предположить: порядка миллиона дукатов. Пятую часть награбленного получит король Мануэл, львиную долю - Албукерки, но и Магальяйнш, и другие капитаны могут теперь считать себя состоятельными людьми.

Нельзя переоценить политические и экономические преимущества, полученные их главнокомандующим. Один из важнейших центров торговой сети, простирающейся от Китая до Средиземного моря, оказался в руках португальцев - сделан предпоследний шаг на пути к захвату монополии на торговлю пряностями.

Восточноазиатские правители спешат продемонстрировать свою покорность, например король Сиама, правитель бирманского Пегу, малайские князья Суматры и Явы.

Малакка. План Педро Бертелота (1635)

Португальцам не понадобилось много времени, чтобы начать осваивать из Малакки подступы к Дальнему Востоку. Как сообщает португальский историк Оливейра Маркеш, уже в 1513 году некий Жоржи Алвариш плавал будто бы в Китай. По другим источникам, этой славы удостоился Дуарти Коэльу, который в 1516 году побывал на побережье Вьетнама, а на следующий год достиг Жемчужной реки (Гуанчжоу) у Кантона. Достоверно известно, что Фернан Периш ди Андради прибыл в 1517 году с эскадрой торговых судов в Кантон. Еще в год взятия Малакки Дуарти Фернандиш появился в Сиаме, а о первом проникновении на острова Пряностей речь впереди.

На одно обстоятельство, однако, хотелось бы сейчас особо обратить внимание. При всем восхищении, какое должны у нас вызывать смелые, полные лишений исследовательские плавания тех моряков, нельзя упускать из виду, что эти путешествия ни в коей мере не были отважными «шагами в неизвестность», а, напротив, основывались на знаниях азиатских купцов-мореходов. Вашку да Гама использовал в переходе из Малинди в Каликут местного лоцмана, Дьогу Лопиша ди Сикейру сопровождали в Малакку опять же индийцы, и вряд ли можно было бы так целеустремленно осуществлять плавания на Молукки, если бы не помощь индийских и малайских лоцманов. Значит, все эти предприятия не идут ни в какое сравнение с начинанием Магеллана.

Сейчас, видимо, настал подходящий момент сказать несколько слов о дальнейшей судьбе главнокомандующего, которому тогда подчинялся

Магальяйнш. Афонсу ди Албукерки после падения Малакки стал проводить политику, уже проверенную на деле. Он раздает права вершить суд и управлять землями сговорчивым местным вельможам, чеканит монеты и строит крепость из камней ближайшей каменоломни. Потом он плывет с четырьмя кораблями и с тремя сотнями солдат в гавань Гоа, осажденную восставшими. В пути с ним приключается самое большое в его жизни несчастье: корабль терпит крушение, все награбленное добро исчезает в пучине вод, среди прочего шесть гигантских бронзовых львов, выбранных Албукерки для украшения своего надгробия. Сам вице-король, взобравшись на плавучие обломки, едва сумел избежать гибели в пучине волн, чего ему могли пожелать многие. Ведь сотни людей, рассчитывавших на долю от этого богатства, оказались обманутыми. Оно буквально уплыло у них из рук, и все задавались вопросом, почему добыча не была поделена сразу в Малакке. У Албукерки, конечно, на то были веские причины, так как однажды у Ормуза капитаны бросили его в беде, получив свою долю добычи.

Непоколебимо стремится он в Гоа, разбивает восставших и через три года (1515) завершает свои военные походы окончательным покорением Ормуза и его торговых рынков. Смерть настигла его в пути из Ормуза в Гоа.

Непосредственно перед тем, как Албукерки покинул завоеванную Малакку, он велел снарядить четыре корабля, которые должны проложить дорогу в страны пряностей. Тогда всеми средствами стремились попасть «туда, где перец растет». Правда, сейчас речь шла не столько о перце, произраставшем также в Индии и на Суматре, сколько о мускатном орехе, мацисе (цвет мускатного дерева) и гвоздике, то есть о специях, имевшихся в изобилии на юго-востоке (острова Банда и Молуккские) и западе (остров Хальмахера). Сведения об этом португальцы получили от Лодовико ди Вартемы, неутомимого скитальца, который предупредил Лоуренсу ди Алмейду в Каннануре о готовящемся нападении и рассказал, что он якобы побывал на островах Тернате, Тидоре, Мотир, Макиан, Бачан. Португальцы располагали также сведениями азиатских купцов и мореходов. Албукерки, видимо, правильно рассудил, что португальцы не смогут достичь полного контроля над торговлей пряностями, пока не проникнут в страны, откуда происходит этот драгоценный товар. О нем стоит, пожалуй, говорить, потому что, например, один центнер гвоздики во времена Албукерки приносил в Лондоне 213 дукатов - в сто шесть раз больше того, что давали за то же количество закупщики на Молукках. Такой подсчет может воспламенить сердца не только купцов.

Вот почему вице-король в декабре, а возможно, даже уже и в ноябре посылает к островам Пряностей три каравеллы приблизительно со ста двадцатью португальцами на борту и таким же количеством малабарских наемников. Капитаны на этот раз имеют весьма скромные приказы. Им велено во время плавания не грабить чужие торговые суда - до сих пор

это было правилом, - если капитаны задержанных судов не могли предъявить охранную грамоту, выданную одним из комендантов португальских гаваней. Теперь они должны повсюду налаживать дружеские отношения и следовать указаниям местных владык всегда, когда это возможно без опасности для кораблей и для жизни их команд. По прибытии следует в первую очередь закупить гвозди ку и другие пряности. Но истинная задача состоит, конечно, в том, чтобы разведать, каким образом можно захватить «вечнозеленые острова». Помимо названных судов, флотилии принадлежит джонка, которой правит индеец по имени Накода Измаэль. Он является лоцманом экспедиции, так как неоднократно преодолевал расстояние между Малаккой и Молукками со всеми его мелями, течениями и обилием мелких островов. Оно составляет приблизительно две тысячи морских миль. Огромную ценность представляет также карта яванского лоцмана, уже давно попавшая в руки португальцев. Тем не менее, чтобы осуществить задуманное, необходимы наиболее опытные, закаленные капитаны. Их главой является Антониу ди Абреу, преданный, проверенный в боях соратник Албукерки. Двумя другими кораблями командуют уже известный нам франсишку Сирран, которому Магальяйнш спас жизнь во время первой схватки у Малакки, и человек по имени Симан Афонсу Бизагуду.

Во всяком случае, эти имена упоминает большинство хронистов. И только один, Бартоломе Леонардо де Архенсола (1562-1631), придворный историограф Арагонской короны, называет третьим капитаном Фернана ди Магальяйнша. Историк Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес (1478-1557) тоже утверждает, что Магальяйнш «собственными глазами видел острова Пряностей». Можно, конечно, усомниться в свидетельстве Архенсолы, который писал много лет спустя после происшедших событий, к тому же он прославился еще и как поэт. Ну и что же? Был же достойный во всех отношениях доверия Жуан ди Барруш одновременно автором рыцарских романов. Наиболее значимо утверждение Овьедо, так как он был не только придворным хронистом, но и современником Магальяйнша. Установить, как было дело в действительности, представляется важным: во-первых, потому, что если Магальяйнш принимал участие в том плавании, то он, в отличие от принятой версии, познакомился с островами Пряностей не только по письмам своего друга Франсишку Сиррана. Во-вторых, он тогда должен был бы побывать на островах Банда, и, таким образом, именно он, и только он, должен был снискать славу человека, впервые обогнувшего земной шар. Однако в лиссабонской Каза Реал¹² существует документ, свидетельствующий против такого поворота событий. В нем значится, что Магальяйнш уже в июле 1512 года находился в Лиссабоне. Правда, можно допустить, что экспедиция не была слишком продолжительной и, видимо, еще представлялась возможностью отбыть в Лиссабон с флотом, покидавшим Индию ежегодно в январе.

Амбон. Рисунок 1601 года

А теперь перейдем непосредственно к событиям того плавания. Как сообщается, оно протекает без особых недоразумений, в соответствии с полученными приказами не заходить в пути ни в одну гавань, следовать вдоль северного побережья Явы, далее через моря Флорес и Банда - в Амбон. Здесь Абреу велит водрузить колонну с гербом, какие португальцы оставляли тогда повсюду на вновь открытых землях. Он везет с собой много таких колонн и теперь узнаёт, что совсем рядом находится архипелаг, достойный в значительно большей степени подобного украшения, - острова Банда, единственное в те времена место, где разводили мускатный орех и мацис. Острова эти находятся на расстоянии всего одного дня пути в юго-восточном направлении. Абреу решает незамедлительно двинуться туда, и, таким образом, начинается для Франсишку Сиррана и его команды цепь почти невероятных злоключений. В их корабле - боевом трофее со времен второй битвы при Гоа - образуется течь, да такая, что команда вынуждена покинуть судно и пересесть на другую каравеллу. Еще никто из них не подозревает, что это только начало всех бед. Позже, уже на островах Банда, Абреу до отказа заполняет трюмы кораблей мускатом и гвоздикой, ему также удается заполучить джонку для Сиррана и его товарищей. Затем принимается решение предоставить разведку Молуккских островов, которые будто бы посетил Вартема, другой эскадре, а самим вернуться в Малакку.

Насколько нам известно, это удалось только кораблю Абреу. Сообщения о судьбе команды, руководимой Магальяншем или Бизагуду, противоречивы и неопределенны. Напротив, значительно более точно описаны приключения, выпавшие на долю Франсишку Сиррана. Новый корабль ему также не приносит удачи - он садится на

рифы у пустынных островов Лусипара (Пенью) в море Банда. Сирран и его соратники уже смирились со своей печальной участью, когда остров потерпевшего крушение корабля привлек внимание пиратов, проплывавших мимо. Португальцы сумели вызвать у пиратов сочувствие, и те стали их невольными спасителями.

Острова Банда. Рисунок 1601 года

Потерпевшим крушение португальцам, очутившимся опять на Амбоне, оказывают не только радушный прием, но и делают весьма заманчивые предложения. Враждующие между собой правители островов Тернате и Тидоре, тех самых, где растет гвоздичное дерево, иными словами, «Земли обетованной», приглашают европейцев к себе на службу. Без сомнения, до этих островных владык дошла весть о ратных победах португальцев, поэтому они сулят чужестранцам полное благополучие и выгоду. Франсишку Сирран решает обосноваться на Тернате. Он поступает на службу к радже острова и благополучно проживает там, пока в 1521 году не становится жертвой отравителя. За восемь лет до своей смерти он передает капитану Миранде ди Азиеду, прибывшему на выручку Сиррана и его товарищей, пачку писем, о которых мы еще услышим.

Остается неясным, как протекает жизнь Фернана ди Магальяйнша после захвата Малакки. Его след появляется снова только 12 июля 1512 года в Лиссабоне. В этот день его имя упомянуто в платежном листе королевского двора. Теперь ему выплачивается ежемесячно 1000 португальских реалов, а также выдается ежедневная норма ячменя. Тогда было принято назначать почетное содержание солдатам и морякам, возвращавшимся со службы в колониях, причем размер такого вознаграждения давал четкое представление о том, как расценивали в придворных кругах того или иного получателя. Уже через четыре недели пенсия Магальяйнша была повышена до 1850 португальских реалов.

Путь к свершениям

Характер великих людей заключается в совокупности могучей индивидуальности, возвышающей их над своими современниками, с общим духом их времени, который словно воплощен в них самих и на который они оказывают влияние.

Александр Гумбольдт

Целых семь лет Фернан ди Магальяйнш вел образ жизни моряка, солдата, искателя приключений. Ураганы в Индийском океане, морское сражение у Диу, кровавые схватки в Момбасе, Гоа и Малакке, лихорадка, лишения, обманутые надежды - все это оставило незаживающие раны. Он убивал и в раннем возрасте познал, что и сам может быть убит; испытал чувства, охватывающие человека во время шторма; узнал, как жестоки бывают люди и что такое одиночество.

Да, трудно представить себе Магальяйнша-человека, и не только потому, что жизнеощущения того времени для нас сокрыты. Нередко он предстает перед нами человеком тщеславным, замкнутым, беспощадным, даже жестоким, особенно по отношению к тем, кто создает какие-нибудь препятствия на его пути. Поскольку он происходит из среды, в которой традиционно воспитывалось представление, что цена человека такова, каковы его дела, он, конечно, относится к тем, кого называют непокорными. Таких людей сторонятся, но у Магальяйнша есть друг, и скоро любимая женщина верит ему свою жизнь. А его счастливая звезда поставит перед ним такую задачу, для решения которой потребуется в первую очередь характер, а уж затем его способности и возможности.

По-видимому, вернувшись на родину, Магальяйнш не остановился в родовом гнезде в Саброзе, а обосновался в столице, ища общества единомышленников и возможностей проявить себя. Проходит год. Нам неизвестно, как он был проведен. Биографы Магальяйнша предполагают, что он принимал участие в оснащении эскадр, отплывавших в Индию, или совершенствовал свои знания в области навигации, картографии и космографии. Тому нет никаких доказательств. Наверное, он делал и то и другое, всего понемногу; возможно, гостил некоторое время у сестры.

Но вот мавры Азамора (сегодня Аземмур в Марокко) восстали и отказались выплачивать дань, которой их обложил еще король Жуан II. Мануэл снаряжает такие военные силы, будто готовится к покорению всей Африки. В Белен стягиваются восемнадцать тысяч солдат, кавалерия из многих сотен всадников. Все они разместятся на четырехстах кораблях. Капитан Магальяйнш не командует ни одной из каравелл, а руководит каким-то менее крупным военным

подразделением. После того как 28 августа 1513 года флот подошел к Азамору, дело дошло только до небольшой стычки. А затем защитники города при виде превосходящей силы противника сдались на милость победителя. Значительная часть португальской армии возвращается в ноябре на родину, в городе же остается крепкий, хорошо вооруженный гарнизон. Фернан ди Магальяйнш - среди его членов.

Сражение мусульманского войска с португальцами, высаживающимися на берег. Рисунок из мастерской де Бри (1599)

Конные формирования гарнизона были разделены их командиром на небольшие подвижные отряды, которые должны следить, чтобы в округе не скапливались вооруженные группы противников. Похоже, Магальяйнш командует одним из таких кавалерийских отрядов, причем достаточно долго и успешно. В одном из боев он был ранен ударом копья в подколенную впадину, так что остался на всю жизнь хромым. В апреле 1514 года он отражал штурм огромных вооруженных сил мавров, осадивших город. Португальцы смогли тогда одержать победу только ценой громадных потерь и благодаря своей предусмотрительности: они разорили и засыпали все водоемы и колодцы вокруг Азамора.

И снова Магальяйнша повышают в должности. Теперь его назначают "quadriheiro mor"- командиром кватрильи¹³. Отныне в его полном распоряжении находятся пленные и все захваченные трофеи. Эта должность достаточно выгодна и престижна, таких только два поста в войске. Магальяйнш весьма польщен, но для исправного несения службы ему нужны честные, порядочные люди. Ведь уже после битвы при Азаморе в плен попало более тысячи арабов, за которых надо получить денежный выкуп; приблизительно две тысячи лошадей, верблюдов, скот, а также прочие военные трофеи. Конечно, такой пост

предоставляет постоянную возможность к личному обогащению, и тот, кто находится на этом посту, часто вызывает всяческие подозрения.

Не избежал этой участи и Фернан ди Магальяйнш - обвинение в нечестности, видимо, доставило гордому человеку значительно больше мук, чем недавно полученное ранение. Его и второго командира куадрильи обвинили в том, что они для отвода глаз организовали нападение мавров на стадо и позволили угнать четыреста голов скота, а на самом деле получили за скот деньги. В довершение несчастья умирает непосредственный начальник Магальяйнша генерал Минезиш, который ему покровительствовал. Преемник Минезиша не проявляет той благосклонности, и ложно обвиненный Магальяйнш не видит иного выхода из своего бедственного положения, как обратиться в поисках справедливости прямо к королю. Из каких-то тайных соображений или уже до такой степени выведенный из себя, что не думает о последствиях, Магальяйнш отправляется в Португалию, не добившись разрешения своего командира освободить его от службы. И когда Мануэл, наконец, предоставил ему аудиенцию, он уже знал о своеволии своего подданного. Кстати, монарха не могло расположить в пользу неуклюжего капитана и то, что он излагает не только свою жалобу, но и довольно наивно пользуется случаем, чтобы испросить повышения в чине и увеличения почетной пенсии. Ответ подобающий: Магальяйнш должен вернуться в свои войска - только там могут быть сделаны выводы о досадном происшествии.

Король Мануэл I во время своего третьего бракосочетания в 1519 году. Португальская картина XVI века

Нет, король никогда не проявлял снисходительности по отношению к Магальяйншу, ни разу не вынес на его счет справедливого решения.

Когда поборник справедливости возвратился в Африку, начатое против него следствие было прекращено. Совершенно очевидно, что его оклеветали. Однако судебное разбирательство его до такой степени оскорбило, что он подает в отставку и навсегда покидает Африку. На какие средства он будет теперь существовать? Конечно, Магальяйнш задумывается о том, чтобы опять направиться в Индию, возможно, он все еще надеется на великодушие короля. Ведь в результате он оказался невиновен - теперь-то уж ему назначат почетную пенсию, достойную ветерана индийских военных походов. И просит-то он самую малость - повысить содержание на двести португальских реалов. Но Мануэл не переносит людей твердого характера. «Король всегда питал к нему отвращение», - сообщает хронист Барруш. Мануэл наотрез отказал просителю, хотя он, безусловно, должен знать, что для капитана Магальяйнша речь идет о большем, нежели об этой смехотворной прибавке. Этот отказ дорого обойдется ему, его преемникам, да и стране вообще.

Повторилась ошибка, которую допустил предшественник Мануэла Жуан II, когда не придавал значения словам Колумба. Конечно, можно возразить, что Колумб изложил конкретные предложения, Магальяйнш же, напротив, предстал в роли просителя, какие сотнями осаждают дворец. И действительно, нет ни одного четкого указания на то, что план, осуществления которого позже добился Магальяйнш, уже будучи на испанской службе, был оглашен еще в Португалии. Нет, ошибка Мануэла заключалась совсем в другом. Он не распознал в настойчивом просителе незаурядного, выдающегося человека, которого он легко мог бы сделать своим приверженцем. Фернан ди Магальяйнш совершенно определенно стал бы тогда многообещающим последователем да Гамы, ди Алмейды и ди Албукерки и исправно служил бы до тех пор, пока недоверчивый король в один прекрасный день не решил бы воздать ему должное. Но обернулось совсем по-другому: очень скоро Мануэл Счастливым отправит вслед изгнаннику наемных убийц, так как его послы ни золотом, ни другими посулами не сумеют склонить Магальяйнша к возвращению на родину.

Опять-таки нет абсолютно однозначных данных о том, как Магальяйнш провел два последующих года - названная аудиенция у короля Мануэла, видимо, состоялась в 1515 году. Жуан ди Барруш сообщает, что Магальяйнш искал знакомства с опытными мореходами, изучал морские карты и много занимался проблемой определения географической долготы. Это кое-что проясняет.

Видимо, сложилось так, что как раз после возвращения Магальяйнша из Африки он получает вести от своего друга Франсишку Сиррана, который все еще живет на Тернате, одном из Молуккских островов. Сирран преувеличивает в своих описаниях не только красоту ландшафтов и богатства той области мира, но и ее удаленность от Малакки. И если Магальяйнш не принимал участия в плавании Антониу ди Абреу, теперь он приходит к выводу, что добраться до Молукк можно

быстрее, следуя путем на запад, а не на восток, как было принято до сих пор. По современным понятиям это выглядит так: Магальяйнш решил, что острова Пряностей находятся не очень далеко от Южноамериканского континента в Южном море (Тихом океане), открытом в 1513 году испанцем Васко Нуньесом де Бальбоа. Такие размышления могли натолкнуть его еще на одно заключение. На полушарие, где, по мнению Сиррана, находятся Молуккские острова, должна претендовать, согласно Тордесильясскому договору, Испания. Португалия эксплуатирует области, которые, собственно, должны быть переданы ее партнерам по договору - Кастилии и Леону! Так вот чем вызван интерес Магальяйнша к знаниям других капитанов, вот почему он изучает и постоянно сравнивает карты, какие только ему удастся раздобыть, ломая голову над вопросом, существует ли достаточно надежный способ определения географической долготы. Ведь до сих пор морякам удавалось определять лишь широту. Географическая долгота, которую они приводят, - это не что иное, как пройденная дистанция до мест, долгота которых была заранее вычислена астрономами. Таким образом, тогда было почти невозможно перенести на полушарие, противоположное Европе, демаркационную линию, установленную в Тордесильясе.

Как-то во время своих изысканий Магальяйнш встретился с астрологом и космографом Руем Фалейру. Эти двое дополняют друг друга. Одаренный Фалейру, с тяжелым характером и немного не от мира сего, думал, что его недооценили, и тоже попал в немилость. Он обладает обширными математическими знаниями, которых недостает его партнеру, и даже считает, что нашел новый способ определения географической долготы. А то, что этот способ ничуть не лучше других, существовавших в то время, Магальяйнш не в состоянии установить. Кажется, он, наконец, обрел уверенность в осуществимости своего плана; правда, он еще не знает, будет ли претворять свои намерения в жизнь под португальским или под испанским флагом. Магальяйнш пишет Сиррану, что скоро навестит его, «если не из Португалии, то через Испанию».

Итак, если расчеты его и Фалейру верны, португальские корабль ли смогут, следуя на запад, быстрее добраться до Молукк, чем по принятому маршруту через Восточную Индию. Возможно, именно поэтому он еще надеется на покровителей в собственной стране. Португальцы же, рассмотрев план Магальяйнша, нашли его весьма спорным. Как можно, например, воспрепятствовать тому, что испанцы вздумают однажды проследовать путем, проложенным португальцами, и затем обнаружат, что они и есть правомерные хозяева Молуккских островов? Возможно, идея этого хромого капитана в самом деле грандиозна, но для поделенного мира она не годится.

Есть еще одно препятствие: Америка. Где тот пролив, через который можно проникнуть в Южное море? В 1501-1502 годах Америго Веспуччи, находясь на португальской службе, плавал к Южноамериканскому

побережью и достиг приблизительно 52° южной широты, но так и не заметил прохода на запад. Затем в 1503 году флот под командованием Гонсалу Коэльу и его первого кормчего Кривована Жакиша направился на исследование южной части континента, которую продолжали считать восточной оконечностью Азии. Тем же курсом, что и Коэльу, проследовали в 1506 году Вашку Галлегу ди Карвальу и Жуан ди Лишбоа. Два корабля из этой экспедиции - они, видимо, были оснащены на собственный страх и риск торговым домом де Аро, имевшим влияние и в Испании, и в Португалии, - вернулись назад с примечательными сведениями. Их плавание в «страну Бразилия» так описано в печатном листке, вышедшем в свет в 1507 году в Аугсбурге:

«И когда они попали в климат и местность, лежащую на 40° южной широты, то нашли Бразилию на некоем мысе, то есть на выступе или оконечности суши, врезающемся в море. Они поплыли вдоль этого выступа и обогнули его. И, обогнув его, как сообщается, они уже стали плыть или следовать в северо-западном направлении. Но непогода так разбушевалась, а ветер был так силен, что они не могли больше ни плыть, ни продвигаться вперед. Пилот (это кормчий или лоцман), который правил тем кораблем, - мой хороший знакомый, даже друг. Он самый умелый и знаменитый из всех, какие только есть у португальского короля. Он бывал уже во многих плаваниях в Индию, и он мне теперь рассказал, что думает, что этот мыс Бразилия - начало земли Бразилия и что оттуда не более шестисот миль до Малакки. И он считает, что этот путь или дорога из Лиссабона в Малакку и обратно принесет королю Португалии в торговле пряностями большую пользу. Они пришли также к выводу, что земли страны Бразилия простираются очень далеко, до самой Малакки...»

Титульный лист "Последних известий"

Текст - кстати, в целом он очень подходит для того, чтобы начать строить всякие домыслы по поводу плаваний, предшествовавших открытию пролива Магелланом, - процитирован здесь почти полностью, чтобы показать, каковы были побудительные мотивы исследовательских морских путешествий, - мотивы, определившие ход Великих географических открытий. Пусть остается нерешенным вопрос, обнаружил ли «лоцман и хороший друг» автора того листка залив Сан-Матиас, который находится приблизительно на приведенной широте, или что-нибудь еще. Бросается в глаза другое - какое большое значение придавалось короткому морскому пути на полуостров Малакка. Без сомнения, королю Португалии была бы «большая польза», если бы был найден такой маршрут. Неимоверное преуменьшение расстояния от южноамериканской бухты или пролива до Малакки (600 миль) характерно для представлений того времени, так же как и убеждение, которое скоро будет развеяно, что Бразилия и соседние с ней земельные

пространства простираются до самой Малакки, а значит, являются частью Восточной Азии.

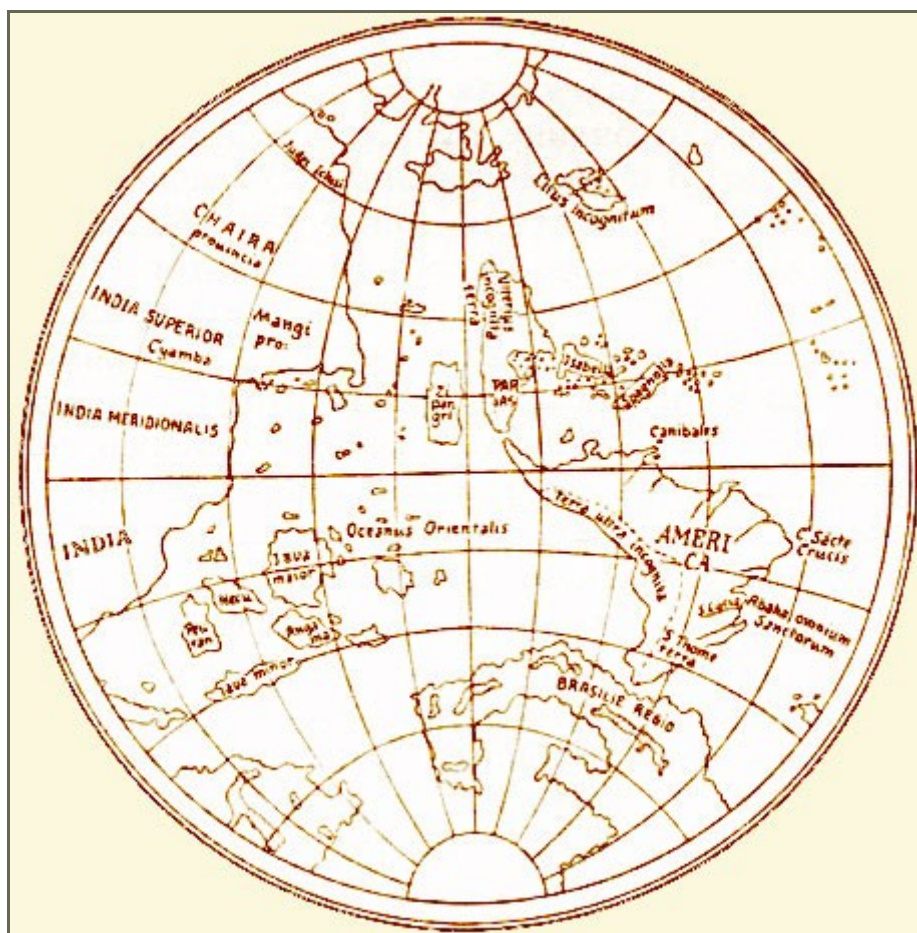
Не может быть двух мнений о том, что идея Магальяйнша базировалась на представлениях, возникших задолго до него и уже Колумба наделивших мужеством для деяния. Снова и снова стремятся найти Дальний Восток на Западе, все еще полагая, что Дальний Восток находится значительно ближе, чем на самом деле. Сообщения Сиррана лишь направили это стремление на конкретный, особо притягательный объект. Никогда Магальяйнш и его доверители не имели намерения обогнуть Землю и окончательно доказать ее шарообразную форму, равно как никогда Колумб не ставил перед собой цель открыть неизвестный континент. Оба по заданию Испании искали лишь доступ к азиатским богатствам, находящимся вне сферы, на которую распространялась прерогатива Португалии.

Остается все-таки невыясненным вопрос, как должен быть преодолен гигантский барьер, стоящий на пути осуществления этих планов, каким является Южноамериканский континент. То была испанская проблема. Как утверждал Веспуччи, португальцы еще во время экспедиции Коэльу (1503) предприняли попытку отыскать западный путь в Азию. Но потом они, кажется, утратили к этому интерес. У них были их Индия и их проверенный маршрут. Испания же, напротив, вынуждена была с течением времени признать, что Колумб преподнес ей вовсе не Восточную Азию, на поиски которой был послан. И не только Веспуччи (с 1505 года опять на службе у Испании, спустя три года - главный кормчий империи) пытался убедить в этом испанских монархов. Ведь уже в 1507 году эта идея получила широкое распространение среди специалистов, по крайней мере, настолько, что немецкий географ Мартин Вальдземюллер (около 1480-1521) предлагает назвать Америкой часть суши, считавшейся восточной оконечностью Азии. Поэтому Испания старается продвинуться в западном направлении, ищет "paso" (проход) в "Chersonesus aureus" («Золотой Херсонес») - богатый золотом полуостров Малакка, о котором сообщал когда-то Марко Поло¹⁴. В 1505 году намерение найти пролив, сопровождаемое яростными протестами из Португалии, было официально подтверждено, когда в Севилье стал снаряжаться флот для «открытия земель, где растут пряности». Но, в конце концов, этому флоту было найдено другое применение. Спустя три года Висенте Яньес Пинсон, первооткрыватель Бразилии, и Хуан Диас де Солис получили задание отыскать вождеденный пролив. Оба мореплавателя добрались в 1509 году до окрестностей Ла-Платы; пролив они так и не нашли.

После того как Нуњес де Бальбоа в 1513 году открыл Тихий океан, ожили надежды, что южная часть Нового Света походит своими очертаниями на Африку, значит, ее можно обогнуть. В 1515 году Солис был послан еще раз на поиски пролива или оконечности суши, затем он должен был проследовать вдоль западных берегов Нового Света до Панамского перешейка, после чего продолжить плавание в направлении

островов Пряностей на расстояние в 1700 лиг (5100 морских миль), что соответствовало границе сфер интересов, установленной в Тордесильясе.

Надежда на то, что Америка не простирается непрерывно до полюса, а имеет проходы, подогревалась в равной степени и мореплавателями, и картографами. Например, соратники Солиса - их главнокомандующий был убит воинственными индейцами вместе с полусотней сопровождавших его на берег людей - вернулись на родину с вестью, что заходили в искомый пролив. Сегодня мы знаем, что это было могучее устье реки Ла-Платы, которое они ошибочно приняли за проход, ведущий на Запад. Достаточно обольщающее впечатление должна была произвести только что здесь процитированная «Копия последних известий из страны Бразилия», опубликованная за восемь-девять лет до того. По-видимому, все карты того времени, которые показывали судоходный проход на юге Америки, в целом были сделаны под большим или меньшим впечатлением от этой «Копии». Такие волнующие изображения, увидевшие свет до плавания Магальяйнша, мы найдем на картах Глареана (1510), Людовика Буланже (1514), Леонардо да Винчи (1515) и на первом глобусе Иоганна Шёнера (1515).

Географические представления Иоганна Шенера (1515)

Особенно отчетливо прослеживается влияние «Копии» на Иоганна Шёнера (1477-1547). Математик из Нюрнберга употреблял, например, в трактате по географии, появившемся в свет тоже в 1515 году,

выражения и факты, заимствованные из этого печатного листка. Правда, он изобразил пролив по необъяснимым причинам не на сороковом, как сообщает «Копия», а на сорок пятом градусе южной широты.

Итак, становится очевидным: когда Фернан ди Магальяйнш задумывается над наиболее удобной морской дорогой к островам Пряностей, идея эта уже определенное время витает в воздухе. Имеются карты, подтверждающие правильность его замысла, другие мореплаватели уже прошли часть предстоящего пути, пускай и безрезультатно. Теперь нужен только человек, непоколебимый и сведущий, который сумеет держать свои команды в стальных тисках полного повиновения и целеустремленно проследует вдоль Южноамериканского побережья. Если пролив существует, он найдет его.

Определенно уже в 1515, самое позднее в 1516 году Магальяйнш узнает об экспедиции Хуана Диаса де Солиса и понимает, что надо воспользоваться благоприятным моментом. Он еще раз предстает перед королем и испрашивает позволения направиться туда, где его службу оценят. Мануэл отвечает, что он может делать все, что ему заблагорассудится, и не удостаивает просителя своей руки. И вот однажды, в период между описанной аудиенцией и октябрём 1517 года, Фернан ди Магальяйнш, согласно заведенному тогда укладу, публично отказывается от подданства португальскому королю. 20 октября 1517 года он прибывает в Севилью и отныне именуется Фернан де Магальянес, или Магеллан. Конечно, он приехал в Испанию не с теми намерениями, какие приписывают ему с тех пор португальские националисты: будто бы он, горя жаждой отмщения, перебрался в Испанию, чтобы, будучи вооруженным тайными знаниями, которые почерпнул в архиве карт Мануэла, открыть для испанцев заднюю дверь в азиатскую империю Португалии. Переход на службу к другому государю не считался зазорным. Поэтому Магеллан покидает Португалию не один, а в сопровождении некоторых моряков, желающих впредь плавать под испанским флагом. И встречают его не чужие люди, а соотечественники.

Его новая родина тоже притягательная страна, в которой гражданскую активность определяло биение пульса городов. Особенно это можно отнести к Севилье. В первой половине XVI века местная текстильная индустрия дает там работу не менее чем 130 тысячам человек. Этот город - излюбленное место для контор североитальянских банков и торговых домов, пожинаящих здесь, как и в Португалии, прибыли от своих дукатов; Севилья, таким образом, была экономическим центром Испании. Наряду с мануфактурами, где ткнут шелковые ткани и платки, большую часть продукции производят мыловары и гончары. Естественно, что город имеет право на чеканку монет. Процветающее ремесленное производство в Севилье, так же как оружейное дело в Толедо и кораблестроение в Астурии и Стране Басков, постоянно стимулируются потребностями колоний. С 1492 года Испания активно основывает их в Новом Свете. Это, прежде всего, относится к родам

деятельности, связанным с мореплаванием. С тех пор как Фердинанд III (1119-1252) завоевал бывшую мавританскую крепость Севилью, призвал в страну иностранных купцов и всячески поощрял морскую торговлю, город стал перекрестком дорог для тех, кто с денежной сумой или компасом, с конторской книгой или град штоком¹⁵ был готов прокладывать новые пути. Пути, выбор которых определялся деньгами - этим утренним светилом на небосводе меркнущего, уходящего общественного строя.

Нечто похожее мы встретили в кратком экскурсе по истории Португалии. Действительно, история Испании и Португалии имеет много общих черт. Области, сегодня объединяющие современную Испанию, тоже были в VIII веке завоеваны арабскими полчищами. Свободными от захватчиков оставались только Астурия, Страна Басков и часть Галисии. И в Испании завоеванные земли с течением времени распались на эмираты и халифаты, где буйно развивались средневековая экономика и культура. Каждый знает сказочную Альгамбру, многим известно, что в мавританских университетах на испанской земле уже в XII веке сообщались знания о шарообразной форме нашей планеты. Столетия ощущалось влияние, которое оказали на экономику страны мавританская культура орошаемого земледелия, а также разведение мериносовых овец и гусениц шелкопряда. Торговая деятельность той эпохи достаточно образно может быть проиллюстрирована хотя бы тем, что в X веке купцы из Кордовы путешествовали в Саксонию и Мекленбург. (Легко заметить, как проблематично понятие «эпоха Великих географических открытий», употребляемое и в нашем повествовании. Его надо рассматривать в широком смысле всемирно-исторического развития. Например, наши знания о восточных славянах и их влиянии на германскую историю были бы куда беднее, если бы некий Ибн Якуб из Кордовы не разыскивал на побережье Балтийского моря янтарь и не похищал светловолосых людей, чтобы продать их в рабство.)

В ходе реконкисты, так же как и в Португалии, ковалась судьба будущего испанского государства. Начавшаяся еще в VIII веке реконкиста благоприятствовала всем слоям населения. Дворянство из политических соображений стремилось к непрекращающемуся захвату новых земель. Крестьянство в ходе освоения новых земель жаждало получить свободу. Городское население имело прямую выгоду, одевая и вооружая войска, а сами города приобрели огромное стратегическое значение, так как благодаря крепостным стенам превратились в хорошо защищенные цитадели. Духовенство, бывшее идеологом реконкисты, обрело серьезную экономическую силу, получая в дар от королей большие земельные наделы. Королевская же власть, то есть сильное централизованное управление, стала необходимым условием ведения победоносных освободительных войн с маврами. Корона, власть которой все поддерживали, чтобы победить и не быть обманутой другими участниками реконкисты, все-таки подвергалась со всех сторон нападкам и раздиралась противоречиями. Крестьяне взывали к помощи

короны в борьбе со злоупотреблениями дворянства, города упорно добивались привилегий и самоуправления, духовенство и дворянство не отступались от уже дарованных и настаивали на новых правах, милостях и преимуществах.

И лишь в период правления Изабеллы Кастильской (1474-1504) и Фердинанда Арагонского (1479-1516), после того как благодаря их браку (1469) Испания почти приобрела современные очертания, удалось окончательно преодолеть феодальную раздробленность и вырвать власть из рук высокородной знати. Разумеется, что и в период правления Изабеллы и Фердинанда возникали социальные конфликты и критические ситуации в экономике. Точно так же как в соседней Португалии, крестьяне находились на разных стадиях феодальной зависимости. В Арагоне крестьяне были крепостными, в Каталонии в первой - второй третях XV столетия поднимали восстание и отвоевали себе кое-какие права, в Кастилии они были свободными поселенцами. Но все они страдали от высоких налогов, начиная с 1510 года регулярно взимаемых, так что немало крестьян становилось жертвами ростовщиков и превращалось в разбойников с большой дороги. Места¹⁶ - соглашение об объединении богатейших помещиков, разводивших овец, поддерживаемое королевским домом, - привела к тому, что ранее арендуемые земли были превращены в пастбища и крестьяне-арендаторы без всякого сожаления согнаны с насиженных мест. Испанское сельское хозяйство было недостаточно производительным и зависело от ввоза зерна. Исключение составляли южные районы, где крещеные потомки мавров (мориски) выращивали орошаемые культуры и получали богатые урожаи. И хотя уже полностью сложилось сильное централизованное государство, большие привилегии духовенства и дворянства препятствовали едва начавшемуся капиталистическому развитию, которое по сравнению с другими европейскими странами значительно отставало.

Огромный вред наносили представления, возникшие и упрочившиеся в ходе Реконквисты: закостенелая религиозная нетерпимость и пренебрежение к культуре других народов. В результате в 1492, 1499, 1502 годах Изабелла и Фердинанд выслали из страны морисков и не перешедших в христианство евреев. Испания тогда потеряла многих лучших ученых, художников, купцов, самых умелых земледельцев и ремесленников. После того как в 1492 году было покончено с последним мавританским эмиратом на испанской земле, Гранадой, а затем страну захлестнул поток золота и серебра из американских колоний, испанские владыки ощутили себя сильными, как никогда. И не ведали они, что все то золото только протекает через страну, оседая в сундуках тех, кто во Фландрии, Франции, Англии и Германии занимался производством в массовых количествах всего того, чего не могла дать чахнувшая испанская промышленность. Испанский «золотой век» при всем его блеске нес на себе печать вырождения. Оживленная деятельность в севильских банках, единодушное стремление всех сословий вести охоту за богатствами этого мира и на волнах, и на дальних берегах уже не

отвечали приметам времени. Оно теперь принадлежало фламандскому мануфактурщику и владельцу немецких рудников, а не странствующему идальго. Однако нельзя умалчивать, что именно идальго был тем, кто соединил экономические артерии Европы с серебряными копиями Потоси и рощами гвоздичного дерева на Тернате.

Но наш путь ведет назад на набережные Севильи. С 1503 года здесь находится резиденция Каса де Контратасьон (Королевской торговой палаты). Здесь выгружают золото Эспаньолы (Гаити), жемчуг с острова Маргарита и бразильское дерево, скоро здесь увидят Торре-дель-Оро (золотую башню) и Торре-де-ла-Плата (серебряную башню) - сверкающие трофеи грабительской конкисты. Город на берегу Гвадалквивира - реки, воды которой два десятка лет назад вынесли корабли Колумба в море в его третье плавание, - самое притягательное место для выходцев из Португалии. В основном это моряки, оставившие по самым разным причинам службу во флоте Мануэла. Их прибытие очень желанно, так как они избородили вдоль и поперек моря южнее экватора, еще незнакомые Испании. Так получилось и с Барбозами, в доме которых Магеллан нашел приют на ближайшие месяцы. Глава семьи Дьогу Барбоза когда-то принимал участие в плавании в Индию Жуана да Новы. Он уже почти пятнадцать лет живет в Севилье, вначале был управляющим Алькасара¹⁷, а теперь является смотрителем королевского арсенала - человек богатый и уважаемый. Его племянник Дуарти долгое время путешествовал по владениям Португалии в Индийском океане и написал книгу, в которой поведал об областях мира «между мысом Доброй Надежды и Китаем». Это «Livro de Duarte Barbosa» («Книга Дуарти Барбозы»), ее будут читать даже столетия спустя. До нас не дошло сведений, какие отношения связывали Барбозу и Магеллана, но, судя по всему, они давно знают друг друга. Ведь условия, предоставленные ему Барбозами, - это нечто большее, чем простое гостеприимство. Правомерно допустить, что Магеллан не бросился из Португалии очертя голову в неизвестность, а самым тщательным образом подготовил свой переезд в Севилью. Едва завершился 1517 год, как гость и его хозяин оказались связанными отношениями особого рода: дочь Дьогу Барбозы Беатрис, за которой, говорили, было отдано жениху не менее 600000 мараведи приданого, предстала перед алтарем с тридцатисемилетним капитаном, лишь несколько недель назад почти без средств перебравшимся из Португалии.

Роман на берегах Гвадалквивира? Повторение начала романтической истории, когда смелому, побывавшему в далеких краях мавру удалось очаровать прекрасную Дездемону? Вряд ли. Фернан де Магеллан не какой-нибудь нищенски бедный чужак, из милосердия принятый в доме, а мужчина, на которого можно положиться. Не может быть случайностью, что большая группа моряков, в том числе его будущие кормчие Жуан Родригеш ди Мафра и Вашку Галлегу приехали вместе с ним в Севилью. И конечно, не случайна также причастность Дьогу

Барбозы к кругу лиц, которые были инициаторами экспедиции Диаса де Солиса на поиски южноамериканского пролива и финансировали ее.

Поначалу кажется, что надежды, связывающие Дьюгу Барбозу и его зятя, тщетны. Управляющие Каса де Контратасьон, в частности, были далеко не в восторге от посулов Магеллана найти самую короткую дорогу к островам Пряностей и доказать, что те земли лежат в полушарии, оговоренном для Испании. Неудача вполне объяснима. Магеллан клятвенно обещал своему партнеру Фалейру, до сих пор находящемуся в Португалии, что до его прибытия не раскроет ни одной детали их совместного плана. И он демонстрирует доказательства, больше говорящие о значении, чем о надежности предприятия: письма Сиррана, сообщения Вартемы. Убеждения и доводы Магеллана, им, бесспорно, высказанные, что юг Америки имеет такие же очертания, как и Африка, и, возможно, даже Диас де Солис уже нашел мыс, который осталось только обогнуть, - это всего лишь домыслы и предположения, вряд ли достойные доверия. Для вящей убедительности не хватает расчетов Фалейру и карт, показывающих проход на запад. А уроженец Молуккских островов раб Энрике, единственная сохранившаяся у Магеллана собственность от грабительского похода на Малакку, и девочка-рабыня с Суматры, которые сопровождают просителя, - только экзотическое приложение, ничего не значащее; рабы не в состоянии повлиять на мнение руководителей ведомства.

Но на одного из тех, кто с нерешительными или неодобрительными минами сидит напротив Магеллана, идея произвела большое впечатление; отныне он будет ей всячески содействовать. Этот фактор¹⁸ Хуан де Аранда - один из трех управителей Каса де Контратасьон. Аранда указывает и прокладывает Магеллану путь, единственный, каким нужно следовать, - в ведомство по колониальным делам, названное «Совет по делам Индий» (Consejo de las Indias, с 1524 года - Consejo Real y Supremo de las Indias), и в конце концов к королю. Он помогает своему протезе весьма осмотрительно. Наводит о нем справки в Португалии, выжидает, пока не прибудет в Севилью Руй Фалейру. Кстати, встреча обоих партнеров протекает как угодно, но только не дружески. Фалейру обнаруживает особенно неприглядные черты характера Магеллана, и так достаточно тяжелого, - его вспыльчивость и упрямство; обвиняет в том, что он нарушил свое обещание и полностью раскрыл Аранде их план, чтобы его обойти и обмануть. Возможно, ученого в его подозрениях подстрекает брат Франсишку, прибывший вместе с ним, и сейчас вспыхнет пламя раздора, которое давно тлело, и в конце концов разрушит последнюю нить, связывающую неравных партнеров. На этот раз спор за награду после успешного завершения плавания удалось уладить, возникают только незначительные затруднения: как того требует Фалейру, Аранда вынужден отправиться ко двору в Вальядолид отдельно от обоих партнеров. В январе 1518 года он так и поступает. Но в пути возникает одно соображение, видимо давно его тяготившее и заставившее Хуана де Аранду вернуться в общество своих протезе. Он считает, что его постоянное содействие,

прошения к короне и к великому канцлеру, в особенности же его дукаты, которыми так вольно пользуется Фалейру, достойно рекомендуют его для участия в доле от того, что «ниспошлет им воля господня». Магеллан, конечно, хотел бы удовлетворить просьбу. Уже то обстоятельство, что он не был способен или не хотел, как большинство его соотечественников, извлечь материальные выгоды из службы в Индии, характеризует его как не слишком меркантильного человека. Не таковы Фалейру. Возникает торг из-за процентов. Аранда требует пятую часть, Фалейру предлагает десятую, потом восьмую часть. Затем переговоры прерываются, так как Аранда настаивает на пятой части или вообще отказывается участвовать в этом деле. Правда, он не прекращает и дальше выступать за предприятие. Спустя три недели его настойчивость вознаграждается восьмой частью от общей доли будущих богатств, гарантированной договором между партнерами.

Карл I в 1520 году. Современная гравюра

Но пока это произошло, ловкий фактор Каса де Контратасьон сумел добиться аудиенции у четырех персон: у великого канцлера империи, у кардинала Адриана Утрехтского, у епископа Бургосского и, наконец, у короля Карла I (1516-1556, с 1519 года Карл V - император Священной Римской империи). И только два голоса решающие. Соваж, великий канцлер, совсем недавно заступил на свой пост и не расположен занимать в этом вопросе четкую позицию. Адриан Утрехтский, бывший

воспитатель короля, также колеблется. Вряд ли от них можно ожидать поддержки, кардинал даже склоняется через некоторое время к португальской точке зрения. Очень много значит мнение Хуана Родригеса де Фонсеки, епископа Бургосского. Фонсека не просто какой-нибудь обыкновенный прелат. С 1493 года он был облечен обязанностями, очень сходными с обязанностями министра колоний, в настоящий момент он - вице-президент «Совета по делам Индий». Он был когда-то опасным противником Колумба; видимо, он тот самый человек, который инспирировал казнь Нуньеса де Бальбоа, и именно он в скором времени назовет Эрнана Кортеса предателем и бунтовщиком, наверное, даже задумается над планом его убийства. Таков многоликий образ Хуана Родригеса де Фонсеки. Кое-кого из тех, кто отправляется открывать для империи мир, он нередко объявляет своими «племянниками» - так называли в основном незаконнорожденных отпрысков высокопоставленных духовных лиц, привлекая их тем самым на свою сторону. В случае с перво открывателем Нового Света роль «племянника» сыграл Алонсо де Охеда. Как поговаривают, Хуан де Картахена, об интригах которого мы еще вдоволь узнаем, такой же «племянник». Правда, Фонсека разглядел соблазнительные перспективы намерения Магеллана и проявляет благосклонность.

А что король Карл? Сыну Филиппа Красивого и Хуаны Безумной только что исполнилось восемнадцать лет. Он неглуп, но неопытен и очень далек от того, что считают правильным его министры и казначеи. С тех пор как король прибыл из Гента в Испанию, он постоянно убеждался, что фламандские советники могут ждать от испанских грандов только враждебного отношения - действительно, они попытались через два года избавиться от ненавистного монарха. Когда король одобряет план плавания в западном направлении к островам Пряностей, он питает надежду, что подобное предприятие перед лицом славы и могущества, которыми оно может одарить Испанию, умиротворит и сплотит его своевольных и темпераментных подданных. Но, разумеется, расходы, связанные с такими надеждами короля, приходится нехотать. Например, за корону Священной Римской империи, обещанную ему на будущий год, пришлось уплатить сто тысяч дукатов на одни только взятки. Все же именно королевский казначей будет тем, кто устранил последние сомнения.

Да, людей, которые позволили великому плаванью осуществиться, зовут не Барбоза, Аранда, Фонсека или Карл I. Они не командоры ордена Сантьяго, не члены Каса де Контратасьон, не епископы и тем более не короли, а люди, работающие в тихих конторах, но в королевском казначействе их хорошо знают. Самый знаменитый из них - испанец Кристобаль де Аро. Он посредник на Иберийском полуострове Якоба Фуггера из Аугсбурга - финансиста королевей, возведшего не одного на трон. Это на его дукаты Карл V обеспечил себе императорскую корону. Аро - сам судовладелец, купец и банкир - располагает разветвленной системой представительств в Антверпене, Лиссабоне и Севилье, он вкладывал капитал в иберийские морские предприятия уже

тогда, когда еще Жуан II велел заложить западноафриканскую крепость Сан-Жоржи-да-Мина. После коронации Мануэла I де Арона некоторое время отстранили от торговых сделок, и он вынужден был наблюдать, как была предоставлена возможность его флорентийскому конкуренту Бартоломео Маркиони снарядить для флота Вашку да Гамы один корабль.

К слову сказать, дела между частными заимодавцами и королевским домом осуществляются обычно следующим образом. Действующий в данное время торговый дом предоставляет корабли или финансирует их снаряжение, то есть берет на себя все необходимые расходы по доставке войск в Индию и их вооружению, короче, весь риск плавания. В качестве компенсации торговому дому предоставляется право закупать пряности и другой товар в подвластных Португалии областях, доставлять кораблями в Европу и там продавать, причем сорок процентов от общей выручки должно передаваться короне. Из-за сказочных прибылей, которые обеспечивает участникам торговля с Индией, возникает яростная конкурентная борьба между представителями банкиров Фуггера и Вельзера, с одной стороны, и купцами из Венеции и Флоренции - с другой.

И хотя Аро был на какое-то время оттеснен от торговли с Индией, ему удается в 1500 году снова послать туда два корабля с эскадрой Педру Алвариша Кабрала. Судя по записям в конторских книгах, то плавание окончилось для Аро потерями, но он не был настроен на мгновенные выручки. Он продолжает терпеливо вкладывать деньги в морские предприятия и скоро снаряжает пятнадцать кораблей, связавших его лиссабонскую фирму с торговыми факториями в Восточной Африке, Индии и Малакке.

Владелец этих кораблей - умный, смелый купец. Он финансирует также предприятия, прибыль от которых можно получить только через отдаленный срок. Так, мы узнаём из уже упомянутой «Копии последних известий из страны Бразилия», что «Христофель де Аро» и другие «снарядили и вооружили корабли», посланные тогда на исследование Южноамериканского побережья. Через много лет король Мануэл избавляется от своего могущественного кредитора. В ходе событий, прояснить которые не представляется возможным, были потоплены португальской эскадрой у Западноафриканского побережья семь кораблей де Аро. Купец тщетно требует возмещения, но в конце концов оказывается достаточно мудр, чтобы вернуться к себе на родину. Это происходит в тот момент, когда Магеллан прибывает в Севилью. План западным путем достичь островов Пряностей должен был показаться обманутому судовладельцу даром небес. И в самом деле, план - единственная возможность снова занять господствующее положение в торговле дальневосточными товарами. Поэтому нет ничего удивительного, как впоследствии сообщил секретарь императора Максимилиан Трансильван, что Аро не позволил никому другому отстаивать дело Магеллана и Фалейру перед королевским советом. Он

же потом убедил Фуггера предоставить Карлу I заем в 10000 дукатов. Он сам вносит долю в размере 1,6 миллиона мараведи и уговаривает Алонсо Гутьерреса, казначея Севильи, и других состоятельных людей города принять участие в финансировании плавания.

Следует заметить, что денежный дождь, на который рассчитывали кредиторы в случае удачного завершения плавания на Молукки, пролился довольно нескоро. Семейство Аро должно было провести изнурительный процесс против короны, прежде чем спустя почти два десятилетия оно получило положенную им долю. Фуггеры же не увидели ни одного дуката. Тем не менее, можно быть уверенными, что они не упустили своего в каком-либо другом случае.

Итак, несмотря на то, что план Магеллана и Фалейру в кругу Аро и Гутьерреса с готовностью приветствуется, его надо еще и отстаивать на королевском совете. Ведь закон, естественно, запрещает частные плавания, и только король решает, состоится ли плавание и кто будет его финансировать. Вообще-то финансируют такие предприятия, притом почти всегда, представители купечества, но это обстоятельство охотно замалчивается и, конечно же, не может быть понято до конца многими коронованными особами и феодальными магнатами.

Какими средствами воспользовался Магеллан, чтобы наиболее наглядно продемонстрировать свою идею, мы узнаём из свидетельств многих его современников. Например, Антонио Пигафетта сообщал о заявлении Магеллана, что тот видел в лиссабонском архиве карту Мартина Бехайма, где указан искомый пролив. Хронист Антонио де Эррера (1549-1625) утверждает следующее:

«Когда Магеллан в первый раз появился при испанском дворе в Вальядолиде, он показал епископу Бургосскому разрисованный земной шар, на который он нанес маршрут своего предполагаемого путешествия. При этом пролив он намеренно оставил белым, чтобы нельзя было проникнуть в его тайну. Когда королевские министры засыпали его вопросами, он им поведал, что намерен поначалу причалить к берегу у предгорий Санта-Мари, то есть у устья Ла-Платы, и уже оттуда следовать вдоль побережья, пока не найдет пролив... Он добавлял, что тем паче уверен найти пролив, что видел его на морской карте, составленной Мартином де Боэмиа, португальцем, космографом высокого мастерства, родившимся на острове Фаял. Эта карта дала ему много разъяснений по поводу того пролива» (цитируется по Хеннигу).

Эррера ошибся, когда принял нюрнбержца Мартина Бехайма (1459-1507) за португальца с острова Фаял из архипелага Азорских островов. Мартин Бехайм, прибывший в Португалию в 1484 году и на следующий год принявший участие во втором плавании Дьогу Кана, на самом деле только многие годы жил на этом острове. И нет ничего невероятного в том, что карта, похожая на описанную, действительно существовала, она даже могла быть выполнена Бехаймом. Но все-таки более вероятно, что Магеллан видел карту, каких около 1515 года было много,

изображавшую пролив в манере Шёнера. Какое малое значение придавал Магеллан как этой карте, так и многочисленным слухам о поисках прохода на запад, показывает приводимая цитата. Она принадлежит будущему епископу, историку и «апостолу индейцев» Бартоломе де Лас-Касасу (1474-1566).

«Магеллан привез с собой великолепно раскрашенный глобус, на нем были изображены все побережья, и только места около пролива оставались умышленно нераскрашенными, единственно затем, чтобы никто не похитил его тайну. В тот самый день и тот самый час, когда епископ Фонсека принес этот глобус канцлеру империи и пометил на нем путь, каким хотел следовать Магеллан, я находился в его кабинете. Самого Магеллана я расспросил о предполагаемом курсе несколько позже. Он поплывет сначала, был ответ, до мыса Санта-Мария у реки, которую мы сегодня называем Рио-де-Ла-Плата, а потом будет следовать вдоль побережья, пока не натолкнется на пролив. «Но, - вставил я, - если такой проход не найдется, как же вы хотите тогда попасть в Южное море?» "Если я не открою пролив, - сказал он мне, - тогда я пойду тем же путем, каким португальские моряки плывут в Индию"» (цитируется по Кёлликеру).

Не только эти слова, но и в особенности поведение Магеллана во время последующего плавания, его неуверенные поиски, его решение следовать вдоль побережья до семьдесят пятого градуса южной широты и, если это будет напрасно, плыть на Молукки в обход мыса Доброй Надежды - все доказывает, что им двигала воля, а не знания. Как до него Колумб, взволнованный картой Тосканелли, которая неправильно изображала мир, и склонный воспринять ее как доказательство своих идей и предположений, точно так же Магеллан мог рассматривать в лиссабонском архиве те сомнительные карты. Однако не стоит переоценивать кусок пергамента. Такие карты видели тогда многие, но они не становились сразу после этого ни колумбами, ни магелланами.

Новый свет и Южная Земля. Карта де Бри, вышедшая в свет в 1597 году

Уже известно, что еще могут предъявить Магеллан и Фалейру: эйфорические восторги Сиррана по поводу островов Пряностей, деловое и притягательное сообщение Вартемы о богатствах дальневосточного архипелага, раба Энрике и его пугливую попутчицу. Конечно, снова и снова поднимается вопрос о географическом положении Молуккских островов. Ведь оно определяет в конечном счете, будет ли предприятие напоминать атаку на португальскую монополию торговлей пряностями или оно докажет, что каравеллы Мануэла курсируют в сфере влияния Испании. Правда, кажется, этот вопрос не очень-то волнует испанцев. Об этом говорит по крайней мере беззаботность, с какой Магеллан подтверждает намерение пойти, если он не найдет пролив, «тем же путем, что и португальские моряки, плывущие в Индию».

Хотя король Карл в договоре с обоими мореплавателями неоднократно подчеркивает, что они должны осуществлять свое плавание так, «чтобы никоим образом не нарушить демаркационную линию и границы короля Мануэла... и ничего не предпринимать ему во вред», на самом деле это никого не волнует. Следует даже поставить под сомнение, что Карл и его королевский совет действительно хотят соблюдать границы, оговоренные в Тордесильясе. Когда король в сентябре 1519 года пытается застраховаться «Памятной запиской о положении Молукк», написанной Магелланом, где тот утверждает, что острова Пряностей находятся на два с половиной градуса восточнее линии раздела, то это чистое очковтирательство. Никто, даже самый искусный навигатор и астроном, во времена Магеллана не мог безошибочно определить, где пролегает та линия, не говоря уже об определении дистанции долготы в два с половиной градуса.

При ближайшем рассмотрении становится ясно, что плавание Магеллана не было продиктовано жадной жаждой знаний. Оно было предпринято не для того, чтобы на островах Пряностей португальцы и испанцы пожали друг другу руки, не для доказательства шарообразной формы Земли. Нет, это просто вторая, богатая последствиями попытка Испании западным морским путем достичь Индии. На случай, если Новый Свет окажется сплошным барьером суши, видимо, даже было единое мнение пойти на конфликт. Чем, собственно, рисковал Карл I? Война из-за этого сразу все равно не начнется, а папы римского, угроза которого содействовала подписанию соглашения в Тордесильясе, более нет в живых. Кроме того, нашлись бы, конечно, средства унять неудовольствие Льва X, привыкшего вести роскошный образ жизни. Но в действительности ситуация для Испании сложилась значительно более благоприятно, чем вообще мог предполагать Карл. Член его королевского совета стал папой, а сам он сделался для святого престола крайне необходим, так как началось нечто в свое время явно недооцененное Львом X и прозванное им пренебрежительно «монашеской перебранкой» Мартина Лютера. Впрочем, счастливый случай избавил щепетильного короля от необходимости принять вызов своего «любимого брата» Мануэла Португальского: Кортес завоевал для него золото ацтеков.

22 марта 1518 года испанская корона заключает с Фернандо Магелланом и Руем Фалейру договор об открытии островов Пряностей. В нем несколько туманно говорится: «Вы должны, да сопутствует вам удача, проплыть океан и стремиться к открытиям в пределах наших границ». И только из другого отрывка становится очевидным, что открытое Бальбоа «Южное море, начиная с залива Сан-Мигель [у Панамского перешейка] *, совсем не изведано, и его следует пересечь». Для этой цели, заверяет король Магеллана и Фалейру, в их распоряжение будет предоставлено пять кораблей тоннажем от 60 до 130 тонн с командами численностью около 234 моряков, а также необходимые на два года снаряжение и провизия. Кроме того, документ фиксирует все права, которыми оба смогут пользоваться в будущем. На ближайшие десять лет им предоставляется привилегированное положение в областях, открытых в ходе предстоящего плавания. Они получают над ними права наместничества, передаваемые по наследству, и двадцатую часть прибылей от разработки тех земель. Договор предоставляет им преимущественные права в торговле с найденными островами, а также возможность выбрать два из них, если их будет свыше шести, и получать пятую часть от получаемой с этих островов прибыли. Далее они должны будут получить пятую часть от общих доходов плавания, когда будут покрыты все издержки.

Начальные пункты договоров чаще всего звучат приятно, но в конце приводятся всевозможные ограничения, обусловленные обстоятельствами. Например, в договоре записано, что король в течение ближайших десяти лет не позволит никому «отправляться в исследовательские плавания по той же дороге и в те же края, что и вы». Но дальше многословно и витиевато перечисляются обстоятельства, при условии которых королевское слово утрачивает силу. Да и впрямь предоставление такой монополии было бы неразумным и анахроничным. Нечеткий же стиль договора объясняется, видимо, общей склонностью к избитым абсолютистским фразам и одновременно стремлением к юридическому педантизму. В целом соглашение можно назвать предельно великодушным, поскольку дело касается пряностей - поистине королевских источников дохода. Наверное, правильно будет предположить, что именно Кристобаль де Аро был тем, кто добился от короны таких далеко идущих обязательств. В конце концов он и его деловые партнеры претендуют на оплату четвертой части затрат на экспедицию, а без дукатов, которыми он через Фуггера обеспечивает Карла, доля короны тоже была бы значительно меньше.

В апреле 1518 года Карл I, его двор и совет отбывают в Аранда-дель-Дуэро, в мае - в Сарагосу. Магеллан и Фалейру - в числе сопровождающих. Они становятся свидетелями оплачиваемого преклонения и заверений в верности, какими представители разных сословий осыпают короля. Оба капитана - тем временем им присвоили это звание - тоже не устают принимать дальнейшие знаки высочайшей милости: им повышают жалованье, предоставляют новые привилегии,

наконец, в Сарагосе Карл I провозглашает их рыцарями ордена Сантьяго.

Понятно, что их радость далеко не разделяют испанцы, не сумевшие добиться такого же успеха, и уж наверняка лиссабонский двор. Поэтому Алвару да Кошта, посол Португалии в Испании, уже в скором времени получает приказ своего монарха заставить «дезертиров и авантюристов» вернуться назад или изыскать возможность лишить их кредита. Кошта, получивший только что задание заняться приготовлениями к бракосочетанию сестры Карла Элеоноры с королем Мануэлем, должен выступать одновременно в роли свата и интригана. Он интригует ловко, но безрезультатно. Вначале во время частых бесед он пытается убедить Магеллана, что его намерение - это грех по отношению к богу и королю Португалии. Но Магеллан, несмотря на такие веские аргументы, уверен, что он не вызовет неудовольствие всевышнего. Что же касается королей, то он должен верой и правдой служить только тому, кто ему доверяет и кому он дал слово. Руй Фалейру избежал подобных нравоучений, так как из-за его заносчивого и своевольного характера и манеры поведения о нем повсюду шла молва, что он не в своем уме. Тогда посол кинулся за поддержкой в королевский совет, но сумел перетянуть на свою сторону только Адриана Утрехтского, который ничего не может противопоставить несравненно более коварному и могущественному Фонсеке.

А епископ и «министр колоний» ведет атаку на острова Пряностей с большим размахом. Результатом его деятельности оказалось также, что некрупные кредиторы предприятия были оттеснены в сторону - одну из жертв зовут Хуан де Аранда. Отзывчивого и готового помочь фактора вызывают на суд чести. В июле 1519 года королевская канцелярия сообщает, что его соглашение с Магелланом и Фалейру противоречит интересам нации. Так ничего и не вышло из восьмой доли участия, с таким трудом выторгованной; очень скоро заканчивается карьера Аранды и в Каса де Контратасьон. Тем временем «интересы нации» начинают блюсти Фонсека, Аро и Алонсо Гутьеррес.

Испанская поговорка гласит: «Реки, церкви и короли - опасные соседи». В правильности поговорки Магеллан вынужден будет убедиться. Многочисленные противоречивые надежды, которые хозяева Испании связывают с его плаванием, в нашем повествовании зачастую даже не упомянуты. Да и не представляется теперь возможным по прошествии почти половины тысячелетия полностью вскрыть те сложные перипетии. Для того чтобы иметь об этом общее представление, видимо, будет правильным допустить, что прежде всего четыре человека и их деловые партнеры стремились подчинить предприятие своим интересам. Среди них Кристоаль де Аро, вначале пытавшийся самолично финансировать плавание, чтобы получить наиболее высокую долю от будущих прибылей. Фонсека не мог допустить ничего подобного, поскольку это противоречило правам короны и интересам духовенства. В споре этих двоих, буржуа и представителя феодальной знати и высшего

духовенства, де Аро вынужден был на данном этапе уступить: ему не возбраняется предоставить деньги, но он не может добиться получения ожидаемой доли от прибыли. В результате весной 1519 года, после того как севильская бюрократия и коррупция чуть было не сорвали предприятие, контрагенты приходят к соглашению.

Зато королем Карлом Фонсека руководит сам. Так расценивает дело и Себастьян Алвариш, консул Португалии в Севилье, когда он пишет Мануэлу I, что епископ Бургосский является тайным правителем. И, разумеется, король действует весьма решительно, если кто-нибудь начинает притеснять Магеллана, с которым он как монарх в определенном отношении связал свою судьбу. В конечном счете, Магеллана используют все. Чтобы осуществить свой план, он принужден не только идти на всевозможные уступки, но и, по крайней мере, в двух случаях отвернуться от людей, помогавших ему до сих пор. Необходимость нести потери и приносить жертвы на своем пути, что приходится делать каждому, кто стремится свершить необыкновенное, не миновала и Магеллана.

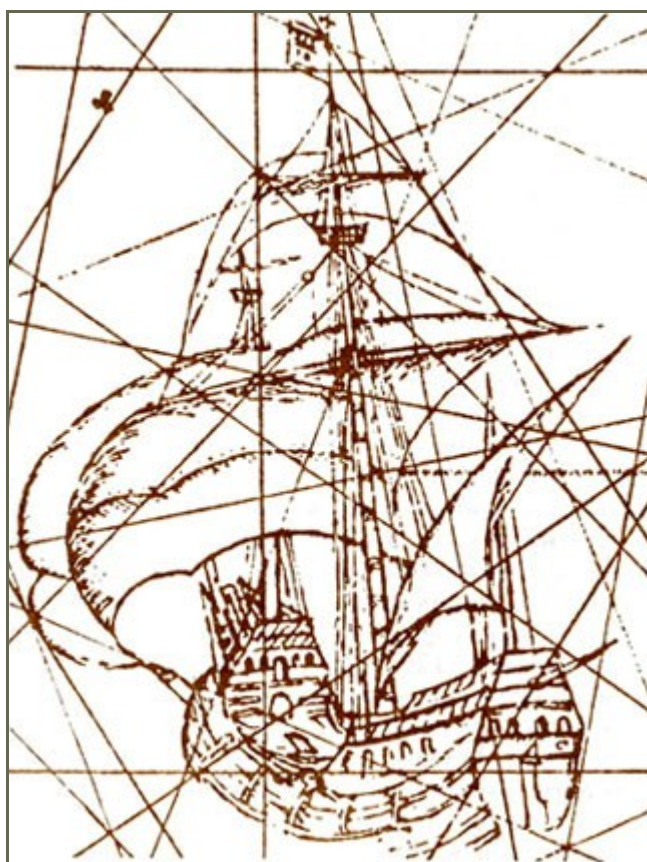
Армада

По справедливости мы должны
восторгаться целеустремленностью
наших предков, которые при очевидном
недостатке многих насущно необходимых
удобств предпринимали такие далекие,
а при пристальном рассмотрении поистине
ошеломляющие путешествия по стихии,
какую можно назвать самой вероломной
и самой ужасной из всех.

Иоганн Кристоф Аделунг. «Из истории морских открытий»

В августе 1518 года Фернандо Магеллан и Руй Фалейру возвращаются назад, в Севилью. Один из них с облегчением вдыхает, наконец, воздух, насыщенный ароматом дерева, смолы, запахом снастей и складских помещений. Жадно вглядывается он в корпуса кораблей, мачты и полотнища парусов, четкой полосой обрамляющих реку. Все здесь понятно, знакомо и дорого сердцу. Магеллан и не подозревает, что предстоящие одиннадцать месяцев будут для него хуже, чем все невзгоды, доселе пережитые. Происки его былых противников да придворные интриги, вместе взятые, - ничто по сравнению с безразличным отношением к делу, коварством и ненавистью его подчиненных. Он столкнется с низменной гордыней, превращающей людей в злобные создания, похожие на глупых напыщенных павлинов, которых злоба заставляет бросаться на развевающийся платок. Фалейру тоже настроен по отношению к Магеллану неприязненно. Одаренный, незаурядный математик и астролог, уж он-то должен был бы по звездам прочесть, что ему следует избегать гавани Севильи, когда Магеллан снаряжает там свой флот.

Обещанные корабли скоро придут на верфь. Они закуплены Хуаном де Аранда по заданию Каса де Контратасьон в Кадисе, и совершенно очевидно, что выбраны исходя из соображений вместимости их трюмов и стоимости. Это «Сан-Антонио», «Тринидад», «Консепсьон», «Виктория» и «Сантьяго». Тоннаж судов соответственно составляет 120, 110, 90, 85 и 75 тонн. Для его определения используется андалусская тонелада, приблизительно соответствующая теперешней регистровой тонне. Да, суда довольно маленькие. О них Себастьян Алвариш еще летом 1519 года, в частности, пишет королю Мануэлу: «Они весьма старые, имеют течь... и я не хотел бы на них пускаться в плавание даже до Канарских островов, ибо шпангоуты у них мягкие как сливочное масло». Это преследующее определенную цель высказывание, видимо, чисто ироническое, так как под наблюдением Магеллана затрачивается много сил и около полутора миллионов мараведи на приведение кораблей в порядок.

Испанский корабль. Деталь на карте мира 1529 года

Не сохранилось никаких сведений о том, как они выглядели. С определенной долей достоверности можно утверждать, что самые большие из них походили на судно, изображенное в 1529 году картографом Дьогу Рибейру на одной из морских карт. Корабль, под которым начертана ликующая надпись: "Vengo de Maluca" («Я следую с Молукк»), - это судно с вместительным корпусом и четко выраженной седловатостью палубы наподобие карак¹⁹, строившихся тогда в Северо-Западной Европе и Италии. Над транцевой кормой и баком корабля возвышаются надстройки, все три мачты, кроме бизани, несут на реях прямые паруса. На корабле, изображенном Рибейру, два паруса убраны.

Всего можно было поставить шесть парусов: блинд под бушпритом, фок, фор-марсель, колоссальный грот, поверхность которого увеличивалась бонетами, грот-марсель и, наконец, латинский парус на бизани. Тот, кому это объяснение мало что говорит, может получить представление о виде тех судов из приводимой иллюстрации; корабли были приблизительно тридцати метров в длину и около восьми в ширину. К сожалению, рисунок Рибейру рассечен паутиной картографической сетки, типичной для морских карт того времени. Тем не менее, до сих пор он остается самым достоверным из всех претендующих на изображение кораблей Магеллана. Так, например, на многих рисунках мы видим корабли в беспредельном море, с открытыми портами²⁰ и со свисающими ми за бортом штоковыми якорями - небрежность, какую не позволил бы себе ни один капитан. Эти гравюры и рисунки скорее декоративные, нежели достоверные, не дают даже представления, несли ли рулевые свою вахту все еще под ютом и использовали ли колдершток - устройство, появившееся тогда для удобства управления парусным судном. Точно так же не видно якорного шпиля (кабестана) - это, скорее всего, был брашпиль, двигавшийся в горизонтальной плоскости.

О том, как выглядели корабли изнутри, можно только догадываться. Интересно, что в сохранившихся списках снаряжения не упомянуто ничего, что могло бы обеспечить матросам полноценный ночной отдых. По всей вероятности, как и во времена Колумба, матросам приходилось спать на голой палубе хотя испанские мореплаватели уже познакомились в Америке с гамаками. Так что условия жизни на палубе перед кормовой надстройкой нельзя было назвать даже спартанскими, ведь размещенные там пожитки под действием влажного, пропитанного солью воздуха превращались в сырые вонючие лохмотья мылись морской водой, от которой кожа воспалялась нередко появлялись нарывы и лишай. Все же на тех кораблях уже были сплошные палубы - во флоте Колумба такое преимущество имела только «Санта-Мария». Но под жарким тропическим солнцем и при усилении нагрузки на корпуса кораблей на большой волне из щвов между досками выскакивало почти все, чем они были законопачены. Плотники, неизменные члены экипажа - само их прозвище «конопатчики» указывало на род их деятельности - только и знали, что устраняли повреждения. И все-таки места где могли укрыться команды, в зависимости от погоды то насквозь продувались, то заливались дождем. Это относится и к платформе, огороженной поручнями, которую при хорошей погоде вывешивали за борт и где свободно можно было справить физиологические потребности. Индивидуальные удобства имелись только в довольно уютных каютах капитанов, кормчих и шкиперов, расположенных в надстройке на корме. Передняя надстройка пока не служила каютой для команды, а была приспособлена для хранения парусов и провизии.

Из списков на довольствие точно известно, чем утоляли спутники Магеллана голод и жажду. Были погружены 416 пип вина - хереса, пахарете, именуемого сегодня шерри. Уплаченные за вино полмиллиона мараведи (стоимость двух кораблей) - самая крупная статья расхода во

всем счете за провизию. Исходя из запланированного двухлетнего срока плавания, ежедневная порция вина составляла более литра на человека.

Основу твердой пищи составляли сухари - их правильнее было бы назвать просто черствым хлебом; около ста тонн сухарей загрузили на пять кораблей. Брли с собой также солонину, вяленую и соленую рыбу. Способ, каким в те времена приготавливали солонину, объясняет, почему расходовалось так много вина. Мясо клали в чан, наполненный морской водой, туда залезал матрос, он топтал и мял ногами кусок до тех пор, пока количество содержащейся в нем соли не становилось приемлемым для еды. Семь коров и три свиньи, взятые в плавание, предназначались для более «изысканных» трапез. Естественно, что и это мясо не делили на порции, а брали пальцами и ножами из общего котла. Деликатесами могут показаться большие запасы меда, коринки (мелкий изюм), инжира, миндаля, изюма, варенья из айвы; несколько разойдутся мнения в отношении двухсот пятидесяти связок чеснока, тоже точно зафиксированных. Кроме того, имелись маслины, оливковое масло, уксус, лук, каперсы и мука. Муку смешивали с водой и пекли лепешки, если погода была достаточно благоприятной, чтобы развести огонь. Неблагодарную роль коков из-за связанных с ней поношений и хулы охотно возлагали на юнг. Важное значение в питании на борту отводилось сыру, питательные свойства которого, как правило, тогда недооценивались. Однако флот Магеллана захватил с собой 1,3 тонны сыра.

Рассматривая в целом условия жизни и питание на борту, многие справедливо придут к выводу, что одно лишь это было подвигом наших предков. Перед этим подвигом мы должны почтительно склонить голову. А вспомогательные навигационные средства, которыми они пользовались в своих путешествиях, сегодня кажутся просто-напросто посохом слепца. Уже упоминалось, как остро нуждались иберийские открыватели и завоеватели в помощи местных лоцманов, какое пренебрежение у «открытых» народов вызывали европейские навигационные инструменты. И действительно, в основе их лежали знания, унаследованные со времен античности. Эти знания, усовершенствованные за прошедшие века в Азии, были принесены маврами в Португалию и Испанию или были заимствованы европейцами в ходе крестовых походов.

Вся средневековая навигация в открытом море базировалась на компасе. Доподлинно известно, что этот указатель пути, всегда готовый прийти на помощь, применялся на европейских кораблях уже в XII столетии. Правда, тогда возможен был довольно примитивный и одновременно драматический способ использования указателя пути. Если облака и туман заволакивали со звезда, тогда намагничивали железную иглу, насаживали на нее соломинку и пускали плавать в таз, наполненный водой. Часто куском магнита еще некоторое время водили над иглой, как бы заклиная ее, пока она в конце концов не указывала на север. Двенадцать компасов, которыми был оснащен флот Магеллана,

походили на инструменты, употребляемые сегодня, хотя это были еще так называемые сухие компасы. Их картушки были изготовлены из легкого материала, тончайшего пергамента или бумаги, чтобы обеспечить максимальную подвижность. На их верхней плоскости были нанесены деления, на нижней - приделана игла из намагниченного железа. Все это, насаженное в центре на острый стержень, свободно вращалось и указывало курс по градусной шкале, нанесенной на футляр компаса. Указывало, по крайней мере, тогда, когда море не слишком волновалось и не швыряло корабль, но если море было беспокойно, то картушка компаса, понятное дело, соскальзывала со стержня. Магнитная игла закреплялась под картушкой подвижно, чтобы учесть магнитное склонение, известное с XIII века.

Мы узнаем от Магеллана, что и он пытался исправлять показания компасов. Кстати, уже в 1530 году испанец Алонсо де Санта-Крус разработал карту уже известных тогда магнитных склонений, так как благодаря ей надеялся определять географическую долготу - идея, которую ранее использовали Колумб и отец и сын Каботы. Даже если Магеллан и хотел использовать опыт своих предшественников, все-таки этот опыт ему не мог пригодиться, ведь он плывал в морях, совершенно неизведанных. Кроме того, линии одинакового магнитного склонения пересекают земной шар неравномерно.

Правильные показания компасов зависели также от силы намагничивания игл, которая со временем ослабевала, причем в различной степени. Иглу нередко намагничивали или вовсе заменяли. Согласно спискам снаряжения армады, одних только запасных игл для компасов было взято тридцать пять штук.

Из тех же списков мы узнаем, какими инструментами поль зовались наши предки для определения высоты светил. Двадцать один инструмент - вот общее число таких приборов, взятых тогда в плавание. Но, кажется, из них наиболее ценился и чаще употреблялся квадрант. Без сомнения, этот угломерный инструмент, распространенный среди мореплавателей уже с середины XV столетия, оставался ко времени, когда оснащалась «армада на Молукки», по-прежнему излюбленным навигационным прибором. Он уступил только градштоку, который буквально в ближайшее время занял такие же господствующие позиции и который португальцы в единичных случаях применяли уже с 1500 года. Квадрант - это пластина в форме четверти диска. В его центре был отвес, а на плече (стороне) имелся диоптр для наблюдения светила. Через диоптр пеленговалось светило, отвес скользил вдоль дугообразного края инструмента, где были нанесены деления, и отмечал высоту светила в градусах к настоящему времени. Видимо, был необходим второй человек, чтобы зафиксировать полученные данные.

Астролябия, тоже широко распространенная, - Магеллан и его кормчие везли с собой восемь этих угломерных приборов - так же как квадрант, принадлежала когда-то к инструментарию астрономов и астрологов. Правда, астролябия моряков представляет собой отнюдь не

ту великолепную иллюстрацию знаков зодиака, какую демонстрируют музейные экспонаты. Это было четырехсекторное кольцо с приспособлением для подвешивания, в его центре помещалась алидадная линейка с диоптрами на концах для пеленгования. Во время измерений наблюдатель смотрел в обращенное к нему отверстие диоптра и поворачивал алидаду, пока не появлялось отображение светила во втором отверстии. Теперь можно было снять показания высоты светила в градусах, деления которых были нанесены на кольцо. Такие приборы были тяжелы и, даже если они были сделаны из дерева, довольно несподручны. Тем не менее, они охотно применялись для наблюдения солнца, потому что в этом случае не надо было на него смотреть, как при использовании квадранта, не было необходимости защищать глаз стеклом, зачерненным сажей. Вместо этого нижнюю диоптру прикрывали темной заслонкой, опускали астролябию вниз в вертикальном положении и поворачивали алидаду, пока точка света в центре диска не указывала на то, что достигнуто положение, соответствующее солнцестоянию. Оба описанных здесь инструмента имеют одну общую особенность: горизонт мог быть затянут туманом или вообще не виден - он был не нужен при пользовании этими инструментами. Видимо, можно сказать, что в те времена днем предпочитали использовать астролябию, ночью - квадрант, хотя астролябия вряд ли пользовалась большей благосклонностью, чем квадрант, так как для наблюдения созвездия ее приходилось подвешивать. А на кораблях, испытывающих качку, это не могло привести к положительным результатам.

Само собой разумеется, что астролябия была для Магеллана важнейшим вспомогательным средством, когда он хотел установить географическую широту. Ведь Полярную звезду - этот сияющий путеводный знак для всех моряков, плавающих к северу от экватора, - он продолжительное время не видел, а на небосклоне южного полушария нет аналогичной путеводной звезды над Южным полюсом. Таким образом, ему оставалось только солнце, высота которого в момент, когда оно находится в зените, давала возможность определить географическую широту. Предпосылкой тому служила так называемая таблица солнечных склонений, имевшаяся в распоряжении наблюдателя. Так как летом солнце ежедневно поднимается все «выше», а зимой опускается все «ниже», таблица приводила величину изменений его высоты. И только тогда, когда величину склонения в зависимости от времени года вычитали из измеренного угла или прибавляли к нему, дополнение его до 90° показывало географическую широту. Самый ранний предназначенный специально для мореплавателей труд, дававший сведения о склонении, - "Regimento do Astrolabio e do Quadrante" («Руководство по астролябии и квадранту») - вышел в свет в 1509 году в Лиссабоне. Его первое издание предположительно было напечатано в 1495 году. В нем приводится целый ряд данных о широте особо примечательных географических точек на морских побережьях и поправки на установленную при помощи Полярной звезды широту, а также склонение солнца на каждые сутки года. Совершенно правомерно

допустить, что Магеллан располагал теми таблицами, которые были распространены не только в отпечатанном типографским способом виде, но и в переписанных от руки копиях. Как хорошо с ними умели обращаться, доказывает вахтенный журнал Франсиско Альбо - кормчего во флоте Магеллана. В нем мы находим географическую широту бухты Сан-Хулиан - $49^{\circ} 40'$ (фактически $49^{\circ} 15'$) и мыса Кабо-Вирхенес - $52^{\circ}20'$ (точнее, $52^{\circ} 18'$). Его коллега Андрес де Сан-Мартин делал также точные вычисления, едва ли уступающие сегодняшним измерениям.

Далее. Наблюдать солнце в зените важно для определения судового времени, так как в зенит оно восходит в полдень по местному времени. Тогда пускалась в ход ампольтета - получасовые песочные часы. В дальнейшем за ними следили вахтенные и переворачивали их, как только верхняя емкость часов опустошалась. Конечно, такие измерители времени не годились для определения географической долготы. Как уже говорилось, долгота оставалась загадкой, пока не был теоретически обоснован метод «лунного расстояния», которым пытался воспользоваться Лмериго Веспуччи, и до тех пор, пока не были сконструированы надежные часы, пригодные для перевозки. Таинственный способ, каким Руй Фалейру якобы мог определить географическую долготу, - должно быть, один из многих, которые еще много лет спустя лишь вводили в заблуждение.

Однако Фалейру не был бестолковым человеком. Это видно из той части инструментов, которую он заготовил для армады. Франсишку Фалейру, его брат, написал книгу "Arte del Marear" («Искусство мореходства»), снискавшую широкую популярность, и таким образом увенчал навигаторские изыскания семьи Фалейру. Некий намек в списках снаряжения мог означать и то, что Фалейру был озабочен усовершенствованием существовавшего тогда компаса. Имеются в виду «четыре больших ящика для компасов», названные в приложении «футлярами» для компасов. В конце концов, нет ничего предосудительного, если ученый про водит время за изготовлением ящиков - возможно, дело уже касается попытки смягчить движения картушки, вызванные качкой, деревянной рамкой и шелковыми нитями. Кажется возможным применение принципа, получившего сегодня название карданного подвеса, он был уже известен и пускался в ход для других целей. Но все это лишь предположения.

Следует заметить, что упомянутый список инструментов несовершенен. Например, в нем не значится лот - старейший вспомогательный прибор на службе у моряков. Он, по всей вероятности, состоял из свинцовой конической гири с прикрепленным к ней тонким прочным линем, на котором через определенные промежутки делались пометки - марки из разноцветной ткани. Матрос, измерявший глубину, стоял - и так продолжалось, видимо, еще длительное время - у вант фок-мачты и оттуда бросал лот вперед по ходу судна. У гири снизу имелось углубление, заполненное салом, с помощью которого можно было брать

пробы грунта. Если лот оставался «чистым», значит, было ясно, что грунт каменистый.

Неизвестно, применял ли Магеллан уже лаг - приспособление для измерения пройденного расстояния. В частности, на применение лага указывает одно замечание в путевых заметках Антонио Пигафетты, однако это указание весьма неопределенно. Точные данные о лаге (лаглине), помеченном узлами с утяжеленным деревянным сектором, дошли до нас из работы Уильяма Берна "A Regiment for the Sea", увидевшей свет в 1574 году. В ней, правда, утверждается, что речь идет о предмете, который используют уже с давних пор. А до того было возможно измерить только скорость с помощью щепки, выброшенной с подветренной стороны за борт, или каким-либо иным образом.

Идея применить лаг была впервые подсказана в 1543 году немцем Николаусом Кребсом (Николай Кузанский). Определенно, мысль этого прелата была тогда уже не нова, но, так как по-прежнему не имелось на борту подходящего хронометра, ее не удалось использовать на практике.

Морская карта начала XVI века, начертанная на пергаменте

Еще одно замечание по поводу морских карт армады. Это были плоскостные карты с прямоугольной градусной сеткой, не дававшие достоверного изображения Земли ни в отношении координат, ни в отношении ее поверхности. И хотя несовершенство таких карт было

давно известно - на них, например, не были учтены схождения меридианов к полюсам, - тем не менее, в кругах мореплавателей продолжали ими пользоваться, не вникая в никакие советы. В середине XVI столетия испанский космограф Мартин Кортес сетовал на то, что переубеждать моряков - это все равно что «музицировать перед глухим или показывать картину слепому». Но, в самом деле, чтобы устранить недостатки, ученые предложили сначала только математические расчеты, одолеть которые было не под силу ни одному моряку. А так как Фалейру прилагали усилия усовершенствовать карты, тогда существовавшие, вполне вероятно, что шесть карт, изготовленных по их желанию, не походили на общепринятые оригиналы.

Теперь, после необходимого экскурса, речь снова пойдет о событиях 1518 года в гавани Севильи. Обещанный поток дукатов течет лишь тонкой струйкой, постепенно иссякая в бесчисленных конторах Каса де Контратасьон. Не обошлось без того, что Магеллан то и дело беспокоит короля своими жалобами. Часть той переписки сохранилась. Из нее ясно, что на нарочных и на устранения осложнений в «колониальном ведомстве» пришлось израсходовать вместе с государственными затратами 45 000 мараведи. Такое положение тяготит и удручает, но по сравнению с этим особенно опасными кажутся происки португальского консула Себастьяна Алвариша. Подобно змее, изворачивается он между группами, представляющими различные интересы, использует деловые связи, свои деньги и изменчивые чувства тех, кому не в состоянии наблюдать успех «португальского высколки». 22 октября станет большим днем его оплаченных и добровольных марионеток.

Началось в предрассветные сумерки. Во время отлива «Три니다д» вытащили на сушу и накренили, чтобы привести в порядок днище. Магеллан, желающий собственными глазами увидеть состояние обшивки, находится в гавани. Как только восходит солнце, на четырех других кораблях поднимают флаги. Сегодня это только те, на которых изображен герб главнокомандующего флота, значит, Магеллана. Они развеваются на форстеньгах. А развевающиеся обычно на главных мачтах королевские штандарты недавно отданы художнику, он должен освежить их раскраску. То, что они отсутствуют, подтолкнуло шайку бездельников к бунту. Флаг Португалии вьется там над шпилями, горячатся зеваки на пристани, нужно немедленно сорвать эти позорные лоскуты. В толпе разжигает патриотический огонь, как пишет позже Магеллан королю, "un caballero del Rey de Portugal". Бесспорно, он имеет в виду Алвариша и прямо намекает на его ставленника - управителя порта. Тот, не согласовывая с капитаном, приказывает разъяренным людям завладеть флагами. Магеллан и его команды решительно воспротивились, но чиновник не желает понять, что превысил свои полномочия. И только благодаря случаю уже обнаженные шпаги решительными руками вновь вложены в ножны. Появляется Санчо Матьенсо - один из руководителей Каса де Контратасьон. Ему, рискуя жизнью, удалось подавить мятеж, но цена слишком высока. Пристыженно вынужден Магеллан спустить знамена со своим гербом.

Матьенсо тем самым оказал ему одну из тех услуг, которые порой оказываются некстати. Ибо речь идет о гордости, а гордость Магеллана, как известно, ничуть не менее уязвима, чем у любого заносчивого испанского гранда. И приятно слышать, что он остался благодарен и предан свидетелю своего поражения: в завещании Магеллан называет Санчо Матьенсо своим душеприказчиком.

Король Карл, уже отчасти знакомый с ненавистью своих подданных к чужакам, обеспечил обиженному удовлетворение, но и его скоро начинает мучить некоторое недоверие. Мало было доверия, и мало было денег. Намерение короля отправить флот к концу года - пустая иллюзия. Наступает хмурая зима. Иногда, кажется, что только два человека продолжают интересоваться судьбой армады: Магеллан и его противник Себастьян Алвариш. Из сообщения, которое консул в июле составил для короля Мануэла, ясно видно, как неутомимо и ловко осуществляет он свою миссию. Еще раз проникает он к будущему генерал-капитану и уговаривает во имя процветания его отечества отказаться от предприятия. Вопрос Магеллана о полномочиях Алвариша он, видно, так до конца и не понял, равно как и ироническое замечание, что, если он вернется в Португалию, это не потребует даже особого вознаграждения - он удовлетворится семью локтями серого полотна да несколькими чернильными орешками. Однако серьезней надо было бы отнестись к тому, что, кроме того, поведал Алвариш. Магеллан не должен верить сладкоречивым словам епископа Бургосского, которыми тот его осыпает; среди тех, кто будет сопровождать Магеллана, много желающих разделаться с ним - как бы это не стало роковым для его чести.

Этой чести много вреда причинил Себастьян Алвариш, и уже упущен момент, чтобы просто отвести подозрение, которое пробудило его сообщение португальскому королю. В нем консул утверждает, что Магеллан заколебался и просил якобы гарантий. Действительно, положение Магеллана в июле 1519 года было незавидным, но и не таким плачевным, чтобы снова отдаться на милость короля Мануэла. Ясно, что Алвариш лгал, когда описывал состояние кораблей, так как они прекрасно оправдали себя в деле. Это был изощренный интриган. А манера, в какой он обрисовывает, что только из-за недостаточных полномочий его усилия не имели успеха, допускает определенные выводы. Кроме того, потом события стали развиваться в ином направлении. Это выразилось в словах, которые мы также находим в письме Алвариша: «Я человек чести. Я буду следовать путем, который выбрал». Вот ответ Магеллана.

Но есть и коечто отрадное. В феврале 1519 года Беатрис Барбоза де Магеллан дарит мужу сына. Он получает имя Родриго. Одновременно с его крещением появляется просвет в том финансовом тупике, в котором до сих пор находилась армада. 10 марта Карл I уполномочил епископа Бургосского допустить к оснащению флотилии заинтересованных купцов. За это они получают не только прибыль от дохода первого плавания на Молуккские острова, но и возможность принять участие на

точно таких же условиях в трех следующих плаваниях. Фонсека поручает провести соответствующие переговоры Кристобалью де Аро и Алонсо Гутьерресу. Первый заботится о привлечении в долю крупных финансистов, второй - финансистов помельче. Их усилия достаточно успешны, чтобы король отдал приказ об отплытии «армады на Молукки» в мае.

Но купцам нужно время. Они осмотрительно, по наиболее выгодным ценам выбирают изделия из железа, военное и рыболовное снаряжение - в Стране Басков, навигационные инструменты - в Кадисе. Своятся тюки, мешки, слитки, товары для обмена и безделушки, которые как по мановению волшебной палочки должны будут обернуться мускатом и гвоздикой. Натиск на острова Пряностей должен осуществляться с помощью ртути и немецких ножей самых дешевых сортов, с помощью слоновой кости и «колокольчиков трех разных видов», в то же время могут быть пущены в ход семьдесят одна пушка в случае, если повстречаются конкуренты или чрезмерно строптивые местные жители. Вооружение, тщательно подобранное для плавания, кажется, рассчитано и на встречу с португальцами. Например, в распоряжении о правилах поведения в плавании, отданном 8 мая, король опять указывал на то, чтобы корректно относиться к областям, подвластным Португалии. Одновременно он требует, чтобы всех посланцев короля Мануэла изгонять из «испанских» вод, а груз захватывать. И что бы там ни было, но армада уже вооружена: полевые орудия, фальконеты, бомбарды, даже три осадных орудия, арбалеты, аркебузы.

Трюмы кораблей до отказа забиты товарами и снаряжением, за которые выложено почти полмиллиона мараведи. Но где же команды? Некоторые уже назначенные кормчие не желают больше принимать участие в плавании. Каса де Контратасьон вынуждена их заставить. Продолжает все еще действовать изворотливый Алвариш или смелое предприятие отпугивает андалусских моряков? Это вполне возможно, но, кроме того, опытные моряки стали редкостью, с тех пор как захватнические походы в Новый Свет соблазнили многих. Так, например, конкистадор Грихальва и его солдаты в прошлом году должны были выложить кругленькую сумму из собственных карманов, чтобы найти на Кубе матросов, которые могли бы привести их корабли к «золотой стране» Юкатан. Что же может предложить по сравнению с этим армада? Четырехмесячное жалованье команде вперед за плавание, которое продлится два года - два года солонины и сухарей в морях, преимущественно неведомых, вдали от берегов, сулящих золото. В церквах поставлено достаточно свечей в память о тех, чьи останки гниют на Антилах и по всему побережью Карибского моря. Попасть туда, где перец растет, жаждут Кристобаль де Аро и ему подобные, простой же люд с набережных Севильи этого не желает.

Магеллан может кое-что посоветовать. Он знает многих португальцев, опытных мореходов, которые ходили в Индию, а потом перебрались по тем или иным причинам в Испанию и еще не нашли себе места службы.

В их окружении он любит находиться, поскольку это люди совсем иного склада нежели Картахена, Кесада и Мендоса - только трое этих испанских офицеров потянули за собой шлейф из восемнадцати слуг. Тогда королю донесли, что Магеллан окружает себя сговорчивыми людьми, своими соотечественниками. Монарх дает понять Каса де Контратасьон, что следует «ненавязчиво, но непреклонно» сократить число моряков из Португалии до пяти человек. Несмотря на это, в плавание отправляются почти сорок португальцев - когда в июле германские курфюрсты избрали короля Карла императором, он нашел себе дело поважнее, чем забота о командах армады.

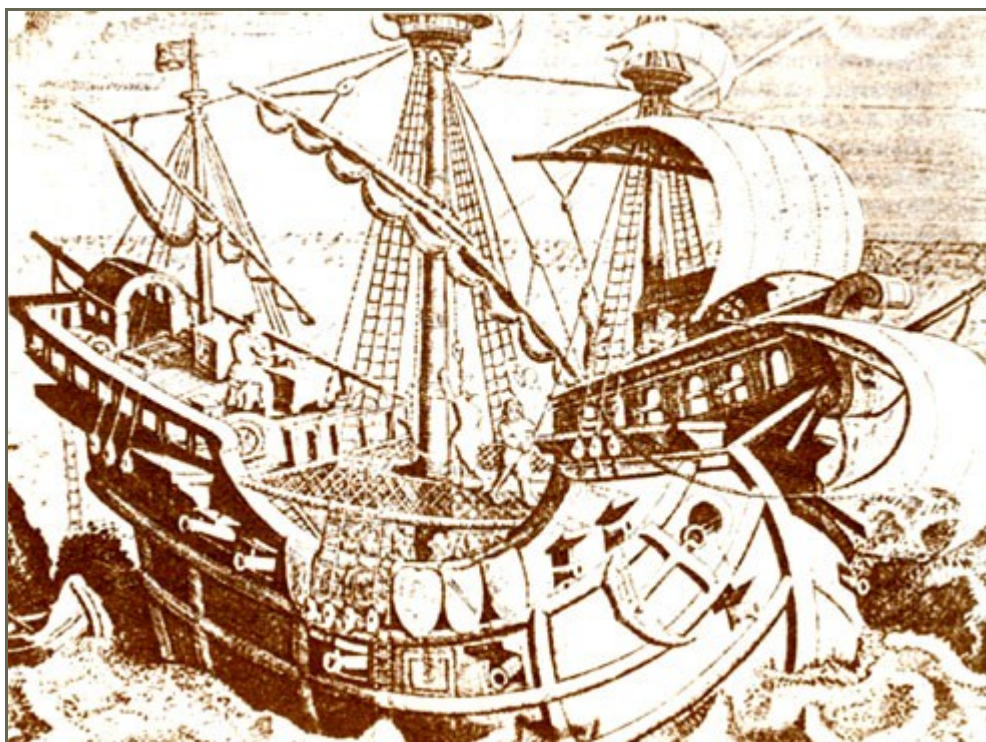
Однако же изнурительный спор с враждебно настроенными служащими и чванливыми знатными дворянами, попавшими благодаря поддержке при дворе на самые выгодные посты, затянулся надолго. Трое из этих аристократов уже названы: Хуан де Картахена, офицер дворцовой гвардии, теперь генеральный контролер флота, а позже капитан «Сан-Антонио»; Гаспар Кесада, состоявший вначале на службе у архиепископа севильского, теперь капитан «Консепсьона»; Луис де Мендоса, казначей и капитан «Виктории». Лишь Хуана Серрано, брата того самого Франшиску Сиррана, который слал с Молуккских островов такие вдохновляющие послания, может Магеллан считать своим приверженцем. Он командует маленьким «Сантьяго». Но он профессионал высокого класса. Когда он был еще португальским подданным и звался Жуан Сирран, то командовал одной из каравелл Алмейды, поэтому он принес предприятию и в хорошие, и в трудные дни больше пользы, чем эти трое, вместе взятые. Один из них, имеется в виду Мендоса, проявляет себя уже в Севилье таким несговорчивым и непокорным, что король вынужден вмешаться и потребовать, чтобы тот оказывал Магеллану подобающее уважение. Король-то догадывается, что подразумевал Алвариш, когда говорил о роковых последствиях для чести Магеллана.

К сожалению, события развиваются дальше. Руй Фалейру, чье имя ставилось довольно долго в многочисленных документах перед именем Магеллана, со временем упоминается только вскользь. В конце концов, он становится упрямым соперником, от которого можно ждать самых неожиданных выходов. И дело тут не только в их личных взаимоотношениях. Если Магеллан обладает хотя бы какой-то долей ловкости в обхождении со служащими и придворными, то у Фалейру она отсутствует полностью. Но многие хронисты, видно, все-таки преувеличивали, когда уверяли, будто бы он сошел с ума. Нет, он просто не может смириться, что его постоянно отодвигают на задний план, хотя видит и сознает такую неизбежность. Сначала ему не позволяют взять в плавание брата, затем он вынужден признать, что от него мало толку во время непосредственной подготовки к плаванью, и Магеллан постепенно отстраняет его от дел. Наконец, его самолюбию наносится самый ощутимый удар: король назначает генерал-капитаном и главнокомандующим Магеллана. Собственно, иначе быть и не могло. И хотя Фалейру поручено командование самым большим кораблем, «Сан-

Антонио», он не готов следовать в чужом кильватере. Так возникает договор, по существу просто компромиссный. Фалейру обещают, что следующую эскадру на Молукки поведет он. Его место занимает Андрес де Сан-Мартин - главный кормчий империи, Хуан де Картахена получает «Сан-Антонио».

На этом наш интерес к Фалейру может быть исчерпан. Обманутый в своих надеждах, он возвращается в Португалию, где его бросают в тюрьму, и лишь через десять месяцев он снова обретает свободу. В 1523 году он вторично предлагает Карлу свои услуги и просит изыскать возможность выплатить ему однажды обещанное денежное пособие. Как явствует из дальнейшего, и та, и другая просьба была отклонена. Самое ценное, чем он обладал, было уже получено: его таинственный и ложный способ определения географической долготы, переданный им Андресу де Сан-Мартину и Магеллану перед отплытием армады.

Из-за отказа Фалейру генерал-капитан попал в затруднительное положение. Теперь, по крайней мере, Каса де Контратасьон и епископ Фонсека прочат Картахену в качестве нового партнера в долевом участии, неприкрыто облекая его соответствующими правами. Это делается по вполне понятным причинам, и у Магеллана есть веские основания переждать сложившуюся неопределенную ситуацию. В море, далеко от королевского двора и «колониального ведомства», он хочет заставить Картахену подчиняться.

Корабль из флота Магеллана. Изображение 1523 года

В июле армада почти готова к отплытию. Как сообщает Алвариш, осуществляется подготовка еще одной экспедиции на Молукки, но другим путем. Капитан по имени Андрес Ниньо должен направиться с двумя кораблями, на которых везутся материалы для постройки еще

трех судов к Панамскому перешейку. Заготовленные шпангоуты, доски вместе с необходимым такелажем намереваются доставить на мулах к Тихоокеанскому побережью континента и там собрать корабли. Затем Хиль Гонсалес Давила возглавит флотилию и двинется через Южное море к островам Пряностей. Помимо этого, оснащается третий флот, который проследует курсом, проложенным Магелланом. «Все это - дело рук Кристобаля де Аро», - уверяет португальский консул.

Настало время окончательно заполнить судовые роли - документ, перечисляющий членов команд с указанием всех сведений о них. В судовых ролях значатся после отплытия из Сан-лукара двести шестьдесят пять человек. Среди них тридцать семь португальцев, двадцать шесть итальянцев, десять французов, три фламандца, два грека, два немца, один англичанин. Оба немца вначале были завербованы как канониры «Сан-Антонио» и «Консепсьона». Только один из них снова увидит Европу. Первый, по имени Хорхе Алеман, умрет во время плавания, второй - Ганс Алеман, прозванный Ганс Варге или «маэстре Ансе», относится к тем, кто на «Тринидаде» остался в живых. По возвращении он умер в лиссабонской тюрьме. Это первый немец, обогнувший земной шар.

Еще одна, по другим причинам достойная внимания личность - Антонио Ломбардо, собресальенте на «Тринидаде». Так зовут в Испании итальянца, родившегося в Виченце, больше известного под именем Антонио Пигафетты (1491 - ок. 1535). Рыцарь ордена иоаннитов²¹ прибыл с папским посольством к королевскому двору, находящемуся в данный момент в Барселоне, и там узнал о готовящемся предприятии. Недолго думая он решил принять в нем участие, чтобы «воочию увидеть и описать неве роятные и ужасные события, происходящие в океане... быть может, благодаря этому потомки не забудут мое имя». Да, так и случилось. Несмотря на то что путевым заметкам Антонио Пигафетты отчасти присуща приверженность ко всякого рода фантастическим происшествиям и рассказам из «вторых рук», все-таки они тщательно зафиксированное и одновременно наиболее полное свидетельство о ходе первого кругосветного плавания. Например, он настолько досконально и точно описывает раскраску лица патагонских «великанов», что позже удалось установить, к какому племени они принадлежали. Составленный им список слов - первый словарь в эпоху Великих географических открытий; его интерес к образу жизни чужих народов неиссякаем.

Именно поэтому Антонио Пигафетте как хронисту мы отдадим предпочтение. События, здесь описанные, вплоть до таких деталей, как порядок приемов у дальневосточных владык, их одежда, убранство и утварь жилищ, описания высадок на берег и разных церемоний, происшествий на кораблях, - все соответствует изображенному Пигафеттой. При этом обнаруживаются незначительные отличия от публикаций, появившихся в последние годы, например Хорста Венцеля и Герберта Вотте. Это объясняется тем, что в основу данного

повествования автор положил свой перевод копии труда Пигафетты, которую он обнаружил в Йельском университете, где она хранится и поныне. Упомянутые же писатели пользовались изложением заметок, сделанным Оскаром Кёлликером в 1908 году. К сожалению, сама рукопись была утеряна, поэтому сегодня, если в публикациях предоставляется слово любознательному рыцарю ордена иоаннитов, приходится обращаться к одной из четырех уцелевших копий.

10 августа 1519 года в церкви Санта-Мария-де-ла-Виктория-де-Триана освящаются знамена армады. Всего лишь днем раньше Магеллан предстал перед хранителями Каса де Контратасьон с объяснениями, ибо он завербовал непозволительно много португальцев и других иностранцев. Но сейчас слишком поздно вносить какие-либо изменения. Он уже стоит на коленях перед ликом богоматери; служители церкви помахивают кадилами, огонь свечей отбрасывает блики на королевские штандарты, которые ему протягивают. После того как генерал-капитан поклялся королю и императору в повиновении, приносят присягу на верность подчиненные Магеллана. Глухо звучат голоса Хуана де Картахены и Дуарти Барбозы, Антонио Пигафетты и Ганса Алемана, Луиса де Мендосы и Гонсало Гомеса де Эспиносы. Немного, немного знают они друг о друге: один из них перережет другому горло, второй будет оставлен, несмотря на мольбы, на чужом берегу, третий истечет кровью на далеких островах. Среди тех, кто сейчас произносит слова присяги, находится также человек, которому суждено завершить дело коленопреклоненного, - Хуан Себастьян де Элькано, баск, спасающийся от испанского правосудия, так как он продал испанский корабль за границу. Мало, мало знают они друг друга.

К стране Патагония

Обходиться с людьми такое же великое искусство, как управлять кораблями. И те и другие, и люди и корабли, одинаково подвластны коварным и могучим силам и больше кичатся своими достоинствами, нежели желают признать свои ошибки.

Джозеф Конрад

Сразу после освящения знамен армады на пяти кораблях поставлены бизань-паруса, и флот, салютуя бортовыми орудиями, отдается на волю течения Гвадалквивира. Речные лоцманы доводят суда до Санлукар-де-Баррамеды, гавани, лежащей перед Севильей, где команды дождутся благоприятного ветра и завершат последние приготовления к отплытию. К ним относится соглашение, заключенное Магелланом с его офицерами и рассчитанное на будущее. Антонио Пигафетта в точности его зафиксировал и рассказал к тому же о сложной ситуации, возникшей среди участников плавания, не успело оно начаться:

«Генерал-капитан, человек умный, опытный и заботящийся о своей репутации, начал предприятие с того, что объявил четкие и удобные правила, что было установившейся традицией среди тех, кто отправляется в море. Правда, он раскрыл товарищам ход предполагаемого плавания... далеко не полностью, чтобы отчаяние и страх не были причиной отказа от повиновения ему. Ибо плавание, каким оно ему представлялось, продлится долго, и неистовые штормы не раз обрушатся на флотилию.

Но кормчие и капитаны других кораблей, которые должны были сопровождать Магеллана, его не любили. Причина того осталась для меня сокрытой, но можно предположить, что всему виной его португальское происхождение. Они же сами были испанцы или кастильцы - значит, люди, относящиеся к другим зачастую недоброжелательно и злобно. Тем не менее, они должны были ему безоговорочно повиноваться, и он издал следующие приказы, чтобы в море, где днем и ночью таятся всяческие опасности, корабли не потеряли друг друга из виду».

Затем Пигафетта сообщает, какими световыми сигналами нужно обмениваться, когда следует ставить паруса или убрать паруса, какими знаками необходимо пользоваться в случае различных происшествий. Одно основное правило подчеркивается особо: что бы ни случилось, остальные корабли должны следовать за «Тринидадом», на котором находится Магеллан. Генерал-капитан разделил команды кораблей на три вахты, которые подчиняются несущим в данное время службу капитанам, кормчим, боцманам и шкиперам.

Для уяснения принятых в те времена рангов подчиненности на кораблях вкратце их охарактеризуем. Высшая командная власть на корабле принадлежала капитану (*capitan*). Наряду с ним, подчиняясь капитану, приказы на судне отдавали офицер по навигации - кормчий (*piloto*) и главный офицер по палубе - шкипер (*maestre*). Вместе с боцманом (*contra maestre*) шкипер осуществлял практическое управление судном, то есть все манипуляции с парусами и другую работу, необходимую для приведения в движение кораблей и проявления их мореходных качеств. Боцману подчинялся боцманмат (*poschiero*), само его название говорит о том, что он нес за боцмана нелюбимые ночные вахты. Разумеется, что все упомянутые лица отвечали во время всей вахты за все происходящее на корабле, поэтому, конечно, шкипера на помощь не звали, когда, например, необходимо было зарифить или поставить паруса. Столь же неверным будет представление, будто бы капитан давал указания, какие следует принимать меры по каждому отдельному поводу, или участвовал в определении местоположения судна или открытой земли. В отличие от нашего времени, когда ранг капитана, как правило, венчает карьеру моряка, капитаны времен Магеллана назначались по другим соображениям. Они должны были блюсти определенные деловые

интересы, или быть заслуженными офицерами армии, или просто людьми, которым обеспечены прибыльные посты.

24 августа, во время стоянки в Санлукаре, Магеллан улучшает момент для составления другого «превосходного правила», к которому прибегали все тогдашние путешественники: в нотариальной конторе в Севилье он диктует свое завещание. Это - последняя воля глубоко набожного человека. Озабоченный тем, чтобы его останки были упокоены в освященном месте, он подробно перечисляет церемонии, которыми должно сопровождаться его погребение. Он предписывает накормить пятнадцать нищих и одеть трех бедняков, жертвует золотые и серебряные дукаты на спасение душ грешников, на монастыри, приюты, орден крестоносцев и на выкуп христиан, томящихся в турецком плену. Потом перечисляются суммы в пользу его пажа Кристобала Рабело и раба Энрике, который со смертью своего господина должен стать свободным человеком, «поскольку он христианин и может помолиться за упокой моей души». Все титулы, дарованные ему императором, все недвижимое имущество и доля от будущих прибылей, а также его нынешние поместья и доходы наследует сын Родриго, ему, как сказано в завещании, сейчас полгода.

Если Родриго безвременно умрет, все наследство переходит к ребенку, которым теперь беременна Беатрис Барбоза де Магеллан. Магеллан скрупулезно перечисляет все, какие только возможно, случаи смерти, называет своими наследниками поочередно жену, брата, сестру и требует, чтобы они сохранили его имя и его герб. Упомянуто и приданое Беатрис, находящееся в ведении другого нотариуса. Им предоставлено распорядиться Беатрис по собственному усмотрению, будь она вдова или вторично замужем.

Но заботы эти напрасны. Родриго умирает в 1521 году, второй ребенок появляется на свет мертвым, и Беатрис проживет только до марта 1522 года. Император нарушает и обещания, и договоры; ни одно из пожеланий Магеллана не будет исполнено.

В церкви Нуэстра-Сеньора-де-Баррамеда вымаливают тем временем поддержку всевышнего те, кто на этом свете имеет значительно меньше для включения в завещание. В судебные роли внесены имена еще двадцати пяти человек. Двести шестьдесят пять раз выслушивают священники покаяние в грехах мужчин и подлых, и благородных. Они узнают о мстительности и враждебности, насилии и злобе. Все это так и отправится вместе с ними в плавание. Ни одно отпущение грехов не в состоянии предотвратить того, что многие из них в ближайшем будущем пойдут на борту врукопашную, чтобы завладеть тощими крысами, или будут бездейственно смотреть, как их спутников убивают на берегу, словно бешеных псов. И точно так же многие проявят себя в ходе плавания в такой мере великодушными, мужественными и смелыми, что тем, кто прозябает свой век, это покажется невероятным. Противоречивым и единым устремлениям этих негодяев и героев мы

обязаны тем, что через несколько лет мир облетит «величайшая со дня сотворения человека новость».

Великое приключение начинается 20 сентября. Легкий ветер выносит армаду в море, называемое пока Северным, или Морем-Океаном. Через шесть дней флот достигает Канарских островов. Три или четыре дня проводят команды в Санта-Крус-де-Тенерифе. Доставляют на борт различный груз, заготовленный выслан ным сюда заранее купцом. Потом двинулись к Пунта-Роха на юге острова Тенерифе, где флот запасается смолой. «Конопатчики» применяют ее в большом количестве для заделывания швов между досками палубы, высыхающими в тропической жаре. Именно тогда Магеллан получает весть от тестя. Дьогу Барбоза сообщает, что тот должен быть начеку и опасаться испанских капитанов. Они похвалялись в кругу друзей, что убьют генерал-капитана, как только дело дойдет до ссоры. Ответ Магеллана не очень показателен и явно рассчитан для предъявления кому-либо еще, кроме тестя. Он будет выполнять свою миссию, пишет Магеллан, как покорный слуга императора, которому, в конце концов, поклялись в преданности и другие капитаны.

В ночь на 3 октября корабли покидают Тенерифе. Вместо рекомендованного юго-западного курса генерал-капитан скоро велит повернуть на юго-юго-запад, и нельзя назвать несправедливым желание Хуана де Картахены, чтобы Магеллан объяснил свои действия. На самом же деле наиболее удобный маршрут для парусных судов в Бразилию в это время года пролегает к западу от островов Зеленого Мыса; теперешний курс доставит флоту много неприятностей. Возможно, стремясь разоблачить своих противников, Магеллан реагирует весьма резко: Картахена не должен задавать вопросы, а днем следовать за его флагом, ночью за светом его кормового фонаря, отвечает он властно. Погода и Картахена не замедлят ему отплатить.

Антонио Пигафетта пишет о бедственных штормах, при которых необходимо было немедленно убирать паруса, так как каравеллы так нещадно кренило, что их грот-реи касались воды. Сообщает он и о хмурых дождливых днях без единого дунове ния ветерка. Во время штиля матросы охотились на акул, которые в здешних водах встречаются в изобилии. «Но крупные акулы - это не то, чем можно вкусно отобедать, да и маленькие едва-едва приемлемы». Хронист рассказывает также об отчаянии, охватывающем матросов в ураганные ночи:

«В те штормовые ночи мы много раз видели святого Эльма. Однажды, когда была особенно плохая погода, святой в образе горящего факела находился близко почти всю ночь. Он опустился на верхушку грот-мачты и оставался там более двух с половиной часов. Это успокоило нас, ибо мы доселе в слезах ожидали смерти. Прежде чем святой огонь иссяк, он ударил нам в глаза с такой силой, что мы более четверти часа слонялись, как слепые, вымаливая милосердия, поскольку теперь уже никто не верил, что этот шторм их поглотит. Ведь общеизвестно, что,

если тот огонь, внутри которого и находится упомянутый святой Эльм, появляется над кораблем и опускается на него... корабль никогда не терпит крушение».

Те, кто связывал грозные разряды атмосферного электричества с верой в чудеса, еще не скоро разочаровались: даже мореплаватели прошлого столетия разделяли подобные суеверия.

К концу месяца начались другие происшествия. В армаде было заведено, что остальные корабли ежедневно приближались к «Тринидаду» на расстояние, позволяющее слышать друг друга. Тогда капитаны докладывали о достойных внимания событиях дня или получали необходимые указания. Причем капитанам следовало обращаться вначале с предписанным приветствием: «Слава богу, господин генерал-капитан и начальник - доброго пути». Картахена, однако, изменяет церемонию. Однажды матрос с «Сан-Антонио» выкрикивает слова приветствия, но не по принятой форме, а называя Магеллана просто капитаном. Когда тот потребовал приветствовать его надлежащим образом, Картахена возразил, что позволил обратиться к нему лучшему члену команды, впоследствии он может выбрать для этой цели даже пажа.

Магеллану не остается ничего другого, как выждать время для возмездия; в ближайшие дни его противник вообще отказался от проявления каких бы то ни было знаков уважения. Подходящий момент наступает, когда назначается некий судебный совет и все капитаны должны собраться на «Тринидаде». Как можно было предвидеть, совет становится ареной ожесточенного спора. Но Картахене не дают возможности высказать свои претензии. Магеллан хватает его со словами: «Вы мой пленник!» И хотя Картахена открыто призывает собравшихся помочь ему и арестовать генерал-капитана, не находится никого, кто готов был бы это сделать. Так первый мятежник армады без долгих проволочек был взят да растянут на козлах и освобожден из этого постыдного положения только после того, как за него поручился Луис де Мендоса. Поскольку Мендоса заверяет, что будет держать Картахену на «Виктории» под арестом, Магеллан освобождает противника. Его великодушие останется безответным. Решение назначить главного счетовода Антонио де Косу новым капитаном «Сан-Антонио» тоже кажется сомнительным. У Магеллана скоро возникнет много причин не доверять ему; насколько обоснованно это недоверие, будет продемонстрировано в бухте Сан-Хулиан. Возможно, назначением де Косы он хочет показать стану противников, что им нечего беспокоиться за свои командные посты, пока авторитет генерал-капитана остается неприкосновенным.

А корректные взаимоотношения необходимы, ведь предстоит очень сложный переход. Попав в океане в область на границе пассатов, где царит безветренная, но грозная погода, корабли дрейфуют с почти полностью обвисшими парусами. Потом на них снова обрушиваются такие неистовые штормы и смерчи, что моряки уже несколько раз готовы

были обрубить мачты. Дневной рацион пищи сокращается до полутора фунтов сухарей и двух литров воды; отчаяние охватывает людей на палубе. А не правда ли то, о чем перешептывались в севильских тавернах, будто Руй Фалейру не принял участие в плавании потому, что звезды предсказали ему плохой конец? Не высланы ли в самом деле две португальские эскадры, чтобы потопить их в этом бесконечном море, словно слепых котят? Могут ли они доверять генерал-капитану, если этого не делают их непосредственные начальники?

Только когда пересекли экватор, юго-восточный пассат и попутные течения понесли армаду к стране, открытой в 1500 году испанцем Висенте Яньесом Пинсоном, - к Бразилии. Последователь Пинсона Педру Алвариш Кабрал присвоил ей имя Терра-Ди-Санта-Крус - Земля Святого Креста, - но это название не прижилось. Ибо бразильское дерево, которое там валили, в равной степени высоко ценилось и красильщиками, и кожевниками и для многих людей было не менее притягательно, чем крест Спасителя. Наконец 29 ноября завидели землю в районе мыса Сан-Агуштињу. Две недели корабли следуют вдоль береговой линии, потом, 13 декабря, достигают бухты с возвышающейся над ней горой причудливой формы. А поскольку сегодня день святой Люсии, она получает название Санта-Люсия - ныне там раскинулся Рио-де-Жанейро.

Это знаменательный день для Жуана Лопиша Карвальу, кормчего «Консепсьона», прожившего в Бразилии четыре года, и для его сына, матью которого была индианка. Пигафетта часто и подробно его расспрашивал и узнал многое, более характерное лично для него и его современников, чем для страны Бразилия:

«Люди здесь не христиане и истинно вообще не молятся. Вместо этого они повинуются природным инстинктам, как дикие звери. Кое-кому из здешних людей уже сто, быть может, даже сто двадцать - сто сорок лет или больше, ходят они всюду обнаженные, что мужчины, что женщины. Живут в длинных хижинах, называемых ими „боии“, спят в хлопчатобумажных сетях, которые на их языке называются „амаке"».

Жизнь бразильских индейцев в представлении европейцев. Французская гравюра по дереву 1551 год

Удивительно, что моряки до сих пор не обратили внимания, как могут им быть полезны эти «висячие матрасы». Очевидно, они были заняты совсем другим, так как хронист замечает: «За топор или нож они предлагали нам одну или двух своих дочерей в качестве рабынь, однако, собственных жен они не отдадут ни за что на свете». Магеллан запрещает непристойную торговлю: во-первых, он опасается за запасы обменного фонда, во-вторых, флот находится сейчас в областях, подвластных Португалии.

Европейцы появились здесь одновременно с сулящими хороший урожай дождями, сменившими длительную засуху, поэтому индейцы встречают их как вестников благоденствия. Заготовители провианта торгуют большим количеством бататов, ананасов, мяса тапиров и молочных поросят. За двух гусей отдают гребень, за корзину рыбы, которой в состоянии насытиться десять человек, - маленькое зеркало или ножницы. И Пигафетта не преминул ликующе заявить, что выменял на игральную карту пять кур, причем его товарищи по торговле считают, что они его превзошли. Рождественские праздники тоже проводят у подножия причудливой горы, и свободного времени хватает для изображения всех и всяческих диковин. Пигафетта описывает мужчин, их фартуки из оперения попугаев, украшения из каменных палочек, которые они продевают в сделанные в нижней губе дырочки, их каноэ, где могут разместиться тридцать - сорок человек и которые продвигаются с помощью весел, похожих на лопату. Когда они

отправляются бродить по округе, то берут с собой лук и стрелы, их сопровождают жены, которые, согнувшись под тяжестью детей, привязанных к спине, и дорожной поклажи, шагают позади. Сообщается, что все местные жители поголовно - каннибалы. Но это происходит не потому, что они высоко ценят мясо врагов, а «в угоду традиции». Каждый день, так заверяет Карвальу легковерного Пигафетту, они будто бы берут по куску мяса от тела убитого и съедают его вместе с обычной пищей, дабы никогда не забывать о врагах. Если он хочет сказать, что такие приемы пищи имеют ритуальное значение, то весьма близок к истине.

Бразильские индейцы (по Ратцелю)

Андрес де Сан-Мартин, первый кормчий армады, между тем старается определить их местоположение. 17 декабря он наблюдает Юпитер и Луну, находящиеся в этот день в положении соединения - на одном и том же градусе долготы. А так как немецкий астрономический календарь Региомонтана (Иоганн Мюллер, 1436-1476) указывает, когда это явление должно произойти на меридиане Севильи, Сан-Мартин надеется с его помощью вычислить географическую долготу. Однако результат оказывается неприемлемым, и кормчий полагает, что виноват календарь. Но причина заключается в нем самом, поскольку он не может точно определить время в момент наблюдения. Однако несравненно более удовлетворительными оказываются его вычисления географической широты бухты Санта-Люсия: $23^{\circ}45'$ южной широты, что превышает фактическую цифру приблизительно на сорок пять минут.

На берегу бухты заключаются выгодные торговые сделки и проводятся научные изыскания. Магеллан из-за каких-то разногласий смещает Антонио де Косу с поста, на который он был только-только назначен, и провозглашает своего племянника Алвару ди Мишкиту капитаном «Сан-Антонио». С другими грешниками он поступает более сурово: шкипера «Виктории» казнят, ибо он сотворил такое, о чем некогда ходили сплетни про жителей Содомы.

27 декабря флот поворачивает на юг. Трюмы для провизии заполнены, корабли приведены в порядок, так что все находятся в прекрасном расположении духа, хоть близкое побережье требует повышенного внимания и непрерывного промера глубин. Через две недели, 10 января 1520 года, впередсмотрящие увидели силуэты трех гор, принятых поначалу за остров. Жуан Лопиш Карвальу знает лучше,

что это такое - мыс Санта-Мария, что неподалеку от Рио-де-Солис. Именно здесь, так считают многие, начинается пролив, ведущий в море, омывающее Молуккские острова.

«Эта местность ранее получила название мыс Санта-Мария, и считалось, что отсюда можно попасть в Южное море, но далее отсюда никто не проникал. Ничего не сообщается о том, огибали ли какие-либо корабли эти предгорья и следовали ли дальше. Как теперь стало известно, это не окончечность суши [подобно южному мысу Африки], а река, которая в месте впадения в океан достигает семнадцати лиг ширины. Люди, названные каннибалами, съели здесь испанского капитана Хуана де Солиса и шестьдесят его людей, когда он, как мы, отправился на открытие чужих земель и им [местным жителям] столь опрометчиво доверял».

Этот могучий поток известен под названием Рио-де-Ла-Плата. Когда Пигафетта записывает приведенное высказывание, он предугадывает, пожалуй, больше, чем почти все его современники. У мыса Санта-Мария его генерал-капитан тоже ни в коей мере не уверен, что по ту сторону Рио-де-Солиса находится пролив, который приведет к островам Пряностей. Вопреки советам кормчих Магеллан вводит корабли в устье и продвигается до тех пор, пока люди у лотов вот уже не первый раз сообщают, что глубина не менее трех саженьей. Наконец он высылает два самых маленьких корабля на северо-запад, а сам в сопровождении еще одного корабля поворачивает на юг. Полный надежды, он велит черпать воду, но вода неизменно пресная, и скоро он достигает южного берега. Команды, отправившиеся на исследование вверх по течению, вернулись с аналогичными новостями. Все изображения на прекрасных картах Атлантики, соединяющейся здесь с Южным морем, - просто мечты. Никто нам не сообщает, как воспринял Магеллан это открытие. Судя по всему, он относится к тем незаурядным людям, для которых препятствия и превратности судьбы - только предвестники успеха. И, тем не менее, он сейчас, должно быть, испытывал сомнения. Ведь теперь, и это главное, его попутчики догадываются, что он знает о своем загадочном проливе не более чем они.

Как выясняется, окрестности Рио-де-Солиса по-прежнему населены. Наученные горькой судьбой предшественников, испанцы решаются сойти на берег только большими отрядами в полном вооружении. Это объясняет, почему им ни разу, несмотря на многочисленные попытки, не удалось захватить местных жителей. К тому же очень рослые, одетые в шкуры «мужчины из племени каннибалов» были хорошими бегунами. «У этих людей шаг не уступает нашему прыжку». Но однажды один из них, движимый любопытством и отвагой, приплыл в лодке к флагманскому кораблю. Пигафетта записал, что «он был огромного роста, а голос его сродни буйволиному». Все-таки среди обменного фонда для него нашлось две подходящие рубахи. Потом Магеллан демонстрирует пришельцу серебряную посуду; к вящей радости, «великан» уверяет, что этого металла здесь сколько угодно. Больше на корабль он не

возвращается, и, таким образом, надежды, им разбуженные, скоро угасают. Только Пигафетта продолжает беззаботно сочинять про семь островов реки, где сокрыты ее величайшие драгоценные камни.

Армада пребывает в бухте Ла-Плата до 3 февраля, затем опять следует вдоль побережья на юг. Множатся неполадки: на «Сан-Антонио» обнаружили течь, плотникам понадобилось два дня, чтобы ее заделать; гибельных штормов избежали только благодаря совместной помощи «святого Эльма, святого Николая и святой Клары». Через день корабли оказались среди рифов. «Виктория» несколько раз садилась на них, но всякий раз легко освобождалась. Магеллан решает пока держаться подальше от этой земли. Лишь с началом последней недели февраля он распорядился плыть на запад. Это весьма примечательно, так как такой курс приведет его напрямик к заливу Сан-Матиас, к бухте, очень похожей на бухту Ла-Платы. Конечно, нет ничего удивительного, что одно из свидетельств того плавания, приписываемое итальянскому кормчему Джованни Батиста Пунцаролю (Понсурону?) или его соотечественнику Леоне Панкальдо, сообщает о поисках пролива и здесь. Целый день пытаются обнаружить проход, но в результате приходят к выводу, что бухта не имеет выхода на запад. Генерал-капитан опять взял курс на юг - быть может, прав Иоганн Шёнер, изобразивший пролив на сорок пятом градусе широты.

Баия-де-лос-Патос - Утиная бухта - называет Магеллан следующее открытие, к которому флот приблизился 27 февраля; франсиско Альбо в вахтенном журнале говорит о Баия-де-лос-Лобос-Маринос - о бухте Морских Волков. Так мы впервые слышим о патагонских южных котиках. На двух островах, лежащих перед побережьем, их огромное количество, но моряки очень редко решаются приблизиться к ним, а Пигафетта с опаской замечает: «Если бы эти звери могли бегать, они были бы ужасно страшны и опасны». Пингвинов, именно там впервые увиденных, он, напротив, ласково называет «гусьятами»:

«Великое множество гусят там не поддается исчислению - мы за полчаса загрузили ими все корабли. Те гусята - черные, и у них по всему телу перья одинаковой длины и качества. Летать они не могут и кормятся рыбой. Они были такие жирные, что мы их не ощипывали, а свеживали».

Охота на пингвинов. Рисунок из мастерской де Бри (1601)

Естественно, первая охотничья вылазка протекала не совсем так безобидно, как ее описывает итальянец. Магеллан послал шестерых матросов на один из островов, где они должны были запастись дровами и пресной водой. Они не нашли там ни того, ни другого и забили несколько дюжин пингвинов, тела которых самым необычным образом спасли им жизнь. Разразившийся шторм воспрепятствовал их возвращению, поэтому им пришлось провести ночь на острове, изнывая от жгучего холода и в постоянном страхе перед «морскими волками». На следующее утро их товарищи нашли сначала только пустую лодку и решили, что их постигла неудача. Но тут они заметили кучу мертвых пингвинов, под ней, довольно сносно защищенные, но все-таки почти замерзшие, лежали пропавшие.

Все более жестокие по мере продвижения на юг холода и все чаще обрушивающиеся штормы предвещают начало патагонской зимы. Стоит март. На некотором отдалении от берега граница льда, приносимого течением, порой подступает к сороковому градусу широты. Магеллан ищет подходящую бухту, где флот мог бы перезимовать. Похоже, что такую нашли, но она оказывается западнею, в которой штормы держат флот целую неделю. Все это время существовала опасность разбиться о берег, и мореплаватели надеялись только на крепость якорных канатов. Опять пропадает экипаж одной лодки. Он, правда, не находит пингвинов и вынужден все то время, пока не стихнет ветер, питаться одними моллюсками. Видимо, лишь на третью неделю марта удастся вырваться из суровых объятий бухты Невзгод, носящей сегодня то же название - Баия-де-лос-Десвелос. Она находится на широте южнее 48 0 - призрачная мечта Иоганна Шёнера о южноамериканском проливе тоже развеялась.

К концу месяца вперед смотрящие наконец обнаружили подходящее место для якорной стоянки. Бухта, окруженная тальковой равниной со скудной растительностью, получает название Пуэрто-де-Сан-Хулиан. Она производит мрачное впечатление: гальковые осыпи, лагуны, берега которых покрыты соляной коркой, тощая трава да чахлые заросли колючих мимоз - вот что определяет окружающий ландшафт. Но в бухте много рыбы и птицы, а в реке, впадающей неподалеку в море, достаточно чистой питьевой воды, дрова тоже найдутся. 31 марта 1520 года, накануне вербного воскресенья, якоря врезаются в грунт. Весь следующий день Магеллан посвятил богослужению. Накануне святого праздника надо наставить на путь истинный непокорных, ибо, как сообщают путевые заметки, Магеллан вынужден наказать тех, кто противится его воле.

Почему же в командах роптание? Дневные рационы снова сокращены, холод, постоянный страх перед кораблекрушением, пустошь кругом - именно это побудило команды последовать за противниками Магеллана. Сейчас совершенно бесполезно напоминание генерал-капитана, что они должны хранить верность миссии, возложенной на них императором. Все золото и пряности, какие он им красноречиво обещает, их более не

привлекают. Вместо этого людей обуревают сколь наивное, столь и неослабное подозрение: португалец хочет их погубить, чтобы примириться со своим королем. Иначе зачем он два месяца кряду заставлял их выносить все тяготы и лишения областей океана, где они плыли, хотя кормчие знают про "volta do mar largo"²², маршрут через Атлантику, десятилетиями используемый моряками? Но вот они продвинулись на юг дальше, чем когда-либо проникали испанцы. Так почему же он не отпустит их назад, на родину, ведь совершенно ясно, что пролив оказался миражом? Ведь было решено плыть на Молуккские острова, а о снеге и льде не было и речи.

В вербное воскресенье противники генерал-капитана переходят к открытому неповиновению. Только приверженцы Магеллана Хуан Серрано и Алвару ди Мишкита приходят на мессу, остальные капитаны не покидают своих кораблей. Торжественный обед, который дает генерал-капитан на «Тринидаде», очень напоминает поминки дальнего родственника, когда никто не знает, как следует поступить дальше. Но сейчас растерянность очень рискованна, так как противники готовятся к действиям. Затишье длится только несколько часов. Ближайшей ночью Кесада, Картахена и Элькано с тридцатью присоединившимися к ним людьми захватывают «Сан-Антонио». Мишкиту заковывают в цепи, а растерявшийся экипаж разоружают. Шкипера, который призывает к сопротивлению, Кесада сбивает с ног и смертельно ранит. Теперь мятежники располагают тремя кораблями и сразу приступают к наведению своего порядка. Нескольких португальцев, вызывающих подозрение, заковывают в кандалы, готовят орудия к бою. Хуан Себастьян де Элькано руководит необходимыми приготовлениями, в то время как Антонио де Коса и его паж Луис дель Молино затевают то, без чего не обходится, пожалуй, ни один мятеж, - вскрывают трюмы с провизией; наконец-то более чем в достатке и мяса, и вина.

То была действительно штормовая ночь, ведь и на флагманском корабле, и на «Сантьяго» должны быть слышны пьяные крики: «В Испанию!» и «Да здравствует король!», которыми изменники сопровождают приготовления к бою. Но Магеллану мужества не занимать, он желает узнать, что произошло. В утренние сумерки 2 апреля посылается лодка к «Сан-Антонио», чтобы несколько матросов с него помогли доставить пресную воду. Лодку бунтовщики отсылают назад, и скоро от них приходят вести. Они ставят Магеллана в известность, что, отослав лодку, желают оградить себя от дальнейших посягательств на их права и свободу. Если генерал-капитан впредь согласен принимать все решения совместно с ними, то они снова станут его верными попутчиками и готовы оказывать ему всемерное уважение. Генерал-капитан тут же предлагает капитанам, поднявшим мятеж, прибыть на флагманское судно для переговоров по всем их жалобам. Само собой разумеется, что те отказываются. Дальнейший ход событий доказывает, что они не зря боятся Магеллана. Он мгновенно принимает единственно правильное решение: приказывает альгуасилу²³ флота Гомесу де Эспиноса и шестерым солдатам направиться на «Викторию» и

захватить ее, ведь это самое уязвимое судно у мятежников, ее кормчий прибыл с генерал-капитаном из Португалии, там может быть достаточно людей, поддерживающих Магеллана.

Под предлогом доставки сообщения Эспиноса ступает на борт каравеллы Мендосы и рьяно выполняет поставленную задачу. Через мгновение капитан Луис де Мендоса с перерезанным горлом истекает кровью на палубе своего корабля. Одновременно Дуарти Барбоза с пятнадцатью полностью вооруженными латниками берет «Викторию» на абордаж. Их оружие вряд ли было пущено в ход, так как возникла скорее суматоха, чем схватка. Экипаж принял участие в мятеже явно не по собственной воле и теперь дает захватить себя врасплох. Итак, три: два в пользу Магеллана. Он немедленно блокирует выход из бухты своими кораблями. Запертым в бухте предлагают сдаться, но безрезультатно. Остается только быть начеку и держать ловушку «на замке». Проходит день.

Тем временем бунтовщики на «Сан-Антонио» заняты не только обсуждением раздора с генерал-капитаном, но и славно поглощают винные припасы. Никто не заметил, как приливная волна вырвала якорь из грунта и корабль стало сносить к выходу из бухты. Незадолго до полуночи он оказался под прицелом пушек «Тринидада», и, прежде чем ошеломленный Кесада сумел мобилизовать для обороны людей, прогремел первый залп. Не менее неожиданным оказывается удар с другой стороны, когда команда с «Виктории» забрасывает на борт «Сан-Антонио» абордажные крючья. На клич: «За кого вы?» - чаще всего слышится ответ: «За короля и Магеллана». Небольшой отряд вокруг Кесады мгновенно разбит. Цирюльникам достается немного работы²⁴.

В сущности, те, кто отдал себя сейчас в руки Магеллана, были несильными противниками. Движимые уязвленной гордостью и постоянным недовольством, они оказались неспособными действовать по-настоящему решительно. С командами их не связывали ни взаимная симпатия, ни перенесенные лишения. Этот мятеж недовольных столь мало драматичен, что Пигафетта упоминает о нем лишь вскользь. Рыцарь мальтийского креста видел и кое-что похуже, чем это столкновение, когда команды, словно овцы, переходят то на одну, то на другую сторону, а вожаки, в конце концов, добровольно отдаются на милость победителя. Кстати, точно так же поступил Картагена, увидев, что его дело проиграно. Он вынужден был сдаться в основном потому, что знал: «люди с бака» в этой схватке за ним не пойдут.

Магеллан должен вершить суд. Император предоставил ему власть над телом, жизнью и имуществом своих подданных. Если он ею не воспользуется, то не сможет даже спокойно, без противодействия повернуть назад, не говоря уж о продолжении плавания. Сорок человек признаны добровольными участниками бунта. Генерал-капитан приговорил их к смертной казни, но сразу же помиловал. Он не хочет лишаться ни сорока попутчиков, ни тем более брать на себя

ответственность за пролитие чужой крови. Совсем по-другому он поступает с подстрекателями. Мендосу - его мертвое тело - подвергают истязаниям, четвертуют и сажают на кол: чудовищный акт, но в те времена нередкий. Кесаде, убившему шкипера «Сан-Антонио», отрубает голову. Приговор приводит в исполнение его слуга Молино, таким образом, спасая собственную жизнь. Картахена назначен лично императором, и поэтому Магеллан не правомочен творить над ним суд. Тем не менее, его ожидает ужасное наказание: когда флот покинет бухту Сан-Хулиан, его оставят на берегу. Священник Санчес де Рейна, злоупотребивший своим положением, подстрекая простодушных матросов, разделит его участь. Хуан Себастьян де Элькано выходит из переделки безнаказанно. Баск, видно, родился в рубашке - скрывшись от испанского правосудия именно во флоте Магеллана, он и сейчас выходит сухим из воды, хотя принадлежал к основным руководителям мятежников.

После такого счастливого, по крайней мере, для него, исхода событий Магеллан вполне обоснованно должен был бы быть даже благодарен мятежникам. Закончилось время скрытого сопротивления и уступок, не приносящих примирения; он - такое выражение бытует и в Испании - «показал свои зубы». В конце мая, после потери «Сантьяго», о чем будет рассказано ниже, все руководящие должности заняты верными людьми. Племянник Магеллана Алвару ди Мишкита командует «Сан-Антонио», его шурином Дуарти Барбоза - «Викторией», а Хуан Серрано, брат его друга, - «Консепсьоном». Лентяи становятся работающими, недовольные стараются вовсю. Активная деятельность царит в бухте Сан-Хулиан. Строится кузница. Суда одно за другим вытягиваются на берег, очищаются от выросших ракушек и водорослей. Особенно тяжелые дни наступают у плотников. Следы от снарядов на «Сан-Антонио» должны быть столь же тщательно заделаны, как и следы работы моллюсков-древоточцев на корпусах всех кораблей. Тяжело приходится сорока помилованным, ведь они вынуждены исполнять все работы в цепях.

Магеллан велит в первую очередь привести в порядок «Сантьяго». Незнание того, каковы берега дальше к югу, заставляет его послать на разведку с этим кораблем Хуана Серрано. После тяжелого перехода 3 мая Серрано достигает реки, которую называет Санта-Крус. В ее устье он проводит шесть дней, так как там очень много вкусной рыбы, наловить ее в огромных количествах не составляет почти никакого труда. Неудивительно, что здесь также встречаются морские котики, ведь численность их поголовья зависит от изобилия рыбы. Один из них без головы, освежеванный и выпотрошенный, весит около пяти центнеров. С такими значительными запасами мяса и соленой рыбы снова отправляются в плавание, которое будет неожиданно прервано 22 мая. Коварный памперо²⁵, даже сегодня внушающий страх, сорвал у «Сантьяго» мачты, прибой раздробил руль, и корабль понесло на скалистый берег. К счастью, Серрано и его товарищи сумели спастись, прежде чем «Сантьяго» был разбит о скалы. Потерпевшим крушение не

остается ничего другого, как попытаться поскорее спасти то из остатков их корабля, что море выбрасывает на берег, - доски и такелаж. Из них моряки хотят построить плот, на котором пересекут недавно открытую ими реку. Это удастся через двенадцать дней после крушения только двум сильным матросам. Следующие одиннадцать дней они затратили на преодоление приблизительно 100-километрового расстояния до бухты Сан-Хулиан. Хронист Антонио Эррера сообщает об ужасных тяготах того марша. Путь им преграждали заросли колючего кустарника и топкие болота. Голод они утоляли кореньями и листьями, жажду - кусочками льда. Когда они достигли бухты Сан-Хулиан, товарищи их не узнали.

Опасности мореплавания: кораблекрушение. Рисунок из мастерской де Бри (1599)

Без промедления генерал-капитан посылает к месту крушения около двух дюжин человек с вином и провизией. Их путь тоже был «суров и тернист, потребовалось четыре дня, чтобы только туда добраться. В дороге не было питьевой воды, только лед, да и того очень мало». И все-таки удастся не только доставить потерпевших крушение в бухту Сан-Хулиан целыми и невредимыми, но и спасти с «Сантьяго» орудия и некоторые другие боеприпасы.

Целых два месяца считалось, что земля кругом необитаема, но вдруг в июне появились местные жители, кочующие в округе. Пигафетта так описывает встречу с первым из них:

«Неожиданно мы увидели на берегу великана, почти нагого, он прыгал и пел. Все время, пока пел, он бросал себе на голову песок и землю. Капитан [Магеллан] послал туда одного из подчиненных и приказал ему также прыгать и петь, чтобы абориген успокоился и уверился в нашем дружелюбии. Он поступил, как ему велели.

Двигаясь быстро и все время пританцовывая, матрос подвел великана к месту, где его ожидал капитан. Когда он нас увидел, его сковали страх и удивление. Веря, что мы спустились с неба, он то и дело показывал пальцем вверх. Это был исполин, так что даже самые представительные из нас достигали ему только до пояса, кроме того, он был ладно сложен, с очень крупным лицом, расцвеченным красной краской. Места вокруг глаз были обведены желтым цветом, а в центре щек красовались два нарисованных сердечка. Волосы на голове были выкрашены в белый цвет.

Его подвели к капитану: на нем были надеты искусно сшитые шкуры какого-то особенного зверя с красивым мехом... ноги великана были также обернуты шкурами наподобие башмаков, в руках он держал короткий крепкий лук с толстой тетивой. При нем был пучок тростниковых стрел, не очень длинных, но, как и наши, с оперением. Правда, наконечники их были не металлические, а из заостренных обломков черных или белых камней».

'Ужасные великаны' в Патагонии. Рисунок из мастерской де Бри (1601)

Это был индеец-теуэльче. Вплоть до XVIII столетия ученые были убеждены, что у представителей этого племени гигантский рост, но первые измерения капитанов Луи-Антуана Бугенвиля, Сэмюэла Уоллиса и плававшего под командованием Джеймса Кука Джозефа Банка опровергли распространенное мнение. Банк тщательно измерил и зарисовал многих патагонцев - самые высокие из них не превышали шести футов. Согласно научному исследованию, проведенному в 1878 году, рост мужчин в среднем достигал 1,73 метра, у самых высоких - 1,86 метра. И тем не менее легенда о южноамериканских великанах то и дело возрождалась, особенно после находок в «захоронениях». Вполне возможно, что-то были останки огромных ленивцев. Исходя из этого, правильным будет, видимо, приписать громадные размеры «великанов» Пигафетты его фантазии. В других случаях он проявляет себя как хронист, достойный полного доверия. Раскраска лица, одежда,

«башмаки» из шкур гуанако, форма лука и стрел - все это позже нашло подтверждение.

Жизнь теуэльче была невероятно суровой. От морозных западных ветров, почти круглый год продувавших патагонскую равнину, спасали закаливание - даже младенцев купали в ледяной воде - и одежда из шкур гуанако. Носили ее мехом внутрь, обращенную кверху поверхность шкуры покрывали жиром и ох рой, чтобы одежда не промокала. Жили они в палатках, построенных из рогатин и положенных поперек деревянных планок, поверх чего набрасывались шкуры. Все пространство, на котором обитали теуэльче, было разделено на отдельные уголья, где руководимые своими старейшинами кочевали разные племена. При этом они охотились в первую очередь на гуанако, лис, страусов-нанду, пум, а также различных грызунов и водоплавающих птиц и питались почти исключительно мясом. Как ниже описывает Пигафетта, во время охоты на гуанако они использовали пойманных детенышей, которых привязывали в засаде, и их крики привлекали стада взрослых особей. Подобно своим южным соседям, индейцам она, теуэльче были не так неловки и примитивны, как иногда заставляют думать записки итальянца. Мы мало знаем об их привлекательных мифах, об их беззаветной вере в лучшую потустороннюю жизнь, и причина этого - не столько в их высокой смертности из-за жестокого климата, сколько в результатах карательного военного похода 1879-1880 годов, предпринятого против них и других аборигенов.

Индейцы теуэльче. Иллюстрация XIX века

Еще одно замечание о понятии «патаговец». Правильный перевод этого слова - «большеногий», ошибочный перевод - «ластоногий». Магеллан назвал теуэльчей «патаганс» (по их обуви, напоминающей звериные лапы), что в буквальном смысле означает «собаки с очень большими лапами». Пигафетта изменил это слово на итальянский лад - «патагони», так же вскоре стали именовать не только людей, но и местности, ими населенные.

Дружелюбного «великана», о котором шла речь, Магеллан приглашает вместе с ним отобедать. У исполина оказывается отменный аппетит. Правда, это не значит, что стол был изысканным, так как патагонцы волей обстоятельств были далеко не гурманы: позже Пигафетта описывает, как они поглощали крыс, даже не потрудившись их освежевать. Потом гостю протягивают зеркало, и он приходит в такой ужас от вида своего воображаемого противника, что в испуге сбивает с ног четырех человек, стоящих рядом. Однако к своим соплеменникам он уходит вполне удовлетворенный после того, как генерал-капитан одарил его четками, двумя колокольчиками и другими безделушками. Теперь и остальные «великаны» отбросили робость, и наконец, путешественникам представился случай увидеть их достойных сожаления женщин.

«Мужчины держали в руках только луки, а женщины семенили сзади, груженные, словно вьючные ослы, и тащили все их пожитки. Женщины были не такие высокие, как мужчины, но гораздо толще. Когда мы их увидели, мы были удивлены и озадачены, ибо их груди достигали длины более фута. Разрисованы женщины были точно так же, как мужчины, и одеты, как они, только спереди они носили кусочек шкуры, прикрывающий место, отличающее их пол. На поводках они вели четырех маленьких зверушек, из шкур которых делали одежду».

Имеются в виду гуанако. Позже хронист получит достаточно возможностей описать самые различные особенности образа жизни патагонцев. Наиболее знаменательны его описания оружия, каким они пользовались, поскольку те племена стали объектами пристального научного изучения только тогда, когда они уже охотились с другими приспособлениями. Встречается и много фантастического. Например, описания обрядов погребения, в которых принимают участие примерно дюжина чертей, князь Тьмы Зетеб (Сетебос) и еще один хвостатый, выпускающий пламя и из пасти и из зада.

Несмотря на это, Пигафетта, конечно, разительно отличается от многих открывателей, рассматривавших аборигенов только с той точки зрения, могут ли те быть полезны для их целей. Их быт они считали едва ли достойным упоминания, обращая внимание в лучшем случае на одну-другую странность. До нас не дошло сведений, разделял ли Магеллан чувства хрониста. С точки зрения современной морали неприглядным выглядит то, что он лишает свободы двух доверчивых аборигенов, но такая оценка зависит сугубо от нравственных устоев времени.

Патагонцы: женщина и дети. Рисунок из мастерской де Бри (1601)

Это происходит в последние дни июня, когда поблизости от бухты захватывают в плен четырех патагонцев, пришедших посмотреть на корабли. Двоих из них Магеллан сначала велит заковать в железо, двух других тоже заковывают, но ими воспользуются как «подсадными утками», так как генерал-капитан требует захватить еще местных жителей. Он хочет и должен, согласно заключенному договору, продемонстрировать их императору как невиданные диковины. Жуана Лопиша Карвальу из-за приобретенного им во время жизни в Бразилии опыта ставят во главе отряда испанцев, отправляющегося к поселению местных жителей, чтобы захватить там несколько женщин. В пути возникает рукопашная схватка с пленниками, в ходе которой один из них получает ранение, другой бежит. Все-таки Карвальу и его спутники беззаботно проводят ночь, никем не потревоженные, недалеко от патагонского поселения, жители которого, правда, следующим утром ушли в неизвестном направлении. Когда их обнаружили и нагнали, одного из преследователей ранили стрелой в бедро. Стрела оказалась ядовитой, человек скончался на месте, а патагонцы пустились наутек такими гигантскими прыжками, что посланные им вслед выстрелы из арбалетов и мушкетов не попали в цель.

«После того как это свершилось, наши похоронили мертвого и подожгли всю округу, где великаны оставили свои пожитки. Это истинная правда, что великаны бегают быстрее лошади и не терпят, если к их женщинам подойдешь слишком близко».

Магеллану остаются два пленника, захваченных днем раньше. С их помощью Пигафетта позже создаст патагонский словарь. В отличие от составленного списка бразильских слов, включающего только восемь понятий, теперь он называет девяносто четыре. Кроме того, он узнает дальнейшие диковины. «Как только эти великаны почувствуют боли в желудке, они не принимают лекарства, а засовывают себе в глотку стрелу длиной около двух футов, пока не возникает рвота зеленой массой, смешанной с кровью». Этот странный способ вскоре стали изображать на картах и рисунках. Он, видимо, зачастую был необходим, так как мы узнаём далее: «Оба великана, бывших у нас на кораблях, проглатывали большой ящик сухарей, неосвежеванных крыс и выпивали за один присест целое ведро воды».

С прискорбием вынужден итальянец по прошествии времени сообщить, что «его» патаговец умер. «Когда великан лежал при смерти, то попросил распятие, прижал его к груди и непрерывно целовал. Он умолял перед смертью, чтобы его крестили, и мы дали ему христианское имя Павел». Его друг по несчастью на «Сан-Антонио» также прожил недолго.

Время стоянки в Пуэрто-де-Сан-Хулиан заканчивается 24 августа 1520 года. Андрес де Сан-Мартин еще раз определил ее географические координаты. Результат оказался впечатляющим - 49°18' южной широты и 56° к западу от Тенерифе. Широта не соответствует истинному положению только на две минуты, долгота - почти на пять градусов. Магеллан отправляется к Рио-де-Санта-Крус, открытой Серрано, чтобы воспользоваться вынужденной передышкой, обусловленной зимой, и наловить там рыбы. Кроме того, у остова «Сантьяго» до сих пор лежат орудия и другие боеприпасы, спасенные потерпевшими кораблекрушение. На близком Монте-де-Кристо воздвигается деревянный крест, остаются Хуан Картахена, Санчес де Рейна и, что, бесспорно, менее достойно сожаления, разоренные патагонцы.

У реки Санта-Крус путешественники проводят следующие два месяца. О том, как они прошли, сообщается мало. Из речных обитателей мужчины отдают предпочтение одной рыбе, «длиной с два фута, покрытой частой чешуей и очень вкусной». Ее вылавливают сетями, крючками и засаливают в большом количестве. Другие заготавливают дрова или прилагают усилия, чтобы вырвать у моря останки «Сантьяго». В одном документе сказано, что плотник Мартин Перес при этих работах погиб. 29 сентября умирает также Хорхе Алеман, один из двух немцев, принявших участие в плавании Магеллана. Причина его смерти осталась неизвестной - и тогда, и раньше, в бухте Сан-Хулиан, умерли многие моряки, и хотелось бы знать, почему оборвалась их жизнь. Кое-кто уходит из жизни не по-христиански, например матрос Антонио Хеновес, бросившийся в море от страха перед наказанием за обвинение в распутстве. Другие утонули или стали жертвами холода и сырости. В заметках, повествующих о том плавании, все они остаются безликими.

Магелланов пролив

Странное, фантастическое это, верно, было зрелище, когда четыре корабля впервые в истории человечества медленно и бесшумно вошли в безмолвный, мрачный пролив, куда испокон веков не проникал человек. Страшное молчание встречает их.

Стефан Цвейг. «Подвиг Магеллана»

Только в октябре погода более или менее установилась и стала приветливее. Восемнадцатого числа армада покинула богатую рыбой Санта-Крус. Магеллан приказывает следовать вдоль побережья на юг. Перед этим состоялся совет капитанов и кормчих, на котором он сообщил о своих дальнейших намерениях. Вот когда было со всей очевидностью продемонстрировано, что не знания, а воля ведет Магеллана навстречу проливу. Пигафетта, например, сообщал, что генерал-капитан хотел продвинуться в сторону Южного полюса до 75°. Андрес де Сан-Мартин предостерегает его:

«Если уже на этой широте мы постоянно попадаем в бури и штормы, что же с нами станет, когда достигнем 60° или даже 75° и окажемся так близко к Южному полюсу, как планирует ваша милость, или если нам придется искать дорогу на Молуккские острова, следуя курсом О [восток] или ОНО [восток-северо-восток] в обход мыса Доброй Надежды» (цитируется по Кёлликеру).

Да, на случай отсутствия пролива в Южное море Магеллан обдумывал и такую возможность. Не стоит ставить его подчиненным в вину, что их нет-нет да охватывал страх.

Но вот 21 октября 1520 года достигли мыса, за которым вдали виднеется продолжение прерванной береговой линии. Опять устье реки? Так как на кораблях празднуют день святой Урсулы, мыс назвали в честь одиннадцати тысяч дев, принявших когда-то вместе с ней мученическую смерть, Cabo de las Virgines - мыс Дев (Кабо-Вирхенес). Магеллан посылает «Сан-Антонио» и «Консепсьон» на разведку бухты. Два других корабля бросают якоря юго-западнее Кабо-Вирхенес в виду берега пустынной, изъеденной расселинами местности, которая очень скоро будет названа Tierra del Fuego - Огненная Земля. В полдень кормчий Франсиско Альбо измерил высоту солнца над горизонтом и вычислил географическую широту мыса Одиннадцати Тысяч Дев. У него получилось 52°, фактически этот мыс находится только на двадцать минут южнее.

Ландшафт вокруг радует глаз. Вдали встают остроконечные горы, отливающие голубизной. С севера и юга вплотную к морю подступают ярко-зеленые равнины, поросшие кустарником. Альбатросы, чайки, морские ласточки парят вокруг парусов, кругом в волнах видны длинные-предлинные стебли-шлейфы гигантских водорослей. Но

вечером берег заволакивает туманом, и сильный шторм вынуждает корабли лечь в дрейф до середины следующего дня. Потом вдали, в той стороне, куда ушли «Сан-Антонио» и «Консепсьон», заметили столб дыма, поднимающегося кверху. Неужели произошло крушение? Последующие часы полны неопределенности и надежды. «Почти все на кораблях считали, что оттуда нет дороги к названному Южному морю. Один лишь генерал-капитан настаивал, что такая дорога существует, он ее знает и видел на морской карте короля Португалии, которую когда-то начертал искусный кормчий и мореплаватель Мартин де Боэмиа» (имеется в виду Мартин Бехайм).

Люди на «Сан-Антонио» и «Консепсьоне» в этот момент борются с тем же самым штормом. Тщетно пытаются они обогнуть мыс, отделяющий их от якорной стоянки других кораблей, и с большим трудом избегают столкновения с торчащими повсюду из воды рифами. Положение критическое, но именно им

было суждено пережить знаменательнейшее мгновение во всей истории морских открытий:

«Тут, когда уже решили, что все пропало, они вдруг увидели в конце бухты узкий просвет, скорее походивший на речушку, чем на пролив. Словно обреченные, бросились они вперед и таким образом, сами того не желая, открыли пролив.

Когда же они распознали, что перед ними не речушка, а зажатый скальными породами проход, то поплыли дальше, нашли бухту, новый водный проход и еще одну бухту, которая была просторнее предыдущей. Полные радости и ликования, они сразу же повернули назад, чтобы принести эту весть генерал-капитану.

Мы же уже решили, что корабли потерпели крушение, ведь шторм был ужасный и целых два дня мы не имели о них никаких вестей. Мы все еще томились в неведении, как вдруг заметили оба корабля, шедших на всех парусах с развевающимися вымпелами нам навстречу. Когда они приблизились, команды отдали салют из многих орудий. Мы приветствовали их таким же образом и радостно кричали. Потом воздали хвалу господу богу, деве Марии и тронулись в путь».

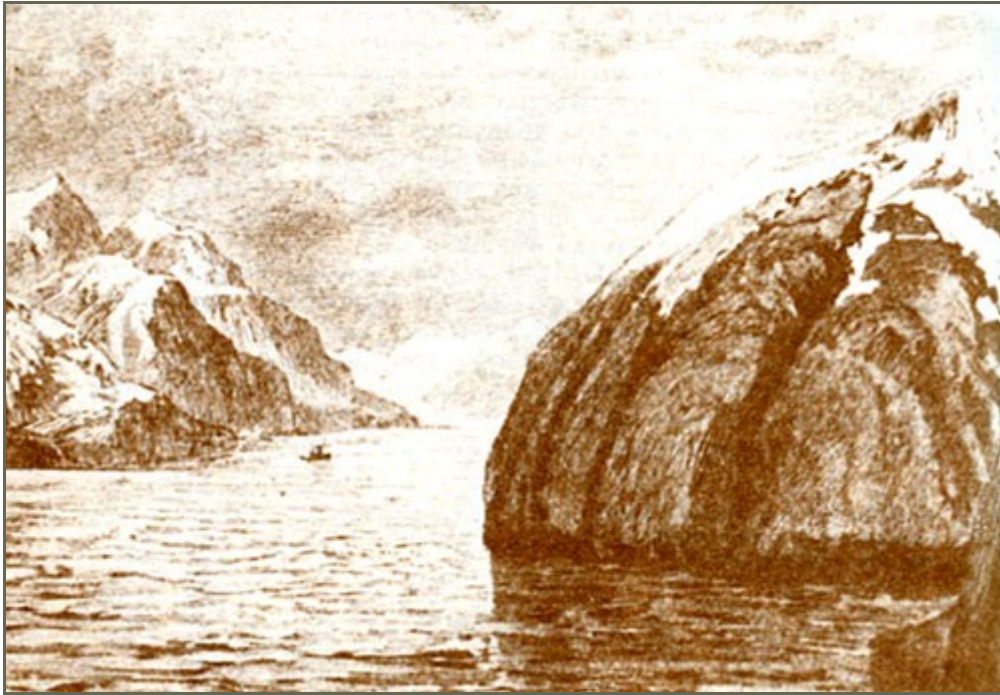

*Аллегорическое изображение прохождения через Магелланов пролив.
Рисунок XVI века*

Магеллан будет жадно слушать сообщения Мишкиты и Серрано. Они пока не могут со всей определенностью заявить, что открыли пролив. Но многое говорит за это. Были установлены значительные глубины, часто лот вообще не доставал дна, вода оставалась соленой, и прежде всего прилив, казалось, был значительно сильнее, чем отлив. Сгорая от нетерпения, вводит командир корабля в водный проход, но у первого же

сужения приказывает бросить якоря, так как наблюдатели на носу и марсе рассмотрели приблизительно в миле от судов у самого берега что-то похожее на поселение. Там, видимо, живут люди, у ко торых можно кое-что выпросить. Матросы спускают лодки на воду и гребут к берегу. Оказывается, он весь усыпан человеческими костями, здесь был обнаружен даже мертвый кит. Выяснилось, что поселок, который ожидали здесь увидеть, - просто громадное кладбище, где, судя по останкам, покоятся более двухсот человек. Ничто и никто не даст тут разъяснений; нет ни сведений, ни даже намек на них.

За первым водным проходом раздвинувшиеся берега образовали обширную бухту. Леденящая душу тишина прерывается только резкими криками морских птиц да мерным шорохом волн, которые бьются об отвесный берег. Конечно, очень скоро люди на кораблях оказываются во власти удручающей атмосферы, свойственной этой пустынной местности. Она навеивает настроение, которое невозможно ни воссоздать, ни прочувствовать, таккак наши современники, где бы они ни были и чем бы ни занимались, имеют за плечами опыт прошлых поколений. Наиболее образно и со знанием дела восхвалял выдающийся подвиг тех моряков географ Оскар Пешель. Он писал, что пролив Магеллана «состоит из вереницы каменных мешков с узкими, часто круто изгибающимися водными проходами, у самых стен которых гиря падает в бездонные глубины. Лабиринт проток часто заманивает моряков на ложный путь и приводит в замкнутые бухты. Парусные суда, такие, например, как караван Магеллана, войдя в устье пролива со стороны Атлантического океана, должны были устоять против сильных встречных ветров. И требовалось не только высокое мореходное искусство, чтобы пройти сквозь тернии этого природного лабиринта, но и исключительная стойкость духа, чтобы не повернуть назад при виде этих каменных тисков, которые фантазия населяла, как все неизведанное, все возможными опасностями».

Панорама Магелланова пролива

Однажды, именно в те дни, Магеллан призвал к себе на «Тринидад» всех капитанов и кормчих и пожелал услышать их соображения о дальнейшем ходе плавания. Свое мнение он не скрывает: корабли в хорошем состоянии, способны идти дальше, команды здоровы, провианта хватит на три ближайших месяца. Его точку зрения разделяют многие. Уверенность, по-ви димому, внушает то, что найден пролив, а воспоминания о бухте Сан-Хулиан, где Магеллан твердой рукой подавил мятеж, помогают принять решение некоторым сомневающимся. Только Эстебан Гомес, всеми уважаемый кормчий, считает продолжение плавания слишком отчаянным предприятием. Его аргументы звучат вполне убедительно. Если все же и удастся выбраться из пролива, еще предстоит пересечь Южное море, и никто не знает, как долго это будет продолжаться. Лучше было бы прямо сейчас повернуть назад и предпринять еще одно плавание с новыми кораблями, отдохнувшими командами и свежим провиантом. Для генерал-капитана такое предложение неприемлемо. Отступить накануне победы, вернуться с пустыми руками в Севилью и подвергнуться унижительному следствию по поводу мятежа, опять страдать от подозрений и происков врагов. Нет, тому не бывать! Разве этот краснобай не вызывался сам доплыть до островов Пряностей, когда только-только прибыл в Испанию и звался еще на португальский манер Эштеван Гомиш? Разве не был он раздосадован тем, что капитаном «Сан-Антонио» стал Мишкита, а не он, так на это надеявшийся?

Никто не знает мотивов поведения Гомеса, возможно, на него зря наговаривают. Само собой разумеется, что Магеллан может ответить на этот выпад только однозначно - слово, данное императору, он сдержит во что бы то ни стало, даже если придется питаться кожаной обшивкой рей. Итак, армада вошла во второй водный проход и, миновав его, 28 октября бросила якоря с подветренной стороны одного острова. Видимо,

это был остров Элизабет, лежащий на пятнадцать морских миль севернее сегодняшней Пунта-Аренас.

Магелланов пролив

28 октября до сих пор остается одной из немногих дат, позволяющих проследить хронологию перехода через пролив. Не ясно даже, когда начался сам переход. Мыс Одиннадцати Тысяч Дев был открыт 21 октября, а «Сан-Антонио» и «Консепсьон» в тот же день начали свои поиски, поэтому будет правильным допустить, что флот вошел в пролив 23 или 24 октября, так как Пигафетта сообщал, что «два дня не имели о них никаких вестей». Он также упоминает, что в пролив направились тотчас по возвращении двух кораблей. Не лучше обстоят дела с датой выхода из пролива. Кормчий Франсиско Альбо и Пигафетта называют 28-е, другие 27-е, а некоторые 26 ноября. Если принять за основу данные Пигафетты, общее время, за которое был пройден пролив, составляет тридцать шесть - тридцать семь дней.

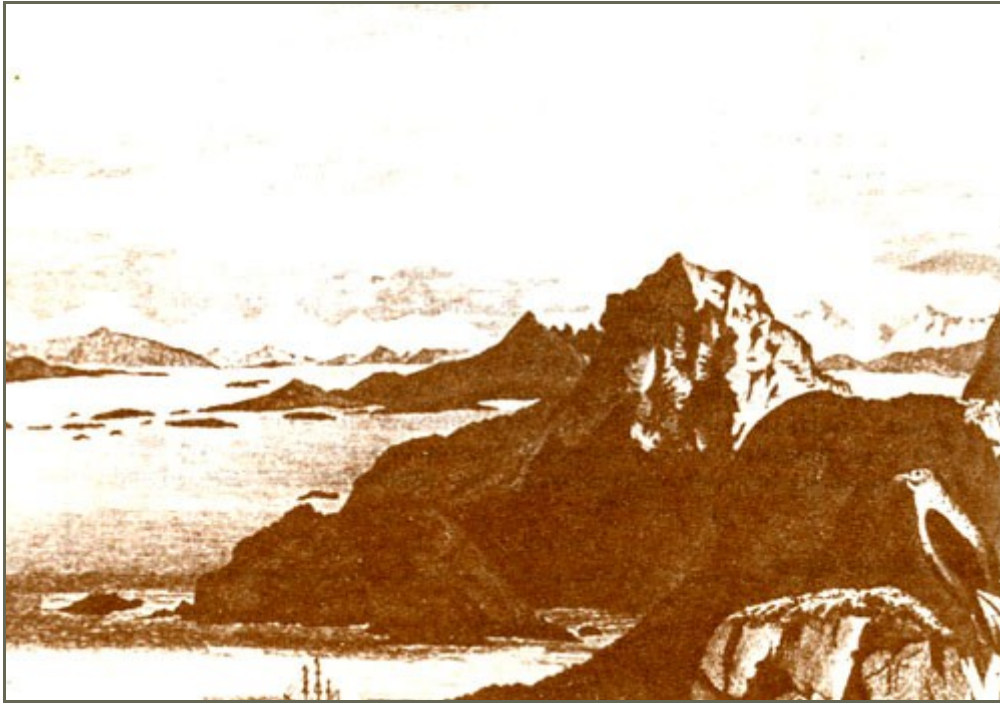
Аналогичным образом нет однозначных сведений о названии, данном этой водной дороге. Пигафетта упоминает название Патагонский пролив, один из кормчих, сбивая с толку, говорит о «проходе Виктория», так как именно с этого корабля было открыто устье пролива, и, наконец, Магеллан, видимо, называет его пролив Всех Святых - Todos os Santos. День всех святых - 1 ноября, но мало что говорит за то, что именно в этот день корабли вошли в пролив.

Кстати, именно во время упомянутой якорной стоянки, скорее всего, и мог состояться тот примечательный совет, который Магеллан закончил энергичным заявлением, что не боится в будущем отведать лакомство из кожаной обшивки рей. В довершение всего он грозит смертной карой каждому, кто впредь заговорит о возвращении или о скудной норме продовольственного пайка. Такие строгости, скорее всего, укрепили Эстебана Гомеса в замысле, который он вскоре претворил в жизнь. Когда двинулись дальше, моряки натолкнулись севернее острова Досон (Доусон) на разветвление. Один канал ведет в юго-западном направлении, другой - в юго-восточном. Магеллан приказал обследовать последний на «Сан-Антонио» и «Консепсьоне», а сам с двумя другими кораблями направился на юго-запад. Тогда-то и случилось величайшее злодеяние этого плавания: Гомес и другие бунтовщики арестовывают

Мишкиту и дезертируют на «Сан-Антонио», захватив вместе с кораблем основную часть запасов провизии.

«Тринидад» и «Виктория» огибают тем временем с юга полуостров Брансуик. Ландшафт и климат там меняются: высокие, покрытые снегом горы, языки ледников, сверкающие и переливающиеся в солнечных лучах всеми цветами радуги, вплотную подступают к проливу; погоду здесь в основном определяют дождь, снег, град и штормы. Названия, которые последующие

1 мореплаватели придумали для самых примечательных мест этого уголка Земли, сами говорят за себя: гавань Голода, бухта Последней Надежды, гора Страданий, Фурии, остров Пустошь, берег Скорби. Многие путевые заметки великого времени парусных судов сообщают, что даже выдавших виды наблюдателей, познавших всякое на своем веку, пробирала дрожь при виде пролива, а образные сравнения с «миром теней» или «концом света» в этих заметках присутствовали постоянно. У Пигафетты, однако, подобные выражения не встречаются - создается впечатление, что его пребывание в проливе совпало с хорошей погодой. В бухте у реки Сардин (сегодня Пуэрто-Галанте) находят защищенную стоянку, где в изобилии водятся рыба, съедобные моллюски, имеется пресная вода и дрова. Четырехдневный отдых завершается салютом и пылкой благодарностью всевышнему, потому что «мы сразу послали лодку, снабженную усиленным экипажем и дополнительной провизией, чтобы разведать выход в другое море. Ее команда вернулась через три дня и сообщила, что нашла мыс и выход в огромное море. Тогда капитан, охваченный глубоким чувством удовлетворения, заплакал и присвоил найденному мысу название мыс Желанный, потому что он страстно стремился к нему и долго его искал». Так был открыт мыс Десеадо - тихоокеанский вход в пролив.

Панорама побережья Огненной Земли

Генерал-капитан тут же двинулся на восток. Его поспешность определяется, скорее всего, принесенной радостной вестью и в меньшей степени заботой об экипажах двух других судов. Вскоре он повстречал «Консепсьон», но Серрано не знает, что приключилось с «Сан-Антонио». Поэтому обследуют бухту, в которой пропал корабль, «Виктория» возвращается даже назад, к атлантическому входу в пролив, но поиски тщетны. Тогда на двух бросающихся в глаза возвышениях устанавливают флаги и закапывают там послания, которые так никто и не прочтет. В бухте у реки Сардин флот встречается снова, и здесь от первого кормчего армады Андреса де Сан-Мартина узнают, где в данный момент находятся пропавшие - на пути в Испанию. Он, как, впрочем, все знатоки созвездий своего времени, увлекался астрологией. И это была та самая весть, которую ему сообщили звезды.

Сан-Мартин не ошибся. Мятежники уже давно заковали в железо поруганного и израненного Мишкиту и провозгласили капитаном одного из своих - Херонимо Герру. Они взяли курс на Сан-Хулиан, ищут там, правда напрасно, двух штрафников. Потом они двинулись к берегу Гвинеи и, не избежав многих лишений, жертвой которых стал патагонский пленник, 6 марта 1521 года прибыли в Севилью. Все, о чем они рассказывают, глубоко продуманно: Магеллан будто бы проливает потоки крови подчиненных, тратит впустую и время, и провизию, его открытия ничего не значат. Очевидно, клеветники находят внимательных слушателей, так как испанское правосудие сначала взялось только за Мишкиту - его сразу же бросили в тюрьму, несмотря на то что он уже полгода провел в цепях. К тому же от него потребовали, чтобы он подтвердил показания своих мучителей. Правда, после тщательного расследования Каса де Контратасьон сумела упрятать за решетку Гомеса и Герру. Однако Дьогу Барбозе не удастся ни

облегчить судьбу Мишкиты, ни восстановить доброе имя зятя. То, что его дочь в ближайшее время подвергли унижительному надзору, «чтобы она не сбежала в Португалию», достаточно наглядно свидетельствует о том, к какому решению в этом деле пришли судьи. Мишкиту освободили из-под стражи только после возвращения «Виктории». Об Эстебане Гомесе сообщается, что он в 1524-1525 годах возглавлял важную экспедицию на восточное побережье Северной Америки.

Теперь в распоряжении Магеллана оставалось только три корабля. Менее сильные духом люди на его месте воспользовались бы соблазном вернуться назад с сообщением об открытии пролива и свалили бы всю вину в том, что не добрались до островов Пряностей, на Гомеса. Да, он мог бы теперь вернуться назад, как когда-то поступил Бартоломеу Диаш, который, добравшись, наконец, до мыса Доброй Надежды и открыв морскую дорогу в Индию, вынужден был уступить взбунтовавшимся командам и повернул назад, на родину. И с Магелланом дело могло обернуться, как с Диашем, оставшимся без командования в унижительной роли советчика при прославленном Вашку да Гаме, который в начале своего первого плавания и вовсе ссадил его на островах Зеленого Мыса. Но Магеллан знает - генерал-капитаном становятся только один раз в жизни.

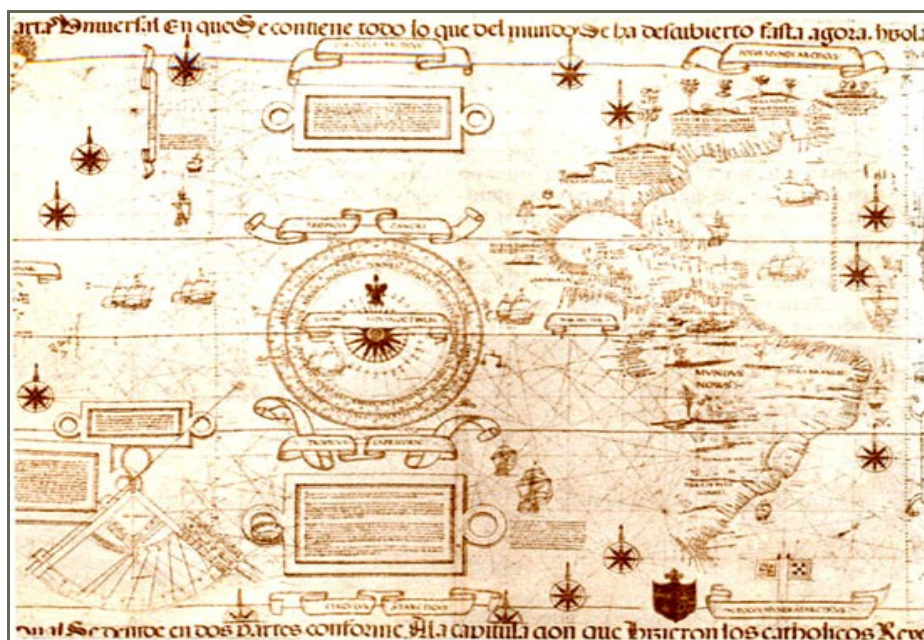
Естественно, что дурной пример «Сан-Антонио» заразителен. Если Магеллан не хочет, чтобы ему последовали другие, он должен заручиться поддержкой и тех, кто подчиняется ему из страха. Так возник документ, агитирующий и категоричный одновременно, который был предназначен для всех офицеров и младших офицеров армады, датированный 21 ноября 1520 года. В нем командир требует высказать письменно все их соображения относительно продолжения плавания, так как именно об этом и следует печься. Он не желает знать ничего, что идет вразрез «со службой императору и с клятвой, которую вы мне принесли». Из всех ответов сохранился, к сожалению, только ответ кормчего Сан-Мартина. Он составлен по-деловому и откровенно. Конечно, время года благоприятствует дальнейшим исследованиям, тем более что солнце стоит на небе семнадцать часов в сутки. И хотя Сан-Мартин сомневается, что с обнаружением пролива найдена дорога на Молуккские острова, он одобряет продолжение экспедиции до января. Дальше плавание продолжаться не может, так как довольствие скудно и недостаточно питательно, чтобы обеспечить командам необходимые для этого силы. «Я заметил, что те, кто заболели, выздоравливали с большим трудом». Сан-Мартин не забывает напомнить, какие люди терпят невзгоды:

«Кроме того, я уже сообщал Вашей милости, что наши матросы окончательно измотаны, а наших запасов провизии для преодоления пути до Молукк, а оттуда до Испании недостаточно. Также было бы очень хорошо, если бы Ваша милость исследовали эти берега не ночью, а днем, не только в целях безопасности кораблей, но и затем, чтобы предоставить командам необходимый отдых. После девятнадцатичасовой

работы днем Вы ведь можете приказать отдать на четыре-пять часов якорь. После захода солнца необходимо останавливаться ради одного того, чтобы избежать столкновения с рифами, между которыми даже днем проходить небезопасно» (цитируется по Кёлликеру).

Действительно, сейчас жажда деятельности Магеллана приобрела такие опасные черты, что неодобрение Сан-Мартина кажется вполне обоснованным. Он, наверное, целыми днями предупреждает и о рифах, и о скалах, совершенно скрытых гигантскими водорослями, которые произрастают на мелях. Продвигаться в темноте было по меньшей мере легкомысленно. Что возразил генерал-капитан на упреки первого кормчего, неизвестно.

Возможно, 23 ноября стало тем самым днем, когда был отдан приказ поднять якоря и следовать каналом, обнаруженным разведчиками, к мысу Десеадо. Там сейчас тоже стоит приятная погода, и Пигафетта называет Патагонский пролив ласковой местностью, где встретишь в изобилии защищенные бухты, хорошую питьевую воду, дрова, вкусные овощи и зелень. Все время по левому борту моряки слышат шум отдаленного прибоя. В самом деле, прилив Тихого океана обрушивается там на берега островов Санта-Инес и Десоласьон. Непонятно, как подобный факт остался без внимания. Ведь картографы еще десятилетия продолжали помещать к югу от Магелланова пролива отроги континента, который, по их мнению, покрывал всю южную часть южного полушария Земли. В этом районе картографы изобразили континент с надписью *Tierra del Fuego* - Огненная Земля, - так как Магеллан дал ей такое название из-за горящих там постоянно костров.

Новый Свет и Тихий океан. Карта Дьюгу Рибейру (1529)

Вечером 28 ноября 1520 года армада обогнула мыс Десеадо и вышла в просторы открытого моря. Оно получает название *Mar pacifico* - Тихий океан.

Три месяца и двадцать дней

Море... не знает великодушия. Ни одно проявление качеств человеческой природы, таких, как мужество, бесстрашие, нестигаемость, выносливость, уверенность, никогда не трогало его беспощадное самолюбие. Подобно варварскому владыке, океан имеет нрав, испорченный раболепным поклонением. Океану невыносима сама видимость вызова. Он остается непримиримым врагом людей и кораблей с тех пор, как корабли и люди возымели дерзость перед его омраченным челом выходить в плавание. В тот самый день начал он истреблять флоты и людей, и число жертв – это огромное количество разбитых кораблей и загубленных жизней – не могло его унять.

Джозеф Конрад

С облегчением покидают люди угрюмые, промозглые широты. Название, которое они дали раскинувшемуся перед ними океану, достаточно красноречиво. Пигафетта беззаботно отдается наблюдениям:

«В названном океане обитают огромные косяки рыб, из которых три вида достигают в длину два и более футов – это золотая макрель, альбакора и скумбрия, они преследуют другую рыбу, известную под названием колондрино, умеющую летать. Она достигает фута длины и очень вкусна. Если рыбы трех упомянутых видов выследили в море летучих рыб, те без промедления выскакивают из волн и летят, пока их «крылья» остаются влажными, на расстояние большее, чем выстрел из арбалета. В то время как одни уже заканчивают полет, другие его только начинают, нагоняя их тени. Но стоит им упасть в воду, как преследователи их сразу хватают и пожирают. Наблюдать такую охоту очень приятно и интересно, мы не раз ею любовались».

Летучие рыбы и другие морские животные. Рисунок из мастерской де Бри (1600)

Если бы беззаботные зрители знали, что их ожидает, они бы ловили рыбу, пока не онемеют руки. Неуклюжего патагонского «великана» уже нет среди них, семнадцать человек пришлось вычеркнуть из судовых ролей, как минимум шестьдесят бежало на «Сан-Антонио». Остальные вполне довольны, так как монотонная береговая линия западной Патагонии уходит на север и определяет для них курс, который вскоре приведет в теплые воды. Даже в предпоследнюю неделю декабря все еще можно было разглядеть Огненную Землю, потом генерал-капитан велел повернуть на северо-запад. На этом закончилось приятное лицезрение летучих рыб. Изо дня в день теперь открывается однообразная синь моря. Пигафетта обращает свой интерес к ночному небу. Он описывает два больших скопления звезд недалеко от Южного полюса, которые с тех пор называются Магеллановыми облаками, описывает Южный Крест, дает советы, как с помощью созвездия Гидры найти «антарктический полюс». Кроме того, он демонстрирует просто ошеломляющие познания по географии, заимствованные, видимо, у Магеллана. Например, он говорит, что если плыть все время на запад от мыса Десеадо, то только у Кабо-Вирхенес натолкнешься снова на землю. Правильный вывод, для нас совершенно естественный, но весьма удивительный для того времени, когда большинство ученых считало, что на тех широтах расположен гигантский южный континент. Из замечания также следует, что итальянец нимало не сомневается в шарообразной форме Земли. То же самое он утверждает в книге "Regole sull'arte della navigazione" («Руководство по искусству навигации»), написанной во время транстихоокеанского перехода: «Земля круглая и неподвижно парит в середине между другими небесными телами». Неверная геоцентрическая картина мира восходит к временам античности, а то, что в этой фразе правильно, будет вскоре доказано практически.

Уж не голод ли гонит Пигафетту на палубу ночью рассматривать звездное небо? Прошло почти четыре недели после выхода из пролива, а на горизонте не обозначилось ни островка. У хрониста есть свои заметки, у капитана - размышления и морские карты, командам остаются ежедневный изнурительный труд, все более скудный рацион да барабаны и тамбурины, купленные для них в Севилье. В октябре Магеллан уверял спутников, что провизии хватит на три месяца. И вот на носу рождество, но нет никакой надежды, что вынужденный, равно как и богоугодный, пост с его приходом наконец кончится.

Кормчие озадачены недоразумениями иного рода. Чего стоит пересечение Атлантики по сравнению с тем, что предстоит сейчас? До сих пор географическую долготу худо-бедно определяли по пройденному расстоянию, потом следовали вдоль побережья и могли ограничиться лишь широтой. Сейчас же знание долготы стало необходимым. Но все попытки определить географическую долготу приводили к ошибочным результатам: когда достигли Филиппинских островов, выяснилось, что кормчий Франсиско Альбо при определении географической долготы ошибся на 53°. Кроме того, Тихий океан, кажется, безбрежен. Действительно, его протяженность, как и

окружность земного шара до сего времени сильно преуменьшались. Встречались даже более грубые ошибки, чем заблуждение Руя Фалейру, считавшего, что длина экватора составляет 35 560 километров. Потом оказалось, что компасы врут. Никто не догадывается, что неправильные показания компасов вызваны магнитным склонением, а если кто-нибудь и подозревает об этом, то остаются неизвестными и величина магнитного склонения, и его изменения. Магеллан объясняет кормчим, что флотилия, видимо, слишком удалилась от Северного полюса, поэтому его сила недостаточна, чтобы притягивать стрелку компаса. Таким образом, теперь в показания компаса вносятся поправки, которые просто ужасают. Например, один кормчий говорит о поправке более чем 20°. Недостаточное знание географии заставляет людей испытывать страх. Нельзя также забывать, что почти все они суеверны и косны, их представления о морских «страстях» порождены средневековьем; им кругом мерещатся гигантские морские змеи, Мальстрем, магнитные горы, «Клейкое море»²⁶. Общие географические понятия были до такой степени запутанны, что Пигафетта однажды высказал мнение, будто флотилия движется мимо Японских островов.

Наконец 24 января 1521 года на горизонте показался низкий песочно-желтый островок. Видны пальмовые рощи, много морских птиц, но ни единого человека. Генерал-капитан назвал остров Сан-Пабло. Это могли быть Напука, Факахина или Пукапука из архипелага Туамоту. Полинезийское название архипелага Паумоту - Остров-Облако. Если бы Магеллан взял более западный курс, он углубился бы в лабиринт островов, которые его последователи еще долго будут проклинать. Все острова, за малым исключением, - коралловые рифы, вздымающиеся из больших глубин. Они бедны пресной водой, фауна и флора весьма скудны, атоллы в основном безлюдны. Как правило, тщетно ищут там моряки подходящий грунт для якорной стоянки, а высокий прилив препятствует высадке на берег, равно как нет достаточно защищенных бухт, куда бы корабли могли беспрепятственно войти. Все перечисленное не миновало Магеллана и его спутников. Уже через одиннадцать дней они увидели Isla de los Tiburones - Акулий остров, названный так из-за множества обитающих там акул. По всей вероятности, то был остров Кэрлайн, Восток или Флинт из группы островов Лайн. И здесь высокий прибой не позволяет высадиться на берег. Так что матросы вынуждены заняться ловлей акул, чтобы обеспечить себя свежей пищей. Особенно вкусными их не назовешь. Один натуралист, современник Магеллана, например, пишет о мясе акулы: «Когда его жуешь, оно жесткое, твердое, даже упругое, с каким-то неприятным животным запахом, кровь - густая и вязкая». Понятно, почему острова Сан-Пабло и Акулий получили общее название - острова Невезения.

Ужасы Индии: моряк, на которого напала акула. Рисунок из мастерской де Бри (1600)

Еще 4 февраля флот повернул на северо-запад. Если мы проследим за его курсом по современным картам, то сразу же постигнем, до чего же им все-таки не везло. Совсем недалеко на западе раскинулись Полинезийские острова, населенные миролюбивыми людьми и богатые всеми дарами тропической природы. Об этом, конечно, никто не догадывается. Правомерно также было бы задать вопрос: почему Магеллан, когда вышел из пролива, не поплыл вдоль побережья? Не говоря о возможных географических открытиях, такой маршрут пролегал бы там, где легко раздобыть еду. Тогда удалось бы избежать многих неприятностей, если бы, согласно распространенной системе «навигации по географической широте», повернули затем вдоль экватора к островам Пряностей. Вполне правомерный вопрос, но при этом не учитывается то обстоятельство, что речь идет о парусных судах. Лишь из-за одного-единственного представления, что Тихий океан значительно уже, чем был на самом деле, Магеллан умышленно отдал свою флотилию на волю юго-восточного пассата. Кстати, штормы и бури их миновали, но моряки скоро вынуждены убедиться, что океан таит в себе много других опасностей:

«В течение трех месяцев и двадцати дней мы были предоставлены Тихому океану, нигде и ни разу нам не удалось существенно пополнить запасы провизии или взять на борт что-нибудь свежее. Мы ели только старые сухари, кишевшие червями и превратившиеся в крошево после

их старательной и прожорливой деятельности. Пили тухлую желтую воду. Кроме того, мы ели воловью кожу, очень жесткую, так как солнце, дождь и ветер ее окончательно продубили. Поэтому мы клали ее на четыре-пять дней в соленую воду для размягчения, затем - на короткое время в раскаленную золу и уж потом делили между собой. Крысы считались исключительным лакомством. За полдуката их перекупали и перепродавали.

Помимо этих пыток голодом почти всех людей мучила еще одна злая напасть: нижние и верхние десны у многих до такой степени опухли, что они не могли жевать, а это означало смерть. Умерло двадцать девять человек наших, второй великан [?] и индеец, захваченный в Верзине [Бразилии]. Кроме тех, кто умер, двадцать пять - тридцать человек страдали разнообразными недугами рук, ног, других частей тела, так что оставалось очень мало здоровых людей. Я же, божьей милостью, был невредим. И если бы наш всеблагодый господь и дева Мария не позаботились об отличной погоде и не привели нас туда, где мы смогли подкрепиться и запастись всем необходимым, мы бы все сгинули в этом необъятном море. Мне сдается, никто и никогда не отважится больше на подобное плавание».

В сетях "Клейкого моря". Средневековая иллюстрация к легенде о плавании святого Брандана

И это те самые «невероятные и ужасные события, происходящие в океане», которые Пигафетта считает достойными упоминания? Конечно, он не обходит вниманием и другие, однако цинга, признаки которой так точно подметил Пигафетта, продолжала оставаться в течение трех ближайших столетий бичом мореплавания. Причиной этого тяжелого заболевания был недостаток витаминов в однообразной «морской кухне». Для начальной стадии болезни характерна ломота в конечностях и быстрая утомляемость, потом возникают гнойники, начинают выпадать зубы, появляются внутренние кровотечения, в конце концов происходит распад костной структуры организма, влекущий за собой смерть. Очень часто на ранней стадии заболевания происходит отек неба и десен, так что больной уже не в состоянии принимать пищу.

Для придания наибольшей объективности повествованию кажется уместным еще раз обратиться к свидетельству очевидца. Это мекленбуржец Карл Фридрих Беренс, который в 1722 году в составе голландской экспедиции под руководством Якоба Роггевена пересек южную часть Тихого океана. Беренс значительно более красочно, чем его итальянский предшественник, описывает, как свирепствовала цинга:

«На кораблях от мертвых и больных людей исходил ужасный запах. Только от него запросто можно было заболеть. Больные так душераздирающе выли и стонали, что могли разжалобить даже камень. От цинги одни стали худыми и немощными, словно смерть. Эти люди умирали, сгорая как свечи. Другие же, напротив, растолстели и раздулись неимоверно. Эти перед своим концом впадали в буйство. У некоторых из них открывался кровавый понос. Но за два-три дня до смерти они извергали из себя вместо крови кучу скверной и мерзкой кашицы серого цвета, очень похожей на серу. Как только это наступало, с ними все было кончено. Третьих цинга совершенно скрючила. Они передвигались на карачках, помогая себе руками и коленями».

Неизвестно, сколько людей из флотилии Магеллана тогда «сгорели как свечи». В списках умерших значатся всего лишь девять человек. Историк Эррера говорит о двадцати, а Пигафетта в использованной нами копии заметок называет двадцать девять человек. Сохранился, видимо, только список членов экипажа, умерших на «Виктории», и похоже, что их общее число, сообщенное Эррерой, наиболее близко к истине. Среди умерших был и Вашку Галлегу, португальский кормчий, пытавший счастья в Испании. Это доказывает, что голодали все, что содержимое тарелок из капитанских кают ничем не отличалось от содержимого мисок «людей с бака». И вот становится реальностью то, что предсказывал Магеллан, но вряд ли воспринимал всерьез, - пустили в пищу кожаную обтяжку рей.

13 февраля пересекли экватор. Встает вопрос, почему генерал-капитан продолжает следовать прежним курсом на северо-запад? Ведь он уже находится на широте конечной цели его путешествия. Один из кормчих сообщает об имеющихся у Магеллана сведениях, будто бы на Молуккских островах нельзя будет пополнить запасы провизии, поэтому

он решил сначала достичь Азиатского материка. Звучит не очень убедительно. Скорее всего, генерал-капитан опасается, что удручающее состояние его флота вызовет у португальцев на Молукках желание дать отпор. И, конечно же, вводят в заблуждение неверные представления об общей картине мира. Он считает, что Азия вот-вот покажется на горизонте. 23 февраля, уже на двенадцатом градусе северной широты, он вынужден сдаться. Сначала поворачивают на запад, затем - на юго-запад, навстречу земле Каттигара. Под этим понятием руководители флотилии, видимо, имеют совершенно обобщенно в виду Юго-Восточную Азию. Возможно также, что имеется в виду Каттигара Птолемея, который предполагал, что она лежит на сто восемьдесят градусов восточнее Канарских островов и на восемь с половиной градусов южнее экватора, и подразумевал под ней, скорее всего, полуостров Малакку.

Но 6 марта на горизонте возник не материк, а архипелаг из трех островов. Сразу же направились к самому крупному из них. Все словно зачарованные разглядывают остров: на севере светлые скалы высоко вздымаются прямо из моря, к югу местность понижается; тут и там видны коралловые рифы; весь остров покрыт негустыми лесами и пальмовыми рощами; казуарины, похожие на кустарник, окаймляют песчаный берег, от которого отделилось навстречу кораблям множество лодок с балансирами. Это юркие, пестро раскрашенные суденышки, которые движутся с помощью треугольного паруса из листьев пандануса, «перепрыгивая с волны на волну, словно дельфины». И нос, и корма у них совершенно одинаковые. Испанцы заметили, что лодки прибывших двигались то носом, то кормой вперед, причем балансир постоянно поворачивали по ветру. Сидевшие в них люди были хорошо сложены, с кожей светло-коричневого оттенка и гладкими черными волосами. Одежда их как нельзя лучше гармонировала с солнечной тропической местностью: плетенные из пальмового лыка фартуки и шапочки из пальмовых листьев. Само собой разумеется, островитяне не имели ни малейшего представления о правовом понятии собственности: «Жители того острова поднялись на корабли и буквально ограбили нас, да так, что ничего нельзя было поделаться. Когда мы легли в дрейф и собирались убрать паруса, чтобы причалить к берегу, они тут же украли маленькую весельную лодку, которая была укреплена на корме флагманского корабля. Это его [Магеллана] очень рассердило». Историк Эррера сообщает, что пришлось даже воспользоваться пушками и убить многих аборигенов, прежде чем они покинули корабли. Бесспорно, эта встреча людей разного уровня культуры и общественного развития проходит таким образом, что вызывает у сегодняшнего наблюдателя чувство неловкости. Наконец «разбойники» были выдворены с кораблей, а флотилия продолжала всю ночь дрейфовать недалеко от берега, чтобы не подвергнуться еще раз подобному паломничеству. На следующий день ранним утром Магеллан с сорока людьми высадился на берег.

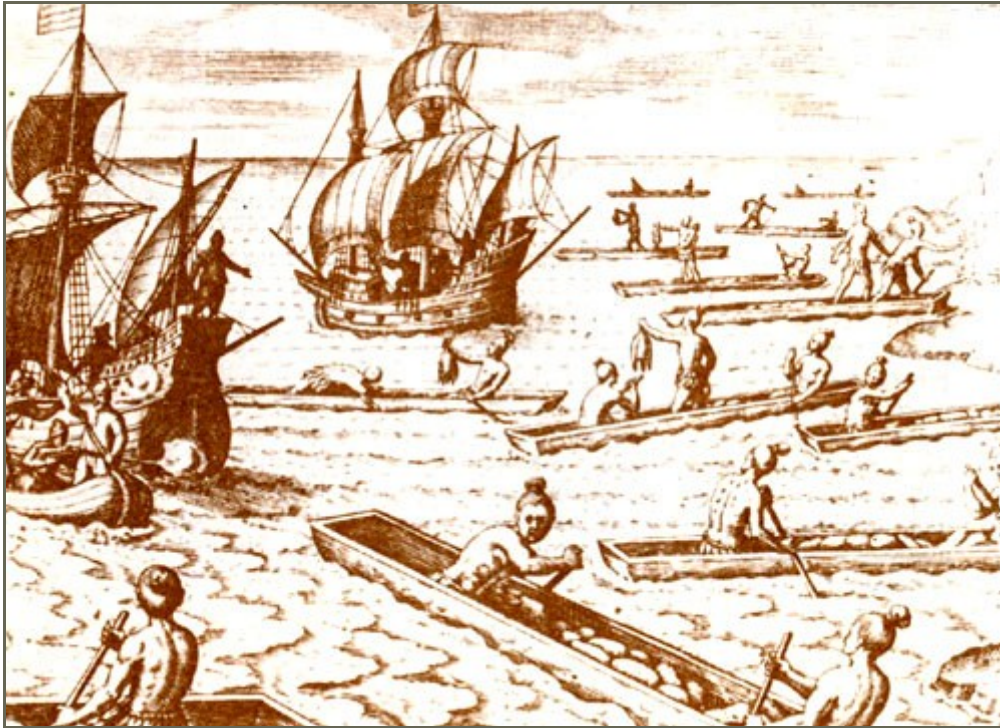
Его намерения совершенно ясны. Никому даже не приходит в голову, что можно понять друг друга, не пуская в ход арбалеты и аркебузы. Нам

следует помнить, что Магеллан и некоторые его офицеры научились на португальской службе в Индии презирать права других народов. Непрекращающееся разграбление чужих стран от имени короля было для них весьма почетным делом, напротив, кража нескольких безделиц, тем более лодки его королевского величества, показалась кощунством и варварством. Итак, идет подготовка к бою. Больные просят принести им внутренности убитых островитян, так как думают, что такая пища поможет им вылечиться. До нас не дошли сведения, была ли выполнена их просьба, последующие события и без того достаточно отвратительны. Все происходит без малейшего затруднения. После первых выстрелов европейцы уже победили. Семь трупов валяются на земле, сорок-пятьдесят хижин поджигаются. Как замечает Пигафетта, местные жители были вооружены только копьями с наконечниками из рыбьих костей, они даже не знали лука и стрел. «Каждый раз, когда мы ранили аборигенов, пронзая их стрелой, часто насквозь, они удивленно ее разглядывали, пытались вытащить и, наконец, не сходя с места погибали».

Правда, хронист во время пребывания на острове успевает разузнать как можно больше об образе жизни местных жителей. Он, например, упоминает, что некоторые мужчины имели бороды, длинные до пояса волосы носили в пучке, завязанном сзади узлом, их идеал красоты - выкрашенные в красный или черный цвет зубы. Такой цвет зубы приобретали, видимо, из-за листьев бетеля, которые островитяне постоянно жевали. Но летописец за столь короткое время не успел это установить. И конечно, он не может знать, что перед ним представители народа чаморро, распространившегося из юго-восточной части Азиатского континента и заселившего здешние острова. Они будут испанцами поголовно истреблены. Чаморро были ловкими и умелыми рыбаками и мореходами, знали в отличие от живших восточнее народностей Тихого океана гончарное дело, изготавливали ткани из луба деревьев, а также достигли удивительных высот в области культуры. Доказательства тому мы обнаружим на соседнем Тиниане. Там сохранились опорные столбы гигантских свайных построек, достигающие четырех метров высоты.

Питаются островитяне, сообщает далее Пигафетта, рыбой, кокосовыми орехами, бататом, «фигами длиной с ладонь» [видимо, бананы] и мясом разных птиц, их жилища «построены из дерева и крыты досками и связками листьев фигового дерева... спят они на очень мягкой пальмовой соломе, все помещения, как и постели, очень чистые и застелены пальмовыми циновками». Даже женщин успевает рассмотреть жаждавший знаний итальянец: «Они симпатичны, нежны, кожа у них светлее, чем у мужчин, их очень черные волосы распущены и ниспадают с плеч.

В поле они не работают, а остаются в хижинах и делают одежду и корзины из пальмовых листьев... Некоторые женщины натирают тело маслом кокосовых орехов и конопли».

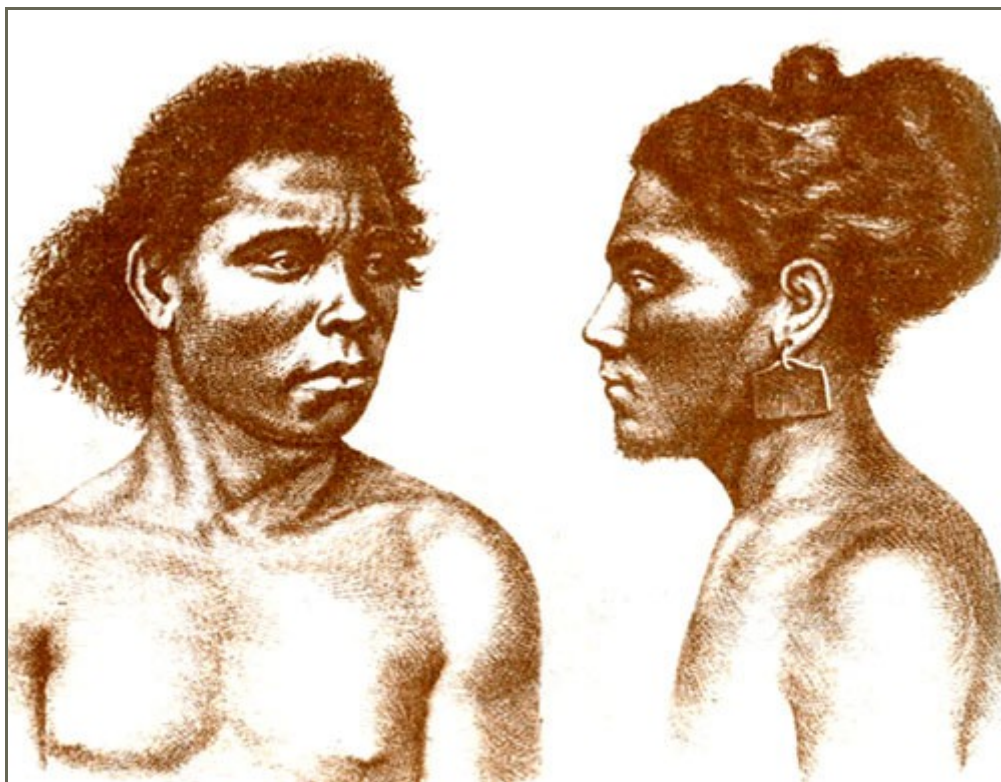

Европейские корабли у Марианских островов. Рисунок из мастерской де Бри (1599)

Неизвестно, когда он собрал такие сведения, дошло ли до меновой торговли или необходимые продукты были просто отняты силой. Последнее наиболее вероятно, так как при отплытии 9 марта флотилию преследовали лодки местных жителей. На испанцев обрушился град камней. Опять моряки восхищаются ловкими суденышками. Те, кто ими правит, проявляют презрение к громоздким каравеллам - они проворно проскальзывают между кормой каравелл и пришвартованными к ахтерштевню лодками. Поэтому Магеллан назвал те земли *Islas de las Velas Latinas* (острова Латинских парусов), но скоро название *Islas de los Ladrones* («Воровские» острова) снискало большую популярность. В наше время это открытие Магеллана известно как Марианские острова, названные так в честь одной из испанских королев. А остров, где все это случилось, был, судя по всему, Гуам.

Оттуда флот движется на юго-запад, пока на горизонте опять не появляется земля. Это остров Самар на востоке Филиппин. Генерал-капитану он показался населенным. Не желая повторения каких бы то ни было инцидентов, Магеллан поворачивает на юг, к безлюдному, видимо, островку Хомонхон. Как только бросили якоря, он распорядился доставить больных на берег и устроить в палатках, а также велел забить для них свинью - самое ценное из захваченной на Гуаме провизии. Вот и закончились «три месяца и двадцать дней». Несколько удивительным кажется то обстоятельство, что Магеллан регулярно навещает хилых и больных. Он внушает им не падать духом и не унывать, самым слабым собственноручно разликает и подает кокосовое молоко. Что подвигло сего сурового мужа на самаритянскую службу? Не благодарность ли за все, ведь он подозревает, что открытый им еще неизвестный в Европе архипелаг является мостом в царство пряностей. Знает ли он, что

сбылась мечта Колумба? Лес с буйной растительностью, из которого доносится пение птиц, переливающихся всеми цветами радуги, бамбуковые рощи, запах сандалового дерева, витающий в воздухе, - это же Индия! Эти пальмы с разлапистыми, похожими на перья листьями он видел раньше в Гоа, а теми сверкающими орхидеями с цветами наподобие бокала он любовался уже в Малакке.

Микронезийцы с островов Палау и Каролинского архипелага. Иллюстрация из "Народоведения" Ратцеля (1887)

Архипелагом Святого Лазаря называет Магеллан новый островной мир, так как он был открыт в день святого Лазаря. Может быть, сам святой заступник взирает сейчас с удовлетворением с небес на выздоравливающих больных и увечных.

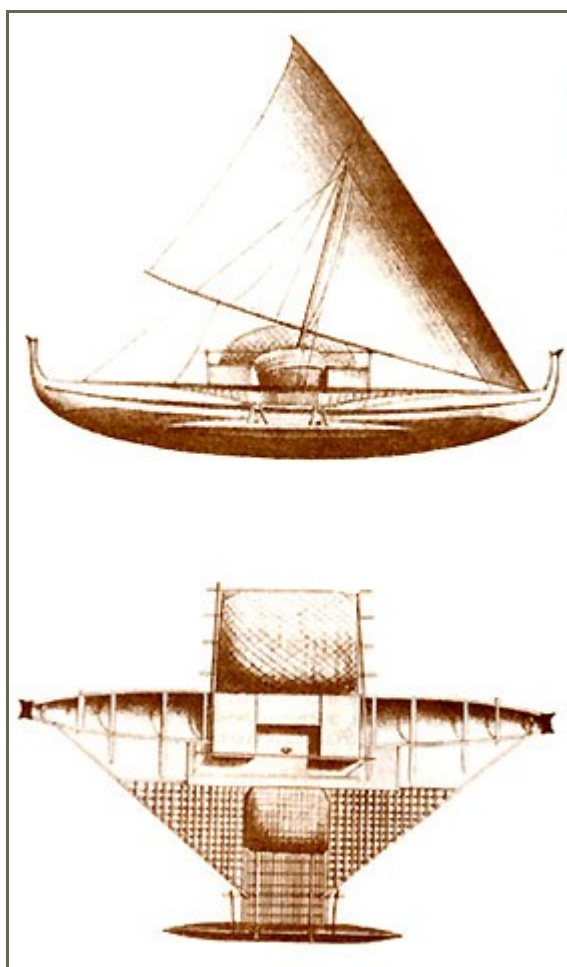
Триумф и трагедия

Мы жизнью наслаждались до упоения
только тогда, когда дерзали.

Георг Форстер

Уже через два дня после прибытия на Филиппинские острова встретились местные жители. Девять мужчин бесстрашно подплывают к кораблям и, как показалось Пигафетте, проявляют большое дружелюбие. Поймут ли прибывшие малайского раба Энрике, знают ли они что-нибудь о драгоценных пряностях? Но попытка Энрике не увенчалась успехом. Тогда Магеллан велит продемонстрировать образцы, которыми его снабдила Каса де Контратасьон: гвоздику,

корицу, перец, мускатный орех, имбирь, золото. Без удивления, по-деловому, выкрикивая незнакомые слова, осмотрели гости выложенные вещи и заявили, что все это есть поблизости. Счастливым, многообещающим миг в жизни Фернана де Магеллана! На радостях он велит пажам угостить гостей, которые, по всей вероятности, просто проплывавшие мимо рыбаки, и дарит им «красные колпаки, гребни, колокольчики, ленты и другие вещицы». Смущенные островитяне в свою очередь передают ему все, что у них было с собой: немного пальмового вина, несколько кокосовых орехов и рыбу. Они обещают через четыре дня снова приплыть и привезти продукты. Магеллан велит дать залп из нескольких пушек. Таким образом, он демонстрирует островитянам не только радушие, но и мощь. Матросам едва-едва удается удержать этих достойных сочувствия детей природы, пытавшихся прыгнуть в воду, так их напугал грохот залпов. Расстанутся они, однако, вполне дружелюбно.

Балансирные лодки с Каролин. Иллюстрация к отчету об экспедиции Дюмон-Дюрвиля (1883)

Остров оказался надежным убежищем. Уверенность в благополучном исходе успокоила умы. Местность назвали Воды Доброго Предзнаменования, так как на острове кое-кто заметил в родниках золотоносный песок. Самое благоприятное воздействие на изнуренных людей оказали кокосовые орехи: их молоко и приятная мякоть очень быстро поставили больных на ноги. Поэтому нет ничего удивительного, что записи Пигафетты пестрят хвалебными отзывами о кокосовой

пальме. Ведь ее дары не только подкрепляют европейцев, но и являются основой питания для всех жителей тех областей мира. Например, он описывает, как делаются зарубки на деревьях, чтобы получить сок для приготовления вина, как из волокон, сдираемых со «скорлупы» кокосовых орехов, плетут канаты и циновки, а из сердцевины получают масло.

Через четыре дня, сдержав обещание, снова появляются местные жители. Они привозят пальмовое вино, апельсины, кокосовые орехи и петуха. Кое-кто из них носит в ушах золотые серьги или браслеты на руках. Записи показывают, с каким вождением рассматривают испанцы эти вещи. Итальянец назвал услужливых островитян кафрами²⁷ - обобщающее понятие для всех темнокожих людей, не исповедующих христианство. В скором времени ему придется столкнуться с многочисленными этническими группами малайского и индонезийского происхождения, которые он не различает, поэтому впредь речь может идти только об индонезийцах и малайцах в целом. Удалось установить, что первые филиппинцы, с которыми тогда столкнулась экспедиция, относились, по всей вероятности, к племенам висайя²⁸. Пигафетта также сплошь и рядом упоминал королей, но этот титул не следует принимать всерьез, так как речь идет всего лишь о феодальных князьках, в лучшем случае о правителях островов.

В Индонезии уже в XII веке достигло расцвета феодальное индуистское государство, которое сначала возникло на Суматре, а столетие спустя распространилось на большую территорию Явы и полуострова Малакка. Жители же Филиппинских островов находились в описываемый период все еще на стадии первобытнообщинного строя. Лишь на Лусоне, Себу и островах Сулу сформировался феодализм. Это произошло под влиянием империи Маджапахит, существовавшей приблизительно до 1520 года на Яве. Империя Маджапахит, так же как и предшествовавшая ей империя Шривиджайя, была индуистским государством, власть которого простиралась не только на названные острова, но и на Минданао и Ириан. Империя пала, когда на рубеже XV-XVI веков ислам полностью захватил весь этот регион и когда мусульманские феодальные владыки противопоставили распространенному здесь ранее индуизму собственное мировоззрение и религию. Таким образом, Магеллан и его соратники оказались здесь, как и португальцы в Индии и испанцы в Центральной Америке, в благоприятный для осуществления своих целей исторический период.

Индонезийские острова Калимантан, Тимор и Молукки, на которых побывают корабли Магеллана, также находились под влиянием империи Маджапахит. И там европейцы появились как раз в то время, когда правившие прибрежными территориями островов феодалы стали освобождаться из-под вассальной зависимости империи и начали создавать исламские княжества. Этим объяснялись частые военные конфликты, о которых мы еще услышим и в которых примут участие испанцы. Если бы они встретили земли, принадлежавшие государству с

высокой культурой, о которой свидетельствуют храмовые постройки Боробу-дура на Яве, имевшему прочные связи с Китаем и Индией, вполне возможно, что им бы пришлось ограничиться ролью просветителей. Гостеприимные островитяне, передавшие на Хомонхоне Магеллану и его спутникам дары своей земли, бесспорно, были не князьями, а подданными. О том говорила и их одежда: продетые между ногами и обмотанные вокруг бедер куски материи и «хлопчатобумажные платки на голове» (тюрбаны). Они прекрасно ориентировались в здешних водах, Магеллан получил от них весьма ценные указания о дальнейшем пути. Хрониста же экспедиции в основном интересовали всякие странности; он, например, развлекает читателя рассказами о жителях расположенного рядом острова, у которых «в ушах такие большие дыры, что они могут в них просунуть руки».

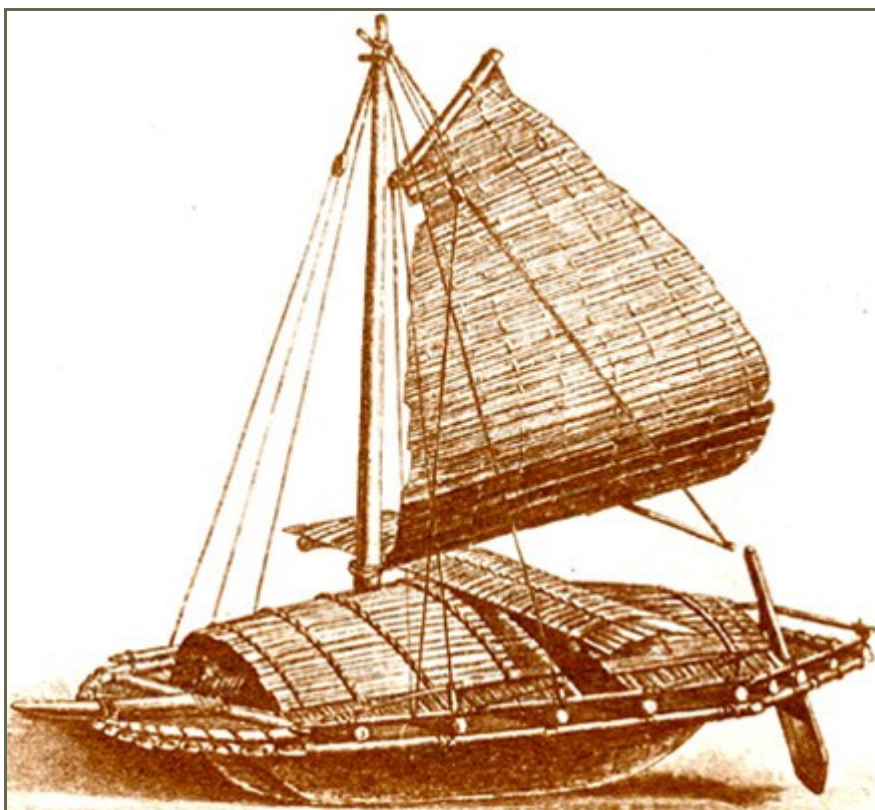
25 марта, когда уже все было готово к отплытию, экспедиция чуть было не лишилась своего старательного летописца. Он решил заняться рыбной ловлей и, перелезая через снасти, упал за борт. Этого никто не заметил. Но трос, свисавший с грот-мачты, касался воды (весьма серьезный беспорядок на судне), поэтому итальянец смог за него ухватиться и удержаться, пока его крики о помощи не были услышаны. Поспешившие на лодках матросы спасли его, но, как считал сам потерпевший, «то была не столько наша заслуга, сколько доброта и милость богоматери».

Через три дня становится очевидным, что кильватер флотилии соединил Европу и Азию: заметив предыдущей ночью неподалеку огни, каравеллы взяли на них курс и оказались на острове Масао. Путешественники, встреченные рыбаками вначале настороженно, «через два часа увидели две длинные лодки - здесь их называют балангаи, - полные людей. В самой большой из них под навесом из циновок восседал король. Они быстро приблизились к флагманскому кораблю, и упомянутый раб [Энрике] заговорил с ним, и они поняли друг друга, потому что в той стране короли знают языков больше, чем простые люди». Круг замкнулся.

Слиток золота, подарок князя, который передают Магеллану, генерал-капитан вежливо отказывается принять. Император приказывал вести себя именно так, чтобы местные жители, доселе неизвестные европейцам, не догадались, как высоко ценят испанцы этот сверкающий фетиш.

В страстную пятницу Энрике отправляется на остров с заданием попросить у правителя продукты. Он сообщает, что всебудет должным образом оплачено. Армада прибыла с мирными намерениями. С явным облегчением раджа Каламбу и его приближенные поспешили на флагманское судно. Они доставили туда фарфоровые миски, полные риса, и несколько рыб, проявив готовность выполнить любое желание пришельцев. Магеллан действует осмотрительно. Он дарит гостю роскошное одеяние, заключает с ним, согласно обычаю, кровный дружественный союз, показывает сокровища, которыми полны трюмы

его кораблей. Но это лишь прелюдия к представлениям иного рода. Сначала Магеллан приказал дать залп из пушек, что и здесь вызывает панику. Затем «капитан позвал одного из своих солдат при полном вооружении и в доспехах, а три товарища должны были на него нападать с мечами и кинжалами. Это показалось королю просто невероятным. Тогда капитан объяснил через раба, знающего язык, что человек, вооруженный подобным образом, стоит сотни его людей, и король не мог не признать правдивость утверждения. Капитан добавил, что на каждом корабле находятся по двести таких воинов».

Лодка тагалов с Лусона (Филиппины, по Ратцелю)

После подобных недвусмысленных предупреждений Магеллан просит, чтобы двоим из его людей разрешили осмотреть остров. Это допускается; одним из посланцев стал Пигафетта. Все еще полный благодарности деве Марии за счастливое спасение, итальянец теперь принимает на свою душу тяжкий грех. Сначала его вводит в заблуждение местный обычай здравиц, так как здесь было принято грозить кулаком тому, за чье здоровье пили. Затем подают вареную свинину. И кто же осудит Пигафетту, если он до отказа набивает свой желудок, несмотря на то, что сейчас день самого строгого поста. Это не все - предстоит еще ужин и второй обед с «принцами». Конечно, не остается незамеченным, как изголодались пришельцы. Хронист сообщает, что после свинины, запеченной с рисом, рыбы, приправленной имбирем, и других блюд его товарищ свалился под стол в глубоком беспамятстве. Сам же Пигафетта находит время записать несколько курьезов, а окружающим не надоедает с восторгом наблюдать за росчерком его пера. Потом итальянца отводят в хижину, где все приготовлено для ночлега.

На следующее утро Пигафетта и его спутник вместе с раджей Сиаиу (или Сиани), братом правителя острова, прибыли на флагманский корабль. Брат правителя владеет землями, о которых с восторгом сообщают, что там найдены места, где имеются самородки золота размером с грецкий орех или яйцо. Действительно, во время завязавшейся меновой торговли было замечено, что этот металл здесь не слишком высоко ценится. Например, Магеллан пробовал дать местному жителю за продукты вместо обещанного ножа несколько золотых монет, но тот не согласился и настоял на своем. В другой раз «украшение из чистого золота тонкой работы выменяли на шесть ниток бисера... Но капитан не разрешал подобные сделки, чтобы островитяне думали, что наш товар мы считаем более ценным, чем их золото». За запретом, однако, скрывается нечто большее. Колумб приказывал без всякого сочувствия отрезать носы и уши тем солдатам, которые по собственной инициативе выменивали или грабили золото. Там, где мерцало золото, конкистадоров едва ли можно было удержать в повиновении - Магеллан тоже угрожал ослушникам смертной казнью.

Вот как описывает Пигафетта появление раджи Сиаиу на «Тринидаде»: «Черные как смоль волосы ниспадали на плечи, платок [тюбан] покрывал его голову, в ушах у него было по две большие серьги, от пояса до колен он был обернут куском хлопчатобумажной ткани с шелковой вышивкой. Сбоку в резных ножнах из дерева он носил кинжал с позолоченной рукоятью. Его тело цвета дубленой кожи было все сплошь разрисовано и натерто стираксою и бензоем [эфирным маслом стираксового дерева]. Подданные его и брата - язычники - любят разрисовывать себя и ходят практически без одежды, за исключением куса полотна, которое они получают от некоего дерева и которым обматывают бедра. Женщины от пояса обернуты в хлопчатобумажную ткань. Их черные волосы ниспадают почти до земли, в ушах они носят своеобразные золотые серьги. Островитяне почти постоянно жуют плод, напоминающий грушу и названный арека. Его делят на четыре части, заворачивают в листья дерева, которое дает эти плоды, и добавляют немного извести. Эту смесь, после того как она уже основательно прожевана, они выбрасывают. Из-за этого рот у них становится густокрасным. Почти все жуют плод, так как он заметно прибавляет силы, да и жара стоит такая, что без этого многие не могут жить». Последнее утверждение слишком преувеличено. И жуют аборигены смесь, завернутую в листья не арековой пальмы (в ее состав входят только семена ареки), а в листья бетеля (*Piper betle*). И все-таки наблюдательность Пигафетты просто восхищает. Эта слаботонизирующая алкалоидная смесь, содержащаяся в семенах арековой пальмы, до сих пор употребляется во всем малайском мире.

Изображение кокосового и финикового деревьев, а также арековой пальмы. Рисунок из мастерской де Бри (1600)

31 марта Магеллан хочет отпраздновать особенно торжественно. Правоммерно допустить, что он организует этот праздник не только в честь пасхи, но и по поводу годовщины мятежа в Сан-Хулиане. За минувший год он открыл морской путь, который безуспешно искали Колумб, отец и сын Каботы, Веспуччи, Пинсон, Солис, и первым пересек океан, отделяющий Америку от Азии. Теперь острова Пряностей в доступной близости, ему даже посчастливилось открыть для своего императора архипелаг, богатый золотом. Но Магеллан не удовлетворен, не ведает успокоения. Ко многим задачам, которые он так упорно пытается решить, Магеллан добавляет еще одну - обращение местных жителей в христианство.

Праздник действительно удался на славу. Пятьдесят человек, «одетые так торжественно, как только было возможно», отправились на берег, где поставили палатку из парусного полотна и воздвигли алтарь, который украсили листьями и цветами. Раджа Каламбу и его брат Сиаиу усаживают генерал-капитана в центр, вслед за ним целуют распятие, повторяя чужие молитвы. С кораблей гремит салют. Религиозная часть праздника завершается торжественным ужином и благочестивыми песнопениями. Затем следует нечто более земное. Магеллан велит для развлечения гостей продемонстрировать искусство фехтования. Потом приносят большой деревянный крест и терновый венец. Магеллан объясняет, что это символы могущества его государя. Их нужно водрузить на самом высоком месте острова, тогда ни один европеец не посмеет причинить им неприятности, кроме того, крест защитит их от непогоды и штормов. Правда, каждый день надо на него молиться.

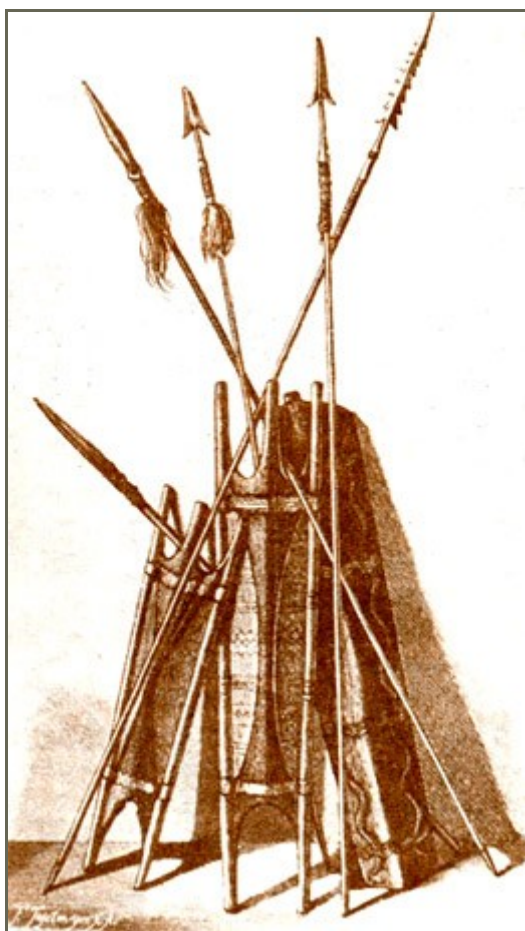
Так как он хочет выяснить, известна ли островитянам идея о едином боге, Магеллан выпрашивает у Каламбу и Сиаиу о всевышнем, которому они воздают молитвы. Видно, Пигафетта плохо расслышал ответ, когда написал «Абба». Таким образом, он остался в неведении относительно того, что здесь ислам опередил христианство. А его командира этот мнимый успех на религиозном поприще побудил к самонадеянному замыслу: если у раджи есть враги, то генерал-капитан обязуется со своими кораблями и солдатами на них напасть и заставит их покориться Каламбу. На это раджа ответил, что действительно жители двух островов ему не подчиняются, но сейчас неподходящее время года для нападения.

Создается впечатление - ситуация еще повторится, - словно Магеллан планирует обратить уступчивых правителей в христианство, упрочить их власть и с их помощью колонизировать открытые местности. Похоже, что военный риск подобных намерений не вызывает у него никаких сомнений, и в то же время Магеллан, как и многие современники, поддавался соблазну, который исходил от покорения Мексики Эрнаном Кортесом. Без сомнения, генерал-капитан стремился к тому же, но в отличие от его образца Магеллану уготована, по выражению Пигафетты, «злая судьба».

Наконец генерал-капитан собрался двинуться дальше. Он расспрашивает о гаванях, где можно было бы получить достаточно провизии и одновременно привести в порядок корабли. Называются ближайшие - Лейте, Минданао и Себу. Последняя, по-видимому, самая подходящая. Магеллан решает немедленно плыть туда, «потому что так распорядилась его злая судьба». Раджа Каламбу даже вызывается быть лоцманом, но так как его задерживает сбор риса, испанцы готовы помочь в уборке урожая. Сначала их силы остаются неиспользованными, потому что, как неодобрительно замечает Пигафетта, князь постоянно пьян. Но затем урожай совместными усилиями собран, и 4 апреля флотилия снова подняла паруса. Испанцы поплыли на северо-запад вдоль побережья острова Лейте и мимо острова, на котором, по сообщению итальянца, ловят летучих мышей размером с орла. На первый взгляд это сообщение может показаться сомнительным, так же как и заявление, что по вкусу они напоминают кур. Тем не менее, его, казалось бы, преувеличенные описания нашли со временем подтверждение. Но каким чудом показались отзывчивому Каламбу парусная оснастка и ход европейских кораблей: его собственная парусная лодка не могла угнаться за флотилией, и он в конце концов перебрался на «Тринидад», чтобы и дальше исправно нести службу лоцмана.

Через три дня после отплытия с Масао Каламбу привел флот к берегам Себу. Очевидно, остров плотно населен, так как вдали виднеются хижины на сваях, а на берегу собралось более двух тысяч местных жителей. Их привлек сюда не столько странный вид европейских кораблей, сколько церемониал, с каким флот подходил к берегу: «Мы

подплывали к столице, поэтому генерал-капитан велел поднять на кораблях все флаги, затем мы приспустили паруса, как это принято в бою, и дали залпы из нескольких пушек, от чего люди на берегу в безумном страхе попадали на землю».

Оружие туземцев с Филиппинских островов (по Ратцелю)

Такой воинственный образ действий довольно осложняет первые переговоры с раджей острова Себу. Энрике и другой посла нец встретили на берегу возбужденных островитян, готовящихся отразить предполагаемое нападение. Потребовалось немало усилий, прежде чем ловкий на язык малаец переубедил вождей и доказал, что залпы были произведены только в знак приветствия. Его господин, объясняет он радже, подданный самого могущественного в мире короля, следует на Молуккские острова. Но на Масао он услышал о силе и великодушии правителя острова Себу и решил прибыть сюда, чтобы соединить приятное с полезным (выгодами от будущей взаимной торговли). Эти красноречивые слова достигли цели, но раджа все-таки настаивает на том, чтобы была выплачена положенная пошлина за стоянку флота в гавани. Итак, испанцы впервые столкнулись с достаточно хорошо организованной властью. Посланцы «самого могущественного в мире короля» вовсе не намерены оказывать «князьям диких народов» что-либо большее, чем чисто номинальные почести. Кажется, конфликта не избежать. К счастью, в гавани как раз находилось судно сиамского купца, который знал о португальских завоеваниях на Востоке. Именно

его сообщениям о военной мощи чужеземцев да стараниям Каламбу испанцы обязаны тем, что удалось избежать кровавой стычки.

Целых два дня длятся переговоры. Магеллан пытается оказать давление на ход переговоров разного рода уловками и завуалированными угрозами. Сиамцу он демонстрирует одного из своих латников и просит передать радже, что покарать врагов своего короля он может с такой же легкостью, как смахнуть пот со лба. 9 апреля Магеллана на флагманском судне посещает племянник раджи, он является также престолонаследником. Генерал-капитан, перед которым тот низко склонил голову, сейчас совсем не похож на человека, каким он был еще месяцы назад. Сейчас он - сама надменность: сидя в кресле, обитом красным бархатом, он указывает гостям на их места. Его первый вопрос: имеют ли прибывшие достаточно полномочий, чтобы подписать договор? И еще кое-что изменилось. Высказанное раджей пожелание мира и освобождение от пошлины он воспринимает как нечто само собой разумеющееся.

Почти все, что он сейчас объявляет и чего требует, касается обращения островитян в христианство. Он порицает некоторые их обычаи, обучает библейской истории, красочно описывает радости истинной веры. Религиозность Магеллана не лицемерна. Это доказывает высказанное им в адрес островитян предостережение, что они ни в коем случае не должны креститься из страха или в расчете на какие-либо выгоды; они должны принять христианство добровольно и бескорыстно. И хотя Магеллан глубоко уважает веру их отцов, он не может утаить, что только те из них, кто будет молиться на крест, смогут быть уверены в наилучшем, доброжелательнейшем отношении к ним испанцев и его лично.

Это говорит глубоко религиозный Магеллан, которого мы знаем по второму завещанию. Здесь звучат, конечно, далеко не те ноты бескомпромиссного боевого клича крестоносцев "Deus vult!" («Так хочет бог!»), и все-таки многие определяющие черты характера этого человека типичны не для Ренессанса, а для минувшего незабвенного времени иберийского рыцарства. Вспомним хотя бы других первооткрывателей этой эпохи, проповедовавших вдали от родины веру Христову, но проявлявших чисто земной интерес к счетам, которые им вел банк святого Георгия в Генуе. Для генерал-капитана же доверчивое участие его слушателей значит так много, что, по сообщению Пигафетты, впервые после открытия пролива на глазах Магеллана он увидел слезы.

Мужчина с филиппинского острова Лусон (по Ратцелю)

После того как был полностью произведен обмен подарками, хронист и один из офицеров решили посетить раджу острова Себу. Правитель принял их. Он сидел на циновке из пальмовых листьев в окружении своих придворных. Вот как Пигафетта описывает раджу: «Он был почти обнажен, только поясница обмотана куском материи. Голова повязана свободно ниспадающим платком, расшитым шелком. На шее у него красовалась дорогая цепь, в ушах золотые серьги с драгоценными камнями. Это был коренастый, очень тучный человек, его лицо было покрыто разнообразной татуировкой. Пищу он брал с циновки, которая лежала перед ним на полу; мы наблюдали, как он ел черепаший яйца, выложенные в две фарфоровые мисочки. Рядом стояли четыре кружки, наполненные пальмовым вином, которое он потягивал с помощью тростниковой соломинки».

Европейцы приняли участие в трапезе. Энрике еще раз подтвердил их добрые намерения. Наконец вручены подарки и пришельцы с бросающейся в глаза поспешностью покидают резиденцию раджи. Это нарушает ход необычного пиршества, но итальянца, возможно, влекут «этнографические» исследования: «Принц, племянник раджи, проводил нас до своего дома и познакомил с четырьмя девушками, которые играли на приятно звучащих музыкальных инструментах. Музыка производила весьма приятное впечатление... Девушки были красивы, белокожи и почти такого же роста, как наши. Они были почти нагие, если не считать плетенки из пальмовых листьев, прикрывающей самые интимные места

от пояса до колен. Волосы у них были длинные и черные, а на лице - крохотная вуаль и больше ничего. Принц нам предложил потанцевать с тремя из них».

Женщина с Лусона (по Ратцелю)

Вот так, хорошо повеселившись, посольство возвращается на борт. Однако два других члена экипажей, добровольцы Мартин Баррета и Хуан де Ароче, оказались менее крепкими и удачливыми: не перенеся лишений плавания, они умерли на Себу. Раджа разрешил похоронить их в центре поселка. Товарищи, устроившие столь великолепное погребение, и не подозревают, что многие также останутся здесь навсегда, только похоронят их со значительно меньшими почестями.

Тем временем остальные члены экипажей заняты «оценкой» привезенных кораблями товаров. Так как местные жители прибегают к мерам веса, сопоставимым с европейскими, торговля протекает без осложнений. Она удивительно выгодна: «Они давали нам десять кусков золота за четырнадцать фунтов железа.

Каждый кусок золота был стоимостью в полтора дуката». За всякую безделку получали свиней, рис и другие продукты.

Усилия Магеллана на религиозном поприще также вознаграждаются. 14 апреля властитель Себу Хумабон решил принять христианство. Чтобы не создалось впечатление, будто генерал-капитан погряз в

миссионерских делах, следует заметить, что крещение «короля» должно было принести настоящую материальную выгоду. Хумабон получал не только божеское благословение, но и становился подданным испанского владыки. Все события имеют самое что ни на есть мирское значение. Если раджа выбрал нового бога, значит, он отдал себя в распоряжение его наместника на земле.

Итак, пышные церемонии и политика определяют происходящее. Наконец сам Магеллан решает сойти на берег. Как только он ступил на берег, загрохотали пушки. За генерал-капитаном идут сорок празднично одетых матросов, впереди два латника несут знамена испанского императора. Хумабон и Магеллан обнимаются, следуют сквозь толпу к высокому помосту, украшенному коврами и ветками пальм: «После чего капитан сказал королю... о своей благодарности всевышнему за то, что он наставил короля на путь истинный, озарил великой верой - христианством. Теперь ему [Магеллану] будет легче, чем прежде, покарать его [Хумабона] врагов. Король ответил, что полон благих намерений жить в христианстве, но некоторые из его вельмож проявляют непокорность, думая, что они ему равня. Тогда капитан велел призвать знатных людей и заявил, что он их всех убьет, а земли передаст королю, если те не подчинятся».

Как и следовало ожидать, в один день раджа Себу стал единоличным правителем острова. Но дело этим не кончается. Магеллан заверяет, что скоро вернется с еще более сильным войском и сделает его самым могущественным монархом этого островного мира, ведь он первым принял христианство. Осененные крестом, который воздвигают перед помостом, оба повелителя могут обсудить выгоды их союза, так как сейчас поле деятельности уже принадлежит священникам. Наследник престола, купец из Сиама, раджа острова Масао и еще пятьсот островитян принимают христианство и перед святым крестом клянутся уничтожить идолов прежней веры. Все они получают католические имена. Хумабона отныне называют Карлосом. Церемониал завершает месса. Магеллан может считать, что совершил такое же большое дело, как открытие пролива: он только что вырвал из лап дьявола пятьсот душ, завтра их будет тысяча. Подозревает ли он, что его силы слишком малы, чтобы за несколько дней переменить заведенный веками уклад? Естественно, он может открывать новые народы, но не имеет права переделывать их по своему «образу и подобию». А вдруг островитяне распознают, что бог белых не спасает от стрел?

Вторая половина дня была предназначена для крещения женщин. Галантно и вдохновенно описывает Пигафетта супругу раджи, которая первой принимает крещение и получает христианское имя Хуана: «Королева, очень красивая молодая женщина, была одета в кусок материи черно-белого цвета, губы и ногти - ярко-алые. Головной убор у нее был из пальмовых листьев, а поверх него красовалась корона из тех же листьев, похожая на папскую [тиару]». Пока она со своими сорока придворными дамами ожидает священника, итальянец показывает ей

статуэтку, изображающую деву Марию с младенцем. Как сообщает хронист, княгиня уговорила его подарить ей статуэтку - теперь она будет молиться на нее вместо старых идолов. Ей дарят вещицу, и на этом эпизод мог бы быть исчерпан, если бы не испанский капитан Мигель Лопес де Легаспи. Экспедиция под его руководством в апреле 1565 года обнаружила статуэтку, а также воздвигнутые во время той церемонии кресты совершенно целыми, поэтому прибывшие сюда позже миссионеры назвали местность „Ciudad de Jesus" - Город Иисуса».

К концу дня более восьмисот мужчин, женщин и детей завершили обряд крещения. Они собираются на берегу, чтобы посмотреть фейерверк, устроенный для них генерал-капитаном, любят стрельбой канониров, а «капитан и король называют друг друга братьями». Кажется, все обстоит прекрасно. В ближайшие недели еще две тысячи жителей Себу и близлежащих островов принимают христианство. Ежедневно служитя месса. Магеллан лично, не доверяя никому другому, объясняет новообращенным основы христианской религии.

Прежнее умиление Пигафетты проходит, в его описаниях месс нет уже ничего о самих богослужениях, зато очень много о княгине и великолепно разодетых придворных дамах. И конечно, мы узнаем, что не все правители признали преимущество христианского короля Карлоса-Хумабона: «Мы сожгли поселок, жители которого не желали подчиниться ни нам, ни королю, и воздвигли там крест, так как все они были язычниками. Если бы они были мусульманами, мы воздвигли бы во славу такого выдающегося подвига каменную колонну, так как обратить в христианство мусульман значительно сложнее, чем язычников». Произошло это на острове Мактан, расположенном совсем рядом с островом Себу. Его раджа скоро стал предводителем тех, кто не желал ни опеки пришельцев, ни обращения в христианство, ни мишурного блеска Карлоса-Хумабона. Таких много - этому способствует не только неразумное вмешательство Магеллана в междоусобицы местных правителей за обладание властью, но и самонадеянное поведение испанцев. В одном документе вскользь замечено, что дело дошло до раздоров, так как многие были ослеплены видом местных женщин. Более определенные сведения дает запись в ведомости о довольствии, где сказано, что Магеллан разжаловал своего шурина Дуарти Барбозу и передал командование «Викторией» своему другу и приверженцу Кристобалью Рабело. Легко догадаться, чем занимались Барбоза и компания на берегу в течение трехдневной самовольной отлучки с корабля.

Индонезийское и филиппинское оружие (по Ратцелю)

Такие выходки приносят мало пользы упрочению новой религии. Вскоре генерал-капитан вынужден упрекнуть раджу в том, что его подданные все еще поклоняются идолам и приносят им жертвы. Это случилось, получил он ответ, во благо члена его семьи, самого смелого и мудрого человека страны, который уже несколько дней прикован к постели. Магеллан потребовал, чтобы больного тут же окрестили - весьма показательный, нетерпеливый и бескомпромиссный образ действия в вопросах религии. Более того, он готов присвокупить в залог собственную голову, если больной после крещения не выздоровеет. Смелые, твердые слова, похожие на те, что прозвучали в проливе, когда Магеллан говорил о кожаной обшивке рей. К счастью, залог не понадобился, так как происходит «в высшей степени примечательное чудо нашего времени». Процессия под предводительством самого генерал-капитана направилась к дому больного. Его находят не способным ни говорить, ни двинуться, что, однако, не мешает тут же окрестить его самого, двух жен и десять дочерей. Сразу после крещения больной смог заговорить, через пять дней был полностью здоров. «Когда больной убедился, что выздоровел, он на глазах короля и всего народа разбил изображение идола, которое несколько старых женщин спрятали в его доме. Еще он разрушил и сровнял с землей несколько храмов на берегу, где раньше они поедали принесенное в жертву мясо. Пока островитяне сносили эти постройки, они не переставая кричали: «Кастилия, Кастилия!»

Хотя Фернан де Магеллан сохранил голову на плечах, вдумчивому наблюдателю может показаться, что он ее уже давно потерял. Вместо того чтобы удовлетвориться расположением некоторых князей, завязать

взаимовыгодные отношения и избегать любых конфликтов, он хочет тотчас же преподнести вновь обращенные души своему богу, а императору - новые владения. При этом служителей культа оставляют без пищи, жилые постройки сожгут, людей замучают. Для него, безоговорочно стремящегося свершить Великое, чья воля преодолела и пролив и океан, это будет венцом помыслов, более желанным, чем все пряности Молуккских островов.

В то время как генерал-капитан озабочен искоренением религиозных обычаев, существовавших ранее на острове, Пигафетта фиксирует все, что о них узнает. Например, он описывает обряд жертвоприношения животных, когда после сложного ритуала убивают свинью и принимающие участие в обряде мажутся ее кровью; рассказывает о своеобразных обрядах погребения. В конце концов, Пигафетта в который уж раз поддается игре воображения: он рассказывает о появлении дурного знака, предвестника чего-то ужасного: «Каждую ночь, в полночь, в тот город прилетала угольно-черная птица размером с ворону. Едва она успевала сесть на землю, как все собаки кругом принимались скулить и лаять, визг и вой продолжались пять-шесть часов. Никто так нам и не сказал, что бы это могло значить». Может быть это был Зетерб, патагонский князь Тьмы, из мести последовавшей за ними, или один из обиженных, жаждущих свиной крови богов Себу? Если пришельцев и ждет злой рок, они сами его породили.

Силапулапу, правитель близлежащего островка Мактан, все еще противится обращению в христианство и не повинует Карлосу-Хумабону, хотя один из его поселков сожжен дотла. Магеллан опять требует от него подчиниться радже острова Себу, а флотилии выплатить дань в виде трех мер риса, трех мер проса, трех коз и трех свиней. Он добивается немногого. Один из вождей с острова Мактан по имени Сула посылает своего сына с двумя козами и велит передать, что готов вместе с испанцами воевать против Силапулапу. Это, конечно, коварная хитрость, так как Сула предоставил только одну лодку с экипажем. Все-таки генерал-капитан решается на сражение. Он зашел слишком далеко, чтобы оставить безнаказанным неповиновение какого-то островного князька. Хуан Серрано, боевой товарищ еще со времен индийских походов, пытается доказать Магеллану, что сражение ничего не даст, что затея бессмысленна, результатом ее будет только гибель многих людей. Все напрасно. Даже Карлос-Хумабон не в восторге от плана и проявляет интерес только тогда, когда сам Магеллан решает возглавить поход: «Мы его и убеждали и уговаривали остаться, но он заявлял, что хороший полководец никогда не покидает свое войско». Возможно, Пигафетта и офицеры даже напоминают ему о договоре, заключенном с императором, один из параграфов которого гласил: если дойдет до военных действий, генерал-капитан не должен ни при каких обстоятельствах покинуть флагманский корабль. Магеллан остается мужественен и непреклонен. Везде и всегда он добивался максимального, и в Севилье, и в бухте Сан-Хулиан, и в проливе, и в

злобном океане. Не он, а другие потеряли тогда авторитет, здоровье, а часто и жизнь. Так достойно ли теперь прятаться за чужие спины?!

27 апреля 1521 года после полуночи отдан приказ занять места в трех самых больших лодках флотилии. Шестьдесят вооруженных мужчин в латах и шлемах сели в лодки, захватив с собой несколько небольших орудий. Испанское войско усилено тридцатью лодками с несколькими сотнями воинов раджи острова Себу. Правда, последних Магеллан рассматривал только как зрителей. Они должны оставаться в стороне, пока он будет наказывать всю рать Силапулапу. Это кажется странным - подставляя под удар правителя Мактана свою голову вместо Хумабона, он будет вынужден столкнуться с сотнями, возможно, тысячами воинов. Из слов, с которыми генерал-капитан обратился к участникам будущего сражения, становится понятна причина его самонадеянности: испанцы не должны дать себя запугать числом врагов. Значительно полезнее вспомнить конкистадора Кортеса, который с горсткой решительных людей завоевал империю ацтеков. Тогда двести человек покорили четверть миллиона - господь да пребудет с ними!

Ложный вывод. За три часа до восхода солнца испанцы вынуждены признать, что подходы к берегам острова Мактан усыпаны рифами: лодки европейцев здесь пройти не смогут. Нет возможности доставить на сушу пушки, и, таким образом, испанцы лишены своего главного оружия. Магеллан посылает сиамского купца к Силапулапу. Он предлагает ему свою дружбу, если тот подчинится монарху острова Себу, будет почитать императора Карла V и выплатит требуемую дань. Если он не подчинится, то узнает, как могут колоть испанские копья. Ответ был самоуверен и коварен одновременно: пусть христиане нападают, воины с Мактана тоже имеют копья, хоть и обожженные на кострах. Он просит только, чтобы бой начали с восходом солнца, так как ждет подкрепления. Это кажущееся подтверждение слабости заведет напа дающих в западню. Магеллан не разглядел подвоха и дождался восхода солнца. Что случилось потом, не может никто рассказать лучше свидетеля, Антонио Пигафетты:

«Как только забрезжил день, сорок девять наших людей прыгнули в воду. Прежде чем мы достигли берега, нам пришлось пройтись вброд расстояние двух выстрелов из арбалета, так как лодки из-за рифов и скал не могли подойти ближе к берегу. Остальные одиннадцать человек остались в лодках, чтобы их охранять. Как только мы достигли берега, сразу пошли в атаку. Те люди общей численностью более полутора тысяч человек разбились на три отряда. Едва завидев нас, они устремились вперед с душераздирающими воплями и оглушающими криками - два отряда на фланги, один - в центр. Капитан заметил опасность, поэтому разделил нас на две группы, и мы вступили в бой. Около получаса велся обстрел с дальнего расстояния из мушкетов и арбалетов, но все напрасно, так как выстрелы испанцев почти не пробивали грубые и крепкие деревянные щиты [их противников и только изредка ранили руки. Когда капитан это увидел, он закричал:

«Прекратите стрелять! Не стреляйте!» Но никто его не слушал. Аборигены тоже заметили, что наш ружейный огонь не наносит ущерба. Они подняли невообразимый шум и продолжали стойко держаться. Только отстреляли наши мушкеты, аборигены принялись кричать еще громче, продолжая прыгать туда-сюда, полные страха, однако, не забывая прикрываться щитами. Так они уцелели и потом обрушили на нас такой шквал стрел, бамбуковых копий с металлическими наконечниками, заостренных кольев и камней, что мы еле сумели от него защититься».

Битва на острове Мактан. Рисунок из "Кратких донесений и сообщений" Хульсиуса (1602)

В надежде рассеять войско противника Магеллан приказал нескольким своим воинам поджечь близлежащую деревню. При этом два испанца погибли. Вместе с пламенем разгорались еще сильнее гнев и сопротивление. Островитяне, наконец, поняли, что ноги их врагов не защищены, и стали умышленно туда целиться. Магеллан одним из первых был ранен стрелой выше колена. Он приказал организованно отступить, но только шесть человек, самых преданных, подчинились приказу и не бросили Магеллана. Остальные же в панике кинулись к лодкам, поэтому воинам Силапулапу легко удалось его окружить, так как в нем они распознали командира. Два раза ему сбивали с головы шлем, но «смелый капитан и рыцарь не сдался и вместе с оставшимися с

ним людьми продолжал еще больше часа мужественно сражаться. Так как он был недалеко от берега, одному аборигену удалось ранить его в лицо. Капитан мгновенно проткнул противника его собственным копьем. Потом он схватился за свой меч, но смог его вытянуть только наполовину, так как брошенное бамбуковое копье разворотило ему руку. Как только враги это увидели, они ринулись на него, и один всадил ему большой дротик... глубоко в ногу. Тут генерал-капитан упал лицом вниз. Тотчас же они бросились на него с бамбуковыми копьями и дротиками и злодейски убили нашу отраду и надежду, утешение и светоч, нашего верного предводителя.

Когда они его окружили, он еще успел обернуться, чтобы посмотреть, все ли достигли лодок».

Умирает великий человек. Однажды он гордо возразил консулу Алваришу: «Я буду следовать путем, который выбрал». Путь завершен.

Курс потерянных

Я надеюсь... слава этого благородного капитана не померкнет в веках и не будет предана забвению. Наряду с прочими его добродетелями он был непреклонен в горниле величайших опасностей, как никто другой, и голод переносил более стоически, чем любой из нас. Он был сведущ во всем, что касалось искусства вождения кораблей, умело прокладывал курс и составлял карты. Это воистину так, ибо никто, кроме него, не был настолько мудр, не обладал такой твердой силой воли и такими обширными знаниями, чтобы решиться предпринять плавание вокруг Земли, как то свершил он.

Антонио Пигафетта. «Плавание вокруг света»

На берегу острова Мактан вместе с Магелланом истекли кровью восемь европейцев и четыре воина раджи Себу. Более двадцати человек было ранено, многие тяжело; Пигафетта тоже покинул поле боя, раненный стрелой в лоб. Скоро станет очевидным, какую невосполнимую утрату понесла экспедиция. Она потеряла больше, чем одаренного капитана, умевшего водить корабли по неизведанным морям и державшего подчиненных в ежовых рукавицах. Зная о его строгости и суровости, к которым он был вынужден прибегать по отношению к своим спутникам, легко забывают одну существенную черту характера Фернана де Магеллана. Он единственный из офицеров, оставшийся с командой на корабле, который сел на мель, самоотверженно бросился на помощь другу, попавшему в Малакке в бедственное положение, заботился о больных после перехода через Тихий океан. Никто и никогда не описывал будни на борту кораблей во время того плавания, не отмечал, каким образом удавалось устранять недоразумения и

раздоры, неизбежно возникавшие при большом скоплении людей на столь малом жизненном пространстве. Из жизни ушел выдающийся мореход. Бесцельные блуждания последующих месяцев лучше всего доказывают это. И то, что стая потеряла вожака, становится с каждым днем все очевиднее.

Маршрут флота Магеллана в островном мире азиатских юго-восточных островов

Сначала все в равной степени были объята ужасом от случившегося. Угрызения совести могут терзать многих. Уже во второй половине дня 27 апреля доводят до сведения раджи Мактана, что он получит сколько угодно любых товаров, если отдаст тела погибших, особенно останки генерал-капитана. Ответ Силапулапу поистине королевский - все сокровища этого мира не могут заставить его вернуть европейцам трофеи его блестящей победы. Какой наглядный и унижительный урок преподносит «князь диких народов» чванливым сынам Испании и Португалии! Но, кажется, они растеряли все свое высокомерие, как будто бы забыты даже постоянные раздоры между представителями этих двух национальностей. Как же иначе можно объяснить тот факт, что преемниками Магеллана избраны Дуарти Барбоза и Хуан Серрано, несмотря на то что они португальцы. Командиром «Виктории» - ее капитан Кристобаль Рабело тоже погиб - становится также португалец по имени Луис Алфонсу ди Гоиш, который раньше был собресальенте на «Тринидаде».

Конечно, новые руководители флотилии правильно подозревают, что поражение существенно охладит отношение к ним Карлоса-Хумабона. Поэтому с великой поспешностью из города на корабли доставляются все вымененные товары. Как только это было сделано, никто не знает, что следует предпринять дальше. В сложившейся безутешной ситуации Барбоза необдуманно серьезно оскорбляет человека, чьи знания языка сейчас нужны более, чем когда бы то ни было, - малайца Энрике. Он тоже был ранен в бою и позволяет себе теперь более длительный покой, чем было, по мнению Барбозы, необходимо. Офицер обзывает его ленивым псом и заявляет, что он пока раб, но свободным человеком не станет и по возвращении в Испанию его передадут донье Беатрис.

Энрике из завещания Магеллана знает, что после смерти его господина ему гарантирована свобода. Мало радости доставит ему возвращение в Испанию под командованием Барбозы. Затаив зло, малаец благоразумно не отвечает на оскорбления, но то, что он позже обговаривает с раджей, не пойдет испанцам на пользу.

Есть веские основания предполагать, что Энрике склонил Карлоса-Хумабона к предательству, которое тот не замедлил осуществить. Раджу не пришлось долго уговаривать. После провала на острове Мактан у него уже не было оснований терпеть присутствие чужаков. Их «общая вера» для «христианского короля» острова Себу была равнозначна могуществу, которое воплощал Магеллан, и нужна постольку, поскольку Магеллан раскрывал перед ним блестящие перспективы. Но вот теперь чужеземцы готовятся к отплытию, а он должен будет защищаться от Силапулапу. Он собственными глазами видел, как полуголые воины разбили в пух и прах пришельцев, одетых в броню, с мушкетами и арбалетами. Итак, он, видно, уже достаточно размышлял над тем, есть ли какая-нибудь возможность одним ударом превзойти успех Силапулапу. Ведь ему так пригодятся оружие, изделия, приготовленные на продажу, и всяческие приспособления, имеющиеся на испанских кораблях, когда придется самостоятельно отстаивать единоличную власть, только недавно захваченную. То, что предпринял Карлос-Хумабон, омерзительно, но это политическая необходимость, логическое развитие событий, начало которым положил не он, а другие.

«Утром в среду, 1 мая, христианский король сообщил руководителям плавания, что он подготовил драгоценные камни и другие подарки, которые обещал послать королю Испании. Он просил вместе с приближенными отобедать с ним, с тем, чтобы передать все из рук в руки».

Магеллан в данном случае сразу же вспомнил бы аналогичное приглашение султана Малакки, который заманил, таким образом, шестьдесят его товарищей в смертельную ловушку. Хуан Серрано тоже приобрел подобный опыт и настоятельно предостерегает Барбозу от неверного шага - в конце концов, можно вручить подарки и на корабле. Но Барбоза уже принял приглашение, и Серрано, не желая прослыть трусом, первым садится в лодку. Всего двадцать девять человек отправились к острову, среди них капитаны всех трех кораблей, искусный кормчий Андрес де Сан-Мартин, священник Педро де Вальдеррама, кормчий и один из первых исследователей Бразилии Жуан Лопиш Карвалью, алькальд флотилии Гомес де Эспиноса и малаец Энрике. Пигафетты, к счастью, среди них нет. Оказывается, стрела, ранившая его, была отравлена, и теперь летописца мучил жестокий жар. Он с большим сожалением вынужден был остаться на корабле.

По всей вероятности, по дороге в резиденцию Карвалью и Эспиноса задержались, так как заметили кое-что, на что не обратили внимания их товарищи. Тот человек, который недавно таким чудесным образом исцелился, недвусмысленными жестами предложил священнику

спрятаться в его доме. Оба, не раздумывая, повернули назад, приплыли на корабли и рассказали своим спутникам о происшествии.

«Только они закончили рассказ, как до нас долетели громкие крики и стоны. Мы тут же подняли якоря, подошли к берегу и сделали несколько залпов по домам. Обстрел продолжался, вдруг мы увидели Хуана Серрано, раздетого до рубашки, связанного и истекающего кровью. Он закричал, чтобы мы прекратили огонь, иначе его убьем. На наш вопрос, живы ли остальные, а также знающий язык [Энрике], он ответил, что все, кроме последнего, убиты, и стал умолять, чтобы мы выкупили его».

Цена была назначена мгновенно: два орудия, два слитка меди, немного полотна. Под защитой корабельных пушек Карвальу, тут же взявший на себя командование флотом, мог бы хотя бы попытаться осуществить обмен. Вместо этого он велел поднять паруса, потому что, как подозревает Пигафетта, стремился стать главнокомандующим. Единственный друг хрониста остается на берегу, молящий, плачущий, истерзанный. «Он кричит, что упросит бога в день Страшного суда предстать перед своим другом Жуаном Карвальу и потребует у всевышнего его душу. Мы быстро поплыли прочь. Я не знаю, был ли Хуан Серрано еще жив или умер, когда мы его покинули».

Одни решили, что слышат вопли, с которыми островитяне набросились на капитана, другим показалось, что они видят, как разлетаются в щепы кресты, воздвигнутые на острове.

А три каравеллы двинулись морской дорогой, которую сегодня называют морем Минданао. Приблизительно сто двадцать человек направлялись теперь к островам Пряностей, а было их двести шестьдесят пять, когда армада, спустившись вниз по течению Гвадалквивира, вышла в море. Генерал-капитан, его надежнейший кормчий и его опытнейшие офицеры погибли. Пока еще никто не оспаривает решение Карвальу, который провозгласил себя генерал-капитаном, хотя уже всем ясно, что это просто негодяй. Командиром «Виктории» становится Гомес Эспиноса, а «Консепсьону» вообще капитан больше не нужен. Корабль более других изъеден древоточцами, и к тому же не хватает людей, чтобы сформировать для него экипаж. Принимается решение сжечь судно. Припасы и предметы снаряжения делятся между двумя остальными кораблями. Уже языки пламени охватили дряхлый такелаж, поднимаясь все выше и выше, с громким скрежетом разваливается обшивка, горящие шпангоуты опускаются в воду, окутывая все кругом туманом. Такой конец корабля едва ли способствует улучшению мрачного настроения моряков.

Проследовав мимо острова Панглао (о. Негрос), о жителях которого Пигафетта замечает, что они «черны, как эфиопы», - там действительно живут негритосы, - корабли поворачивают на юг и достигают северного побережья острова Минданао. Здесь путешественников встретили радушно. «Их король очень хотел заключить с нами мир и в знак величайшего расположения порезал себе левую руку и омочил

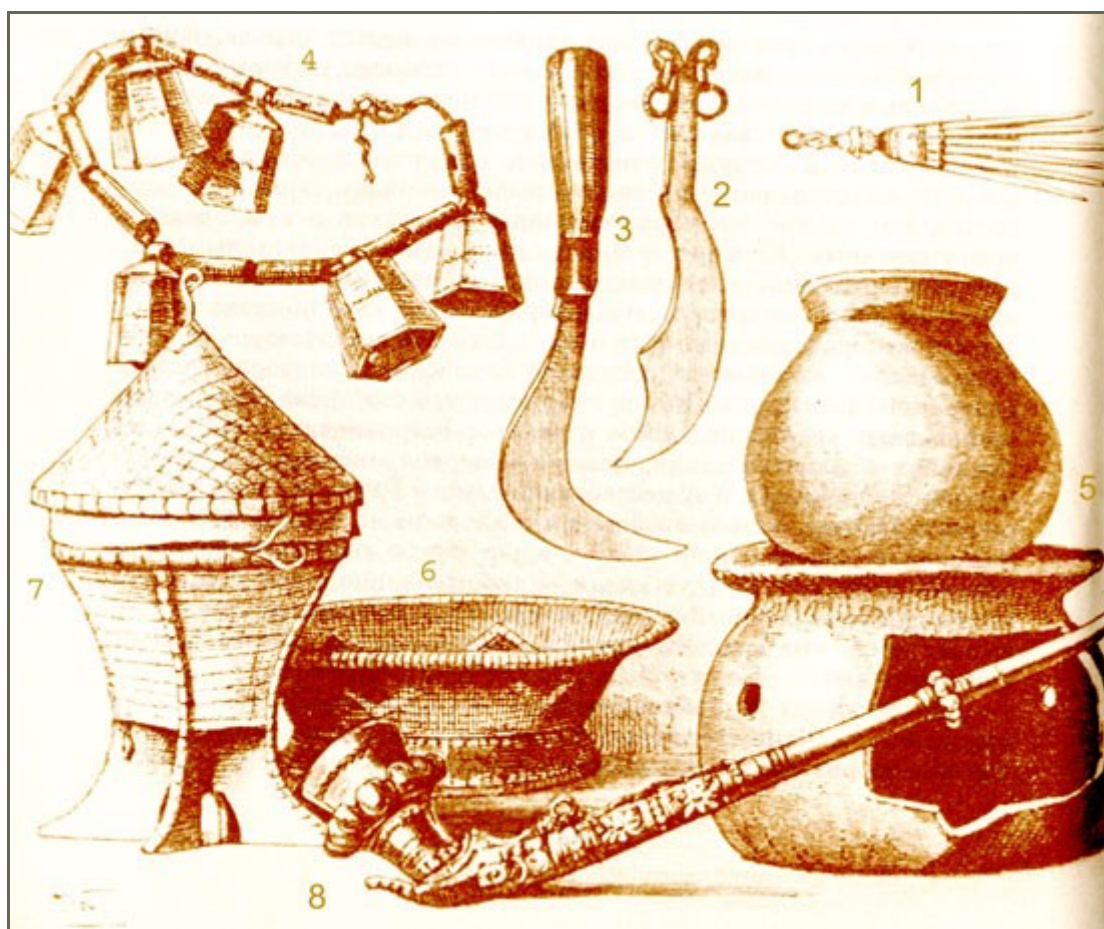
вытекшей кровью тело, лицо и кончик языка. Мы поступили точно так же». После всего того, что произошло, кажется странным, что Пигафетта без колебаний последовал в гости к князю на остров. Но этот человек не ведает страха. Кроме всего прочего, он, видимо, единственный европеец, который может более или менее сносно объясниться с местными жителями - его словарный запас малайского языка скоро достигнет четырехсот пятидесяти слов. Он удовлетворяет не одну только жажду знаний: его одаривают пальмовым вином, рыбой и рисом, компанию ему составляют многие высокопоставленные вельможи и «две прекрасные женщины». Конечно, его хозяин не был значительным правителем - это был всего-навсего мелкий раджа с севера Минданао. Тем более поражало, что в убранстве дома и обиходе князя, одежду которого составлял только кусок материи, нашлось множество изделий из золота и посуда из китайского фарфора. Загадка была скоро разгадана. Пигафетта узнал, что с острова Лусон сюда приплывают китайские купцы и ведут с островитянами торговлю. Сведения итальянца стали, наверное, первой информацией, полученной европейцами, о существовании самого большого острова Филиппин. Прочие же его сообщения о катании на лодках при свете факелов, о рыбаках, приносящих в дар князю выловленную таким образом рыбу, и о супруге князя - любительнице музыки кажутся почти идиллическими. Вид трех повешенных преступников, правда, выдает ему, что и здесь правят, исходя не из одного только снисхождения.

Далее, следуя юго-западным курсом через море Сулу, корабли пристают к скудному острову Кагаян. Не ясно, почему поплыли в этом направлении, а не в сторону островов Пряностей. Существует предположение, что мореплаватели услышали на Минданао о государстве брунейского султана и надеются там пополнить запасы провианта и получить лоцмана. Кагаян не может им предоставить ни того, ни другого. Его жители пришлые, были вытеснены сюда с близлежащего Калимантана. «Они ходят обнаженные и во оружены простыми духовыми ружьями. Сбоку они носят колчаны со стрелами, отравленными растительным ядом, а также копья, щиты и кинжалы, рукояти которых украшены золотом и драгоценными камнями. Они сразу приняли нас за богов». Это была голодная, забытая богом земля; пребывание на Кагаяне не принесло облегчения измученным морякам. Каким-то образом они достигли, наконец, плодородного острова Палаван, расположенного к северу от Калимантана. «Мы имели все основания назвать этот остров «землей обетованной», так как прежде, чем мы его достигли, мы выстрадали пытки жесточайшего голода. Очень часто мы были на грани того, чтобы бросить корабли и обосноваться на суше во избежание голодной смерти».

Сначала для ликования не было никаких причин. Где-то возле восточного побережья острова Палаван на моряков обрушился град стрел, и они, разочарованные, были вынуждены плыть дальше на север, пока разразившийся шторм не заставил их бросить якорь совсем недалеко от берега. Здесь солдат Хуан де Кампос проявляет себя

человеком исключительного мужества и духа солидарности. Он вызывается доплыть до острова и сторговать у местных жителей провизию. Если его убьют, это будет небольшая потеря для товарищей, а всевышний уж позаботится о его душе. Конечно, просьбу добровольца сразу удовлетворяют. Дальнейшие события делают честь не только смелому Хуану де Кампосу, но и жителям острова Палаван: он остается цел и невредим и после радушного приема с полной лодкой провизии возвращается назад.

Многообещающие надежды оправдались. Скоро европейцам удалось заключить кровный союз с вождем их гостеприимных хозяев; «рис, имбирь, свиньи, козы, птица, диковинные фрукты, которые были, пожалуй, с фут длиной и толщиной с руку», попадают в котлы европейцев.

Индонезийская домашняя утварь (по Ратцелю)

И вот, как следует подкрепившись, Пигафетта устремляется обследовать остров, наблюдать жизнь аборигенов. Это крестьяне и рыбаки, они не пренебрегают и промыслом в лесу, применяя там отравленные стрелы, которые пускают из примитивных духовых ружей. Из всех предложенных испанцами товаров они наиболее оценили латунные кольца и цепи, особенно медную проволоку, применяемую ими для рыболовных снастей. Удивленно и восторженно сообщает хронист о крупных петухах, которых здесь выращивают с единственной целью - чтобы полюбоваться их поединком. «Хозяин петуха-победителя получает

в награду петуха и ставку побежденного». Еще более удивительной оказалась встреча в одной из деревень Палавана, куда затем прибыла экспедиция. Там объявился крещеный африканец по имени Бастиан, которого необъяснимые обстоятельства привели на Молуккские острова, а оттуда забросили на Палаван. Он немного говорит по-португальски - для наших путешественников обнадеживающее указание на то, что они мало-помалу приближаются к границе европейской сферы влияния. Бастиан заверяет, что он приведет их суда на Калимантан, но незадолго до отплытия исчезает. К счастью, удалось заручиться вместо него помощью трех мусульманских лоцманов. Под их руководством, осуществляемым далеко не по доброй воле, испанцы 21 июня 1521 года покидают Палаван, минуют изобилующие скалами и рифами прибрежные воды западного Калимантана и 8 июля достигают Брунея. Так, наконец, мореплаватели прибыли в резиденцию поистине значительного восточноазиатского владыки. Кроме зданий, где живут султан и его высочайшие вельможи, все дома города построены на сваях, которые периодически омывает прибой. По оценке Пигафетты, под крышами домов проживают 20000-25000 семей. Основа их благосостояния - торговля и сбор дани с покоренных князей; со всех сторон света приходят сюда китайские джонки, малайские прау. Они умножают богатство султана и купцов, до такой степени поразившее и ошеломившее европейцев, что позже два матроса с «Виктории» дезертировали, чтобы попытаться счастья в Брунее. Прибывшие вынуждены держаться здесь более скромно, чем ранее: один только дворец султана защищен шестьюдесятью двумя пушками, на улицах часто встречаются боевые слоны в драгоценной сбруе, торговцы носят платья из переливающихся шелков и принимают к оплате только китайские монеты.

Через день после прибытия к кораблям приближается лодка-прау. Она позолочена и украшена искусной резьбой. На носу развевается знамя султана в голубую и красную полоску, увенчанное павлиньими перьями. В ней сидят, по всей вероятности, высокопоставленные чиновники. Они передают подарки, в частности сахарный тростник, две клетки с курами, двух коз и два сосуда с араком²⁹ содержание алкоголя в котором многие матросы недооценили. Расстаются после того, как обменялись принятыми здесь знаками взаимного уважения, но мы так и не узнаем, вручили ли европейцы приличествующие случаю подарки. Похоже, что нет. Наверное, поэтому им пришлось прождать шесть дней, прежде чем султан прислал разрешение запастись в гавани дровами и пресной водой, а также начать торговлю с его подданными. Вот тут-то Карвалью и Эспиноса проявляют щедрость: в обмен идут одежда из зеленого бархата, роскошное кресло, позолоченные и серебряные предметы обихода, много ткани. Потом дело доходит до согласования времени аудиенции у султана, которая должна состояться на следующий день. Но посольство из семи человек, возглавляемое Эспинойсой, пробилось поначалу только в дом одного из министров.

Петушиный бой. Рисунок из мастерской де Бри (1600)

Утром, после ночи, проведенной у него на удобных кроватях с шелковыми и хлопчатобумажными постельными принадлежностями, испанцы, наконец, познакомились с великолепием двора правителя восточного государства. На двух слонах, украшенных разноцветной сбруей, их доставляют к дворцу султана. Двенадцать слуг несут впереди в больших фарфоровых чашах их подарки. Вдоль улицы, ведущей к дворцу, выстроились солдаты, вооруженные «мечами, копьями и щитами, потому что так приказал король». Очевидно, Сирипада, султан Брунея, придавал большое значение этому, чтобы демонстрировать чужестранцам не только свои богатства, но и их хорошо вооруженных хранителей. Пигафетта весьма тронут:

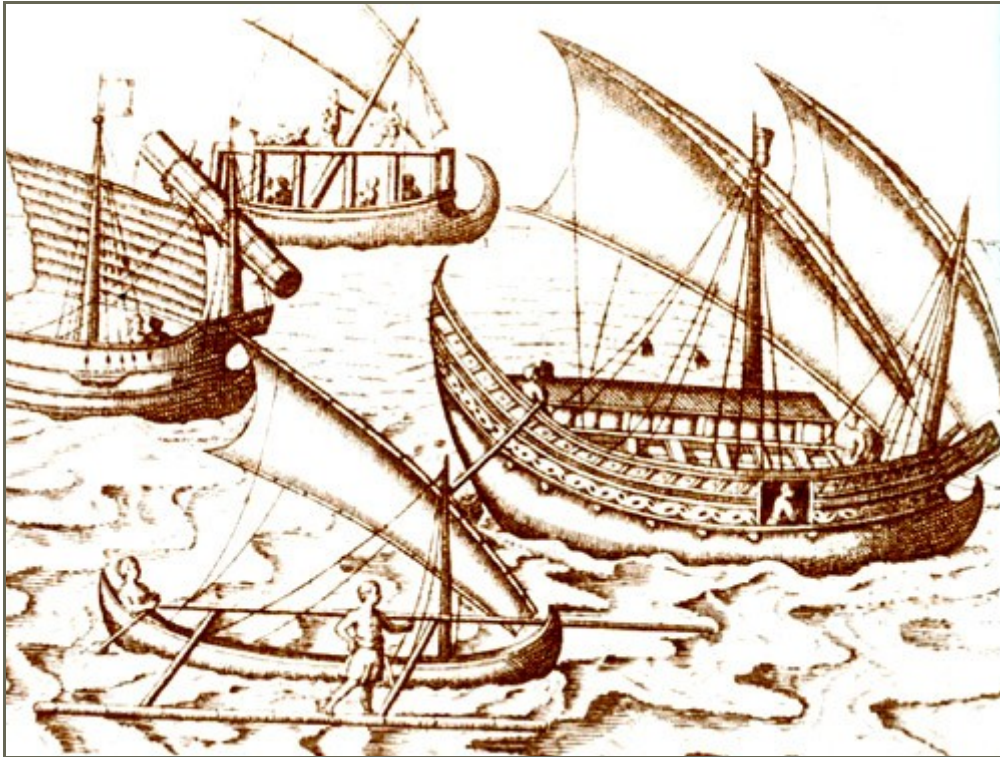
«Мы вступили в громадный зал, где толпились вельможи и знатные люди, и должны были сесть на ковер, в то время как подарки и чаши были поставлены перед нами. К этому залу примыкал еще один поменьше, потолок там был выше, но сам зал был не такой вместительный, как предыдущий. Стены его были задрапированы шелком. Ярко-красные занавески на двух окнах были подняты, и свет заливал помещение. Триста солдат с обнаженными клинками охраняли короля. В конце того зала находилось еще одно окно, и, когда отдернули на нем багряную занавеску, мы разглядели за ним короля. Он сидел за столом с маленьким сыном, оба жевали бетель, и только несколько придворных дам располагались вместе с ними. Потом один из вельмож дал нам понять, что мы не имеем права сами разговаривать с ним».

Вместо этого соблюдался сложный ритуал. Новость передавалась от одного вельможи к другому, пока она, наконец, не достигала султана через переговорную трубу в стене. Выглядит глуповато, но это всего лишь способ обескуражить назойливых просителей, чем позже

соответственно стали заниматься канцелярии. И конечно, так было дешевле.

Посланцы Испании вынуждены были снести ничуть не менее обстоятельную церемонию приветствия султаном, прежде чем они снова сумели передать просьбу о мире и испросить разрешения о приобретении провизии и свободе торговли. На то дается согласие, вручаются подарки. Потом следует угощение, приправленное гвоздикой и корицей, затем окно опять занавешивают. Пигафетта даже не смог как следует разглядеть придворных дам - их разделяло тучное тело султана. Он был действительно очень толстый и грузный. Как рассказывают, Сирипада только изредка, когда собирался поохотиться, покидал дворец. Поэтому мы узнаём лишь некоторые подробности о знатных людях. Например, о расшитой золотом ткани, в которую они оборачиваются, об их кольцах с драгоценными камнями, о рукоятях мечей, усыпанных самоцветами. Хронисту, несмотря на его убедительные просьбы, так и не показали две жемчужины из сокровищницы султана. Говорят, они величиной с куриные яйца и такие круглые, что, на какую бы поверхность стола их ни положили, они непременно скатятся.

В общем и целом аудиенция прошла весьма удачно. Тут же начался оживленный товарный обмен с местными купцами. Из испанских товаров наибольшим спросом у них пользовались ртуть, железо, киноварь, полотно и изделия из стекла. За два фунта ртути получали шесть фарфоровых чашек, за два фунта латуни или за два ножа - фарфоровую вазу. Такую посуду из фарфора европейцы в свою очередь также очень ценили, так как считалось, что она тотчас же разбивается, стоит в поданное в ней кушанье или напиток добавить яд. Кроме воды, соли, домашних животных, овощей и фруктов и другой провизии, на борт взяли смолу. Ею хотели законопатить корабли, так как вара здесь не было. По-видимому, эта смола оказалась недостаточно стойкой, поскольку уже в конце месяца на берег посылают Хуана Себастьяна де Элькано с четырьмя сопровождающими, чтобы раздобыть более подходящий материал. Проходит три дня, а посланцы не возвращаются, и моряки пришли к выводу, что их опять предали. На сей раз они, кажется, ошибаются. Но когда 29 июля у их якорной стоянки появляются сто военных лодок-прау, любое сомнение уже чревато опасностью. Позже они узнают, что то был флот под командованием сына короля Лусона, возвращавшийся с острова Лаут, где было подавлено восстание.

Типы индонезийских островов. Рисунок из мастерской де Бри (1599)

Однако недоразумение уже влечет за собой непоправимые последствия. Карвальу и Эспиноса в срочном порядке ставят паруса и собираются выйти в открытое море. Но тут кое-кому показалось, что на лодках, бросивших поблизости якоря, происходят подозрительные приготовления. Как мы уже убедились, предпринимать что-либо для выручки людей, оставшихся на берегу, не входит в сферу интересов Карвальу. Вместо того чтобы вызволить товарищей, он приказал открыть по лодкам огонь. Три из них удалось захватить, командиры остальных трех-четырех судов предпочли посадить их на мель. В руки победителей попало много ценных товаров и высокопоставленные заложники, в том числе сын правителя Лусона. Но злосчастный Карвальу упускает и этот шанс: несмотря на то что оставшихся на берегу матросов можно обменять на принца, он, получив за него высокий денежный выкуп, отпустил того восвояси. Как сообщает с возмущением Пигафетта, о состоявшейся сделке не знал ни он лично, ни кто-либо другой. Когда все уже свершилось, появились двое из пропавших. Один из них де Элькано. Они рассказали, что султан послал их выяснять недоразумение, им даже показывали головы поверженных врагов, чтобы подкрепить рассказ о военном походе на Лаут весомыми доказательствами. Вот когда кое-кто, конечно, раскаивался в поспешных действиях. Поскольку принц с Лусона на свободе, просьбы и угрозы в адрес султана по поводу оставшихся на берегу испанцев напрасны - писарь Баррутиа, солдат Эрнандес и сын Карвальу назад больше не возвращаются. «Тогда мы взяли с собой шестнадцать самых выдающихся и знатных мужчин, которых хотели доставить в Испанию, и трех благородных женщин, предназначенных для испанской королевы, но Карвальу сам завладел ими». Уже говорилось, что экспедиция со смертью Магеллана потеряла нечто значительно большее, чем одаренного капитана. Через три месяца

после его смерти в этом уже не было никаких сомнений. Когда два корабля снова двинулись вдоль северо-западного побережья Калимантана, «Тринидад» по недосмотру кормчего натолкнулся на риф и в течение суток вынужден был оставаться во власти прибой. Корабль выдержал испытание. Но значительно более опасным оказывается равнодушие, с каким команды на кораблях выполняют обычные дневные работы. Так, например, случилось, что бочки с порохом стояли на палубе где попало, а рядом, матрос чистил непотушенные лампы, пока горящий фитиль не упал возле него на бочку с порохом. Однако и этот инцидент заканчивается благополучно. В том нет заслуги капитанов. Эспиноса неслишком хорошо разбирается в мореплавании, а Карвальу, видимо, весьма увлечен тремя женщинами, заслуживающими всяческого сожаления. Теперь это не исследовательское плавание, а охота за купеческими судами. Все бывают очень рады, когда удастся захватить три тысячи кокосовых орехов. И все-таки там, где Барбоза и Карвальу приносили экспедиции вред, другие, напротив, пользу. Например, Хуан де Кампос, доставший товарищам в трудную минуту провизию, или Хуан Себастьян де Элькано, принявший участие в экспедиции, спасаясь от испанского суда, и бунтовавший в Сан-Хулиане. Теперь именно он завершит грандиозное начинание.

К последним относятся многие, чьи имена нам даже неизвестны. Имеются в виду моряки, которые в августе-сентябре 1521 года в поте лица трудятся на маленьком острове - может быть, это был Банги или Баламбанган, - лежащем к северу от Калимантана.

«Поскольку для оснастки кораблей не хватало многого, мы провели там сорок два дня. В течение этого времени каждый из нас работал напряженно, в полную силу, не щадя себя. Но наибольшие муки нам доставляли поиски и доставка из леса дров, так как у нас не было больше обуви, а земля там вся сплошь была покрыта колючими растениями».

Тот, кто пишет эти строки, - герой совсем особого рода. Он разделяет все невзгоды своих спутников, но когда они, обессиленные, заканчивают работу, он продолжает исследовательские прогулки и изучает особенности тропической природы. Он описывает бабируссу, местную разновидность диких свиней. Клыки у нее пронизывают кожу морды и полукругом загибаются назад. Рассказывает о крокодилах, устрицах, черепахах и рыбе, у которой на голове «растут рога», а тело состоит «всего из одной кости». Особенно диковинным ему показалось одно дерево: его листья, стоит им только опасть, начинают передвигаться. Девять дней он держал такой лист в ящике, а тот все продолжал «гулять», как только ящик открывали. «Я думаю, они живут одним только воздухом», - приходит он под конец к выводу, так как для дальнейших наблюдений времени у него не остается. То, что итальянец хранит в запертом ящике, всего-навсего кузнечик, о котором сегодня в энциклопедии под латинским названием Phyllidae можно узнать больше, чем был в состоянии обнаружить Пигафетта. Для него это тварь

господня, чудо Создателя. И к счастью для потомков, Пигафетта выражал желание, чтобы они его не забыли, и не уставал восторгаться подобными чудесами.

Пребывание в Пуэрто-Санта-Мария, так называли путешественники бухту, что расположена на север от Калимантана, завершается 27 сентября 1521 года. Канонир Фелиберто де Торрес с «Виктории» и юнга Перучо де Бермио остаются в земле этого пристанища навеки. Один недавно скончался от ран, полученных во время схватки под предводительством Магеллана на острове Мактан, другой был недостаточно силен, чтобы вынести тяготы путешествия. В документах плавания обнаруживаются и другие изменения. Жуана Лопиша Карвалью по единодушному решению всех мореплавателей низлагают. В дальнейшем он будет опять нести службу кормчего. Генерал-капитаном становится Гонсало Гомес Эспиноса, Хуан Себастьян де Элькано выбран командиром «Виктории». Это решение явилось поворотным пунктом в бесцельных блужданиях последнего времени, хотя и не сразу был взят курс на Молуккские острова. Дорогу туда уже знают, ее европейцам подробно описали в Брунее. Но среди них нет того, кто побудил бы их смело идти к цели и запретил бы пиратство, к которому испанцы так охотно прибегали. Голод тоже постоянно задерживает продвижение вперед, к Молуккским островам.

Индонезийский вельможа со свитой. Рисунок из мастерской де Бри (1599)

Не успели корабли выйти из Пуэрто-Санта-Мария в открытое море, как им повстречалась джонка, направлявшаяся из Брунея в Палаван. Испанцы пытаются заставить ее экипаж положить судно в дрейф, но никого не удивит, что он не знаком с европейскими правилами морских сражений и ищет спасения бегством. Опять пускаются в ход пушки и abordажные крючья - они не заржавеют. Среди попавших в плен

находится Туан Маамуд, раджа острова Палаван, того самого острова, на котором испанцев в июле столь радушно принимали жители, всегда готовые прийти на помощь. Потребованный выкуп наглядно демонстрирует, чем руководствовались в своих действиях грабители. Им не надо ни золота, ни фарфора, а необходимы четыреста мер риса, двадцать свиней, двадцать коз и сто пятьдесят кур. Показательно, что этот акт насилия обставляют так, как будто бы он вызван соображениями высшего порядка. Эспиноса предлагает радже объявить себя подданным Испании. Туан Маамуд соглашается, целует в знак приверженности союзу святое распятие и получает охранную грамоту, которая будто бы защитит его от дальнейших посягательств любых испанских кораблей. Это документ сомнительной ценности, но вездесущая сила его новых господ настолько потрясла раджу, что он велел доставить на корабли, помимо требуемой дани, пальмовое вино, кокосовые орехи, сахарный тростник и бананы. Посрамленные таким великодушием испанцы возвращают часть награбленного выкупа, дарят ему и приближенным полотно и роскошные одеяния.

Теперь следуют через море Сулу на юго-восток, до островов Холо и Басилан. О них хронист сообщает, что именно там были найдены те крупные жемчужины из сокровищницы султана Брунея, которые он желал увидеть. Конечно, его спутники хотят попробовать и сами чем-нибудь поживиться. Они потратили много времени, но нашли только ракушки, в которых были не жемчужины, а лишь значительное количество мяса. Содержимое только одной ракушки весило двадцать пять фунтов. Само собой разумеется, что здесь речь идет не о настоящих жемчужницах, а о «раковинах-убийцах» - гигантских тридакнах (*Tridacna gigas*). Эти моллюски достигают длины до полутора метров, их общий вес может превышать двадцать килограммов. Значит, установленный испанцами вес не столь уж удивителен, равно как и сами жемчужины брунейского султана: в тридцатых годах нашего столетия у побережья Филиппинских островов была найдена жемчужина, весившая семь килограммов! История той уникальной и невероятно ценной находки, за которую была отдана человеческая жизнь и которую вскоре купил один американский ученый, взбудоражила тогда весь мир. Испанцам такое счастье не улыбнулось. В течение последующих дней они пересекают пролив Басилан и плывут на восток через залив Моро вдоль западного побережья Минданао. Опять представляется возможность напасть на корабль. На этот раз столкнулись с весьма оборонноспособными противниками. Нападавшие потеряли двух своих товарищей, а на обороняющемся судне были убиты семь из восемнадцати человек. Когда пленников стали допрашивать и выяснять необходимые сведения о Молукках, один клятвенно заверил, что он знает и острова Пряностей, и Франсишку Сиррана, он даже бывал у него в гостях. Для многих этот рассказ стал достаточным основанием вознести благодарственные молитвы. Наконец после двух лет плавания получены достоверные сведения о притягательных островах, о друге Магеллана, письма которого когда-то побудили его разработать план плавания в Азию западным путем. Создается впечатление, что

потерянные наконец нашли себя и свою цель - возгорается пламень алчности, он пробивает себе дорогу и поглотит многих, кто окажется слишком близко.

Китайская джонка. Рисунок из мастерской де Бри (1598)

Следуя указаниям лоцманов поневоле, моряки двинулись на юго-восток. От пленников они слышат много удивительного об обитателях островов, мимо которых проплывают. Одни якобы с головы до ног покрыты волосами, очень воинственны, особенно ловко владеют луком и стрелами, «их любимое лакомство - сырые человеческие сердца, которые они, прежде чем съесть, поливают апельсиновым или лимонным соком». Действительно, на востоке Минданао когда-то был обычай съедать печень или сердце побежденного врага. Точно так же звучит почти невероятно, что на другом острове будто бы живут люди, которые ушами могут закрыть голову и таким образом защищаются от солнца. Но и это не голая выдумка, так как у южного побережья Минданао есть остров, где можно увидеть людей, так растянувших себе мочки ушей, что они свисали до самых плеч. На кораблях тоже творятся не менее диковинные и чудесные вещи. Так, 26 октября, когда корабли беспомощно гнало штормом мимо группы островов, снова после длительного перерыва возникли перед взором команд три святых угодника: «Святой Эльм, похожий на факел, появился на грот-мачте, святой Николай - на бизани, святая Клара - на фок-мачте. Тогда мы пообещали каждому из них по рабу и совершили жертвоприношение».

Воодушевленные хорошими новостями, моряки движутся навстречу цели. На островах Сарангани силой; захватывают двух сведущих в мореплавании людей, так как про них говорят, что они уже побывали на

Молукках. Третий лоцман сам вызывается помочь, он запрашивает непомерное вознаграждение - никто не торгуется, он получает все, что требует. Скоро выясняется, что он всего лишь родственник одного из пленников. После неудачной попытки организовать для родственника побег, он сам пытается бежать, но преследователи оказываются проворнее. Они волокут его за волосы на корму, где находятся другие лоцманы, закованные в цепи. Возмущенные соотечественники спешат на помощь, пытаются со своих маленьких прау взять на abordаж каравеллы, пока залпы орудий не рассеивают их. Корабли испанцев уплывают прочь. Так как похищенных нельзя вечно держать в цепях, двух мужчин освобождают. Следующей же ночью оба прыгают за борт и плывут к берегу, один из них с маленьким сыном на спине. «Но сын утонул, потому что у него не достало сил держаться за плечи отца».

Тот ребенок - пока последняя жертва на пути к островам Пряностей. Мимо островов Талауд и Сангихе путь ведет к северо восточной оконечности Сулавеси, оттуда проплывают между островами Тифоре и Маю.

Вид на Тидоре с острова Тернате (по Гийемару)

«После того как эти острова остались позади, мы увидели на востоке в среду, 6 ноября, четыре высоко вздымающихся острова. Лоцман, еще остававшийся с нами, сказал, что это и есть Молукки. Тогда мы воздали хвалу богу и, ликуя, выстрелили из нескольких бортовых пушек. Наше чрезмерное проявление чувств понятно, ведь в поисках островов Пряностей мы двадцать семь месяцев без двух дней претерпевали муки и опасности и проходили через бедствия. Между всеми островами вплоть до Молукк мы измеряли глубину, которая достигала от ста до двухсот саженьей. Значит, все здесь совсем не так, как утверждали португальцы;

бесконечных мелей, препятствующих любому судоходству, и непроницаемых туманов - ничего этого нет».

Острова пряностей

У вас царят спокойствие и мир.
Эти величайшие ценности оставили
нашу землю и процветают на вашей,
ибо у нас настали безбожные времена.
Нами владеют алчность и страсть
к захвату драгоценных пряностей и
гонят в тот неведомый, спокойный мир.

Из письма Максимилиана Трансильвана архиепископу Зальцбургскому. 1522 год

Да, их не существует, этих выдуманных ужасов, которыми португальцы пытались отвадить отсюда своих испанских противников. Когда обе каравеллы 8 ноября 1521 года бросили якоря в гавани Тидоре, перед ними предстали цветущие тропические острова. Тидоре, как и соседний Тернате, на котором возвышается вулкан, упирающийся вершиной в облака, венчает высокая конусообразная гора. У ее подножия и на южных склонах также произрастают пышные леса. Воздух влажный, мох облепил деревья, окаймляет зеленым бордюром родники и водоемы; пестрые, переливающиеся всеми цветами радуги попугаи таятся в густом переплетении ветвей и предупреждают оленя-мунтжака об охотнике. Здесь по соседству с такими ценными породами деревьев, как железное и тиковое, растут гвоздичные деревья, ради которых европейцы предприняли столь тяжелое путешествие. Именно из-за невзрачной цветочной почки этого дерева, похожего на гигантский мирт, разгорятся более ожесточенные бои, чем за обладание мною гимии золотоносными месторождениями земли. Недалеко от берега, на котором расположились бамбуковые свайные постройки жителей Тидоре, начинаются заложенные на террасах рисовые поля, посадки саго и кокосовых пальм; на краю поселков пасутся буйволы.

Сразу по прибытии возле кораблей появляется посольство султана. Эспиноса велит передать, что они посланники императора Карла и уполномочены заключить с их королем договор и получить пряности в обмен на испанские товары. В ответ ему дают понять, что здесь уже слышаны о могуществе Испании и жаждут заручиться дружбой его императорского величества. Ну, это звучит довольно-таки неправдоподобно, так как португальцы, конечно, ничего не сообщали о своих конкурентах. Но изнуренным людям, которые теперь босиком в изодранной одежде стоят перед красноречивыми послами, очень приятно такое услышать. На следующий день сам султан Тидоре Альмансор посещает прибывших. Его прау сначала обходит вокруг каравелл. Эспиноса приказывает выйти в лодках ему навстречу. И вот, наконец моряки увидели его - повелителя «Земли прославленной».

«Он сидел под шелковым балдахинном, отбрасывавшим тень на него и кругом; перед ним стояли один из сыновей с королевским скипетром и двое слуг, державших золотые чаши для омовения. Кроме того, два других прислужника держали золотые мисочки, наполненные бетелем».

Властитель, одетый в золототканый шелк, производит в высшей степени внушительное впечатление. Безусловно, это не объясняет подобострастия, с каким испанцы принимают его. Когда он ступил на флагманский корабль, «мы все приложились к его руке». Не скупилась ни на глубокие поклоны, ни на дорогостоящие подарки. Действительно, было бы глупо собственным высокомерием причинить вред отношениям, которые только начинают налаживаться. Да стоит к тому же просто сравнить жалкий вид испанцев с блистающей роскошью свитой Альмансора, и одного этого будет достаточно, чтобы кое-кто из европейцев отбросил всю свою спесь.

А султан держится одновременно и приветливо, и гордо. Он ни разу не наклоняет голову; когда его провожают к капитанской каюте на корме, он входит в нее не через предложенную дверь, а выбирает другой вход, чтобы не пришлось нагибаться. С удовлетворением смотрит он на бархатное кресло, специально для него приготовленное, в то время как те, кто его принимает у себя на корабле, опускаются прямо на пол возле его ног. Начинается обмен любезностями. Альмансор дает понять, что он не только влиятельный правитель, но и знающий астролог. Ему приснилось, что испанцы появятся на его острове, но точное время их прибытия подсказала луна. Далее беседа принимает более деловой характер. Султан получает в подарок богато расшитое одеяние, которое ему набрасывают на плечи, кресло, в котором он восседает, «тюк тонкого полотна, четыре локтя бордовой ткани, штуку красного атласа, отрез желтого камчатного полотна, много индийских платков, затканых серебром и золотом, кусок белого полотна из Камбея, два головных убора, четыре хрустальных стакана, двенадцать ножей, три больших зеркала, семь пар ножниц, шесть гребней и много других вещей». Приближенных Альмансора испанцы тоже заваливают дарами, пока их не останавливает султан: у него нет ничего, что смогло бы стать достойным ответным подарком испанскому королю, единственно, он сам себя отдаст ему в услужение, скромно объясняет он. Он горит желанием быть по крайней мере его верным и покорным подданным, принимать испанских путешественников, как родных детей, а свой остров отныне назвать Кастилией. Звучит по-королевски и мало чего стоит. Султан пережил знаменательный день - когда он отбыл, канониры дали в его честь салют.

Европейцы закупают пряности. Рисунок из мастерской де Бри (1601)

Затем наступает напряженное время. Испанцы тут же принялись заполнять трюмы каравелл гвоздикой и платят торговцам - наверняка обдуманно - вдвое больше той цены, какую до сих пор назначали арабы и португальцы. За один бахар (от 200 до 240 кг) гвоздики они дают соответственно:

10 локтей³⁰ хорошей красной ткани, или

15 локтей ткани худшего качества, или

26 локтей грубого полотна, или

25 локтей тонкого полотна, или

10 локтей индийской ткани, или

14 локтей желтой ткани, которая стоит в Испании 1 крусадо за локоть, или

35 стеклянных стаканов, или 55 фунтов киновари, или 150 ножей, или 50 пар ножниц, или

15 топориков, или

40 головных уборов, или

46 килограммов меди, или

55 фунтов ртути, или

3 гонга

Пигафетта справедливо считает, что это очень выгодно. Разумеется, при желании гвоздику удалось бы сторговать и дешевле, но все торопятся и готовы на уступки. Итальянец лишь сожалеет, что Альмансор присвоил себе большую часть целых зеркал, основное количество которых разбилось во время плавания, - с зеркалами здесь можно было проворачивать наивыгоднейшие сделки.

10 ноября казначей флотилии, Карвальу и Пигафетта отправились с визитом к султану. Он с интересом выпрашивает их о ходе плавания, о жалованье каждого и о довольствии на борту. Потом он посвящает чужестранцев в дальнейшие планы. Он хочет завоевать соседний Тернате и провозгласить там королем своего племянника, для того чтобы оба острова можно было назвать владениями испанского императора. Альмансор пользуется случаем и выпрашивает разрешения в будущем военном походе воспользоваться печатью и знаменами короля Карла, видимо, даже просит чего-нибудь сверх того. Опять испанцам предоставляется возможность извлечь выгоду из локальных раздоров, но они уже стреляные воробьи. Они увертываются также от другого предложения султана, который охотно бы взял на службу одного или нескольких испанских советников, так как тем временем узнали о судьбе Франсишку Сиррана. Друг Магеллана умер в муках шесть-восемь месяцев назад. Сначала он командовал в военном походе против Тидоре флотом своего повелителя, султана острова Тернате, и одерживал победы. Поэтому вполне вероятно, что он был отравлен по приказу Альмансора, по крайней мере, Пигафетта информирует нас именно так, но это только передача слуха, одного из многих. В смерти Сиррана были заинтересованы несколько человек. Например, Тристан ди Минезиш, посланный вице-королем Индии на Молуккские острова, после того как стало известно о плавании Магеллана. Минезиш должен был осуществить надлежащие приготовления, чтобы помешать испанскому авангарду на Востоке, а также он, наверное, имел задание доставить Сиррана в Малакку. Так как ему не удастся ни то, ни другое, он видит в соотечественнике причину всех зол. По-видимому, он тогда и отдал приказ отравить Сиррана. Во всяком случае, совершенно ясно, что и Сирран, и прочие живущие на Тернате португальцы характеризовали Минезиша самым отрицательным образом, далеко не как защитника местных жителей; дело даже дошло до столкновения.

Это обстоятельство в ближайшие дни сыграет на руку испанцам, ибо появляется принц с острова Тернате, которого Эспиноса и Элькано сначала не решаются принять на борту флагманского корабля, так как опасаются, что о свидании будет доложено султану. Вот и вышло, что гость вынужден был нерешительно проторчать со своими лодками у каравелл, пока не пришло сообщение от султана, что он не имеет ничего против их встречи. Только после этого они приветствуют друг друга. Но за время ожидания принц настолько рассердился, что воспринял

неблагодарно и выражения почтения, и подарки, и вскоре отбыл восвояси.

Вместе с ним исчезли наследство, дети и жена Франсишку Сиррана. По-видимому, эта женщина, родом с Явы, хотела воспользоваться ситуацией и отдать себя под покровительство европейцев, но в рискованной игре за обладание властью и пряностями для нее не нашлось места. По-иному оборачивается дело с Афонсу ди Лорозой, португальцем, который, как Сирран и пять других его соотечественников, обосновался на Тернате. На лодке вместе с принцем прибыл один из его слуг, ему-то и передали украдкой обнадеживающее послание с просьбой к Лорозе нанести визит на корабль.

Альмансор продолжает оставаться доброжелательным, благоклонным хозяином. Он велит построить хижину, где испанцы смогут хранить товары, отряжает сына, чтобы тот помог соорудить остальные складские помещения для пряностей. Правда, делает он это не бескорыстно, не ограничиваясь присвоенными зеркалами, потерю которых так переживал Пигафетта. Он просит выдать ему пленников и получает их почти всех, в том числе трех женщин. Но султан тут же настаивает еще на одном одолжении. Нужно забить свиней, привезенных на кораблях, потому что он исповедует ислам и ему противен даже вид этих животных. Путешественники по-прежнему сговорчивы, они вполне обойдутся козами и птицей.

Вечером 13 ноября происходит знаменательное событие, еще раз замыкается круг: Афонсу ди Лороза и оставшиеся в живых члены флотилии Магелланажимают друг другу руки. Лороза сообщает о пребывании здесь Минезиша, о попытках короля Мануэла удержать флотилию Магеллана подальше от Молуккских островов. Так, у мыса Доброй Надежды и у берегов Ла-Платы ее подстерегали португальские военные корабли. Перехватить флотилию не удалось, и Дьогу Лопишу ди Сикейре, уже генерал-капитану «Индийского моря», было приказано оказать ей в его владениях «горячий» прием. К счастью для испанцев, как раз в это время он получил сведения о том, что огромные военноморские силы турок готовы к походу на Индию. Поэтому он послал в Аденский залив, чтобы преградить дорогу натиску османов, тот быстроходный маневренный корабль, который должен был поджидать Магеллана. К Молуккским островам был послан большой военный корабль с двумя пушечными палубами, чтобы не допустить испанцев на острова. Корабль, однако, вообще не прибыл, наверное, противные ветры вынудили команду повернуть назад. Лороза также рассказывает о группе португальских торговцев и солдат, прибывших сюда на каравелле и двух джонках буквально за несколько дней до испанцев. Джонки сразу поплыли к острову Бачан и были там загружены гвоздикой, в то время как капитан каравеллы собирал сведения о флоте Магеллана. После того как португальцы учинили на Бачане разбой и насилие, их всех перебили, каравелла же спешно уплыла прочь. Таким

образом, джонки, четыреста бахаров гвоздики и множество всякого товара остались на острове без надзора.

Создается впечатление, что Лороза имеет какие-то собственные виды на брошенное добро, о котором рассказывает. С другой стороны, смерть Сиррана, неопределенность собственного положения, постоянные опасения за свою жизнь и догадки о том, как могут от него избавиться его соотечественники, должны были упрочить его решение переметнуться на испанскую сторону. Для испанцев же этот человек, проживший десяток лет на островах Пряностей, прекрасный знаток местных обычаев торговли, был исключительно ценен. Они докучливо уговаривают его перейти к ним на службу, обещают сказочное вознаграждение. Лороза соглашается - едва ли он может предположить, что это решение будет стоить ему головы.

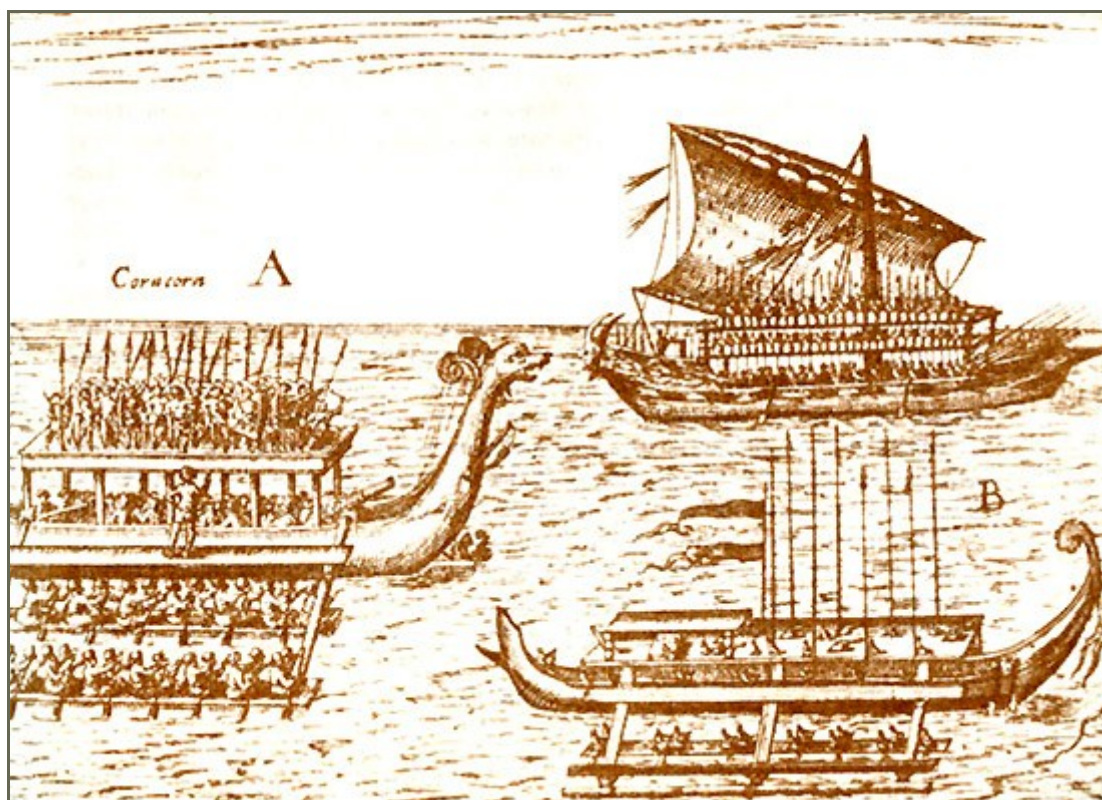

Воины и женщины на Молукках. Рисунок из мастерской де Бри (1601)

Между тем султану Тидоре доставляет все большее удовольствие демонстрировать местным дружественным ему властителям военную мощь новых союзников. Все чаще просит он, чтобы в честь какого-нибудь островного князя давался салют или проводились показательные бои. Один раз это проводится для раджи острова Хальмахера, другой - для раджи острова Макиан, третий - для раджи Бачана, и при любом удобном случае - в честь Альмансора, великого повелителя и астролога, не угадавшего, однако, на какую карту надо ставить. Но султана нельзя ни в чем упрекнуть. Он лично поехал на Бачан, чтобы доставить на Тидор брошенную португальцами гвоздику. И все-таки у его гостей на душе скребут кошки. Испанцы видят, как их бывшие пленники бродят по острову и перешептываются с островитянами, им сообщают, что на Тидоре погибли не только Франсишку Сирран, здесь были убиты также

три его спутника. Они узнают, что многие советники султана считают его приверженность испанцам глупой затеей и убеждают его избавиться от чужаков. Кажется, что эта неприязнь находит, наконец, поддержку, когда все пряности были закуплены и готовы к доставке на корабли. По такому поводу, сообщает Альмансор, принято на острове организовывать праздник. И право, неудивительно, что приглашенные, наученные горьким опытом, не испытывают желания покидать каравеллы. Озадаченный султан спешно прибывает на корабль, клянется на Коране, что он их истинный преданный друг, и намерен уже вернуть все подарки. Эспиноса и Элькано успокаивают его, передают наконец знамена и печать императора, о которых так просил султан. По крайней мере, от праздника они отвернулись.

Только один человек бесстрашно разгуливает по острову, заглядывает в хижины и взбирается на склоны, поросшие гвоздичными деревьями, - Антонио Пигафетта. Возможно, он все-таки избегает бродить в темноте, так как Альмансор рассказывал, что здесь есть люди, которые, если намажут себя волшебной мазью, то потом всю ночь ходят без головы. Итальянец, между прочим, видел и кое-что похуже, однако здесь клятвенно заверяют, что встреча с такими ночными бродягами через три-четыре дня приводит к смерти. Совсем не встревоженный опасностью подобных встреч, Пигафетта описывает деревья и кустарники, дарующие гвоздику, мускат, корицу, имбирь, ландшафт местности, где они произрастают. Для жителей Тидоре у него находится всего несколько слов, поскольку их внешность совершенно не в его вкусе: «Женщины ужасно некрасивы, ходят почти полностью обнаженные, лишь с маленьким фартуком из луба. Материю из луба они получают так. Берут кусок луба, кладут его в воду и оставляют отмочать. Потом отбивают специальными палками, пока он не достигнет нужных размеров. Он становится похож на шелк-сырец, а его фактура создает впечатление, будто он выткан. Мужчины также почти не прикрыты одеждой и очень ревнивы. Им не нравилось, когда мы сходили на берег не полностью одетые, так как для их женщин это означало, что наши шпаги всегда наготове».

Корабли с острова Банда и Тернате. Рисунок из мастерской де Бри (1601)

Подобные заботы оправданы как минимум в одном смысле. В конце ноября закупки пряностей завершились, и матросам теперь было разрешено выменивать их по собственному усмотрению, и находились такие, кто отдавал ненужные части одежды за мешочки с гвоздикой. Их капитаны тем временем занялись высокой политикой. В течение четырех недель они заключают соглашения с правителями Хальмахеры, Макиана и Бачана, а также со многими высокопоставленными вельможами острова Тернате. Султан Альмансор за всем благосклонно наблюдает и не теряет времени даром. Еще за три дня до отплытия он велит начать торжества по поводу свадьбы его дочери с братом раджи острова Бачан. Вряд ли нужны объяснения, какую роль он отводит в этом празднестве бедным европейским канонирам. Интересно само появление у Тидоре роскошной процессии с женихом: его лодка продвигается вперед с помощью ста двадцати мускулистых мужчин; на возвышении, покрытом дорогими коврами и затененном шелковым балдахином, находятся правитель, его слуги и музыканты; вымпелы из перьев попугаев трепещут на ветру. Два других судна везут подарок невесте - несколько юных девушек, которые будут прислужницами у нареченной. Салют звучит на сей раз не в полную силу. Пигафетта пишет, что каравеллы были настолько перегружены, что канониры не решились выстрелить из крупнокалиберных орудий.

16 декабря суда оснастили новыми парусами. Умелые руки вышили на них инсигнии святого Иакова Компостельского и сделали надпись: «Сии суть символы нашего счастливого плавания». Подготовка к отплытию радует не всех. Альмансор тщетно пытается убедить капитанов остаться, но в результате просит, чтобы ему отдали арбалеты, он уже успел

опробовать их в деле, а также другое оружие. Среди моряков нашлись бы такие, кто охотнее остался бы на острове, так как они «боятся голодной смерти».

А султан под конец получает много аркебуз, арбалетов и четыре бочонка пороха. Для себя испанцы запасают фрукты, вино, птицу, коз, рис, саго, восемьдесят бочек воды, пока ни на палубе, ни в трюмах, предназначенных для провизии, вообще не остается места. Путешественники были вынуждены даже отказаться от восьми из десяти бахаров гвоздики, которую раджа острова Бачан хотел преподнести испанскому императору. «Он посылал ему также чучела двух очень красивых птичек. Они приблизительно такого же размера, как голубь; головка маленькая, клюв длинный, лапки толщиной с писчее перо и длиной не больше пяди. У них нет крыльев, вместо них длинные взъерошенные перья самой различной окраски. Хвост такой же длины, как у голубя, все перья темных расцветок, кроме тех, которые находятся на месте крыльев. Эти птицы летают только тогда, когда подует ветер и снесет их с места. Нам говорили, что они появились из сада Эдема, и называют их "болон диуата", что означает "божья птица"».

Это действительно райские птицы. Продажа чучел этих сверкающих роскошным оперением птиц, именуемых по-малайски «буронг девата» и обитающих на Новой Гвинее, Хальмахере и Молукках, долгое время оставалась выгодной статьей дохода, так как считалось, что их владельцы всегда, в любой беде остаются целыми и невредимыми. С остатками флотилии Магеллана в Европу попали пять чучел райских птиц и произвели там неизгладимое впечатление. Но как мы узнаем, тех, кто их везет, они не избавили ни от лишений, ни от смерти.

В среду 18 декабря 1521 года все готово к отплытию. Расставание дается не легко, поскольку, несмотря на то, что жизнь на Молукках протекала далеко не так миролюбиво и беззаботно, как представлял себе гуманист Трансильван, острова все-таки предоставили испанцам разрядку и отдых, выздоровление и драгоценный груз. Ловкий льстец Альмансор сетует, что у него на душе как у брошенного дитяти. Прочие князья острова также не скупятся на аналогичные признания и клятвы в верности. Преподносятся прощальные дары, например искусно гравированное индийское оружие, белые и красные попугаи, пчелиный мед и многое другое. Вслед за этим знать островов Тидоре, Тернате, Халь-махера и Бачан не дает лишиться себя удовольствия и сопровождает каравеллы до ближнего острова Маре, где уже несколько дней сто человек заняты рубкой леса и заготовкой дров для флотилии на обратную дорогу. В путевых записках говорится и о многих молодых мужчинах, отправляющихся вместе с моряками в Испанию. Не вполне ясно, делают они это добровольно или, возможно, разделяют судьбу того, про которого известно, что раджа острова Бачан приказал доставить его на борт в качестве подарка императору.

Первыми выбирают якорь на «Виктории». Северо-восточный муссон надувает ее паруса, на которых красуются кресты и полная надежды

надпись. Бессчетные лодки-прау местных жителей составляют ее эскорт. Вот уже вышли в открытое море, вдруг с «Тринидада» раздаются крики, там в последний момент обнаружили течь, через которую вода непрерывно поступает в нижние помещения трюма. «Виктория» поворачивает назад, наступают часы, целый день изнурительного труда. Часть груза должна быть снята с судна, весь груз - перераспределен. Вахтенные у помп сменяются непрерывно. Тем не менее, вода продолжает прибывать, и даже ныряльщики, присланные Альмансором, не могут найти повреждение. Султан обещает вызвать с другой стороны острова ныряльщиков за жемчугом и, утешая, расхваливает их способности и возможности. Они прибывают 20 декабря и действительно очень умело принимаются за дело. Они ныряют и плывут вдоль корпуса корабля с распущенными волосами, чтобы тяга воды указала дорогу к месту течи, но через час даже они вынуждены признать, что поиски оказались тщетны.

Итак, есть только один выход. «Тринидад» необходимо пол ностью разгрузить, починить и законопатить. Султан Альмансор уверяет, что пришлет лучших плотников. Они исполнят все работы, «а о тех, кто вынужден остаться здесь, он будет заботиться, как о собственных детях. Король высказал это с такой страстью и с таким чувством сострадания, что мы не удержались от слез». Значит, их недоверие было беспочвенным. Да, Альмансор использовал их пребывание в своих целях, он даже обманул испанцев, когда потребовал оплату гвоздики по фактическому весу, а не предоставил скидку на усушку свежих цветочных почек, как было принято. Но в критической ситуации выяснилось, что он не замышлял ничего худого, что на самом деле хочет стать для Испании верным партнером. «Кто же теперь поедет в Испанию и передаст королю, моему господину, весть обо мне?» - об этом ему не пришлось долго беспокоиться. Ведь северо-восточный муссон не может дуть вечно, а на ремонт «Тринидада» потребуются недели. Поэтому Элькано и Эспиноса высказали предложение разделить. Один через Индийский океан и вокруг мыса Доброй Надежды поплывет домой. Другой приведет в исправность свой корабль, дождетя юго-западного муссона и потом попытается добраться через Тихий океан до испанских владений в Центральной Америке. Так они и поступают. С «Виктории» снимают шестьдесят центнеров гвоздики, опасаясь повторения происшедшей неприятности. 21 декабря 1521 года она получает двух малайских лоцманов; ждут только, пока спутники с «Тринидада» напишут письма родственникам.

«И вот наступил момент, когда корабли под пушечные залпы расстались друг с другом. Казалось, что эти залпы - горячий протест против расставания. Наши товарищи сопровождали нас еще некоторое время в лодках. В конце концов, крепко обнявшись и заливаясь слезами, мы расстались».

На Тидоре остаются пятьдесят три человека, с Элькано плывут сорок семь моряков и тринадцать местных жителей. Пламень алчности все разгорается.

Завершение

Что удалиться, Медонт, побудило дитя мое? Нужно ль
Было вверяться ему кораблям, водяными конями
Быстро носящим людей мореходных по влаге пространной?
Иль захотел он, чтобы в людях и имя его истребилось?

Гомер «Одиссея»

На острове Маре путешественников ожидают давно; погрузка дров длится не более часа. Отчалив от острова, они поворачивают на юго-запад и в первый раз бросают якорь у побережья Сулабеси из группы островов Сула. Какая была в том надобность, не сообщается. На остров, наверное, вообще не сходили, потому что Пигафетта не говорит ничего, кроме нескольких слов, о его жителях. Они - дикари, ходят обнаженными и не гнушаются человеческим мясом. Эти сведения, как он позже замечает, он получает от малайского лоцмана. Поэтому не стоит удивляться, что многие его описания индонезийского островного мира часто напоминают рассказы Шехерезады и Синдбада.

Индонезиец с Сулавеси. Иллюстрация XIX века

Рождественские дни проводят у Буру из архипелага островов Серама с богатым угощением на все вкусы:

«Там были рис, свинина, козлятина, сахарный тростник, кокосовые орехи, саго и лакомство из смеси бананов, миндаля и меда, которую заворачивают в листья и коптят».

В последующие дни «Виктория» пересекает море Банда и оказывается возле цепи островов, расположенных между Суматрой и Тимором. Мореплаватели пересекают ту цепь восточнее или западнее Солора, но попадают в ужасающий шторм, который сносит их далеко на восток, до острова Алор. Там они пробыли пятнадцать дней, так как в обшивке тяжело груженного корабля образовались повреждения. О людях с острова Алор сообщаются неприятные вещи. Они якобы завзятые каннибалы, во время частых военных походов одеваются в шкуры буйволов и украшают такую одежду ракушками, раковинами улиток, зубами свиней и козьими хвостами. Они имеют обыкновение вкалывать в волосы бамбуковые гребни; лук и стрелы из бамбука составляют все их оружие. «Это самые отвратительные люди во всей Индии». Но как скоро выясняется, они лучше, чем их репутация. Как угрожающе ни выглядели жители Алора, несколько подарков их быстро примирили с пришельцами, даже находится человек, готовый сопровождать чужеземцев до острова, где всяких продуктов в избытке. Конечно, имеется в виду соседний Тимор. «Виктория» достигла его 26 января 1522 года.

Панорама острова Алор близ Тимора. На переднем плане европейцы и аборигены, стреляющие из луков. (Экспедиция Фрейкинета, 1818)

Во время перехода на Тимор Пигафетта напряженно прислушивается к сказкам, которые ему рассказывает лоцман. Так, например, здесь есть будто бы остров Арукете, где обитают кар лики ростом не более локтя.

Они живут в подземных пещерах, питаются рыбой и фруктами. Но самое примечательное у них - уши. Они такие большие, что одно ухо служит им постелью, другим они укрываются. К сожалению, сетует хронист, коварные течения и острые рифы серьезно затрудняют плавание на Арукете. Разумеется, ему вряд ли удалось бы воодушевить Элькано на поиски острова карликов, потому что капитана обуревают более серьезные заботы. Хотя на Тидоре было взято достаточное количество провизии, фрукты и овощи очень быстро портятся, а соли не хватает, чтобы как следует просолить мясо. Вот почему Элькано на Тиморе прежде всего пытается раздобыть для своей команды что-нибудь съестное. Итальянец тем временем так наловчился в языке, что свободно может сходить на берег один и вести переговоры с вождями острова Тимор. Поскольку требования испанцев кажутся вождям чрезмерными, Элькано в результате приказывает одного из них задержать до тех пор, пока друзья из его племени не купили ему свободу. Они отдали за него семь буйволов, пять коз и две свиньи. Моряки все-таки последовательно стараются умиловить вождя дорогими подарками, в том числе полотном, топорами, ножами, зеркалами. И действительно, вождь отправляется к себе вполне удовлетворенный. Жадность жителей Тимора вызвана оживленной торговлей, которая здесь ведется. Как установили испанцы, купцы с Явы и Малакки удовлетворяют на Тиморе потребности в мастике и древесине сандалового дерева, имеющегося здесь в изобилии. Один раз они даже встретили джонку, прибывшую сюда с филиппинского острова Лусон, которую загружали белым благоухающим сандаловым деревом.

Антонио Пигафетта заполняет страницу за страницей дневника рассказами о всевозможных диковинах, про которые узнает во время пребывания на Тиморе. Особенно глубоко потряс его обычай сжигать на смертном костре вдов:

«Если на острове Ява умирает какой-нибудь знатный человек, принято сжигать его останки. Его же любимую жену украшают гирляндами цветов, потом три-четыре мужчины носят ее в паланкине по всему городу. И тогда, когда ее ближние плачут и причитают, она пытается их успокоить и радостно заявляет: «Не проливайте обо мне слезы, ведь уже сегодня вечером я опять соединюсь с моим любимым мужем!» Как только достигают того места, где тело названного покойного предадут пламени, она еще раз утешает родных и бросается в огонь, который пожирает останки ее мужа».

Такой ужасный религиозный обряд на самом деле был распространен среди сиамских буддистов и индийских индуистов. Во всем индонезийском районе сообщения об аналогичном обряде позже поступали только с острова Бали.

Как сжигают умерших брахманов и как их жены сжигают себя сами в том же огне. Рисунок из мастерской де Бри (1598)

Возможно, отталкивающий обряд возымел свои результаты. Не зря же лоцман рассказывает, что к западу от Явы есть будто бы остров, где живут одни только женщины. Если кто-нибудь из мужчин решится ступить на его землю, то его убивают, точно так же как новорожденных младенцев мужского пола. На само собой разумеющийся вопрос, откуда вообще там берутся дети, рассказчик дает вполне определенный ответ - от ветра. Мы не знаем, вознамерились ли корабельный юнга Айамонте и солдат Салданы изменить такое положение дел, когда дезертировали и спрятались на Тиморе. Остается лишь пожелать, чтобы им посчастливилось прожить необременительную жизнь, на которую они надеялись и которую вполне заслужили.

Лоцманы не упускают возможность рассказать их терпеливому слушателю о птице Рухх из арабских сказок. Здесь ее зовут Гаруда, живет она на высоких, до самого неба, деревьях, растущих в Китайском заливе на отдельных выступах суши, омываемых бушующими, свирепыми стремнинами. Питается она буйволами и слонами, которых без труда доставляет прямо по воздуху себе на дерево. Помимо таких историй и захватывающих описаний трудностей, подстерегающих сборщиков ревеня в Камбодже³¹, много говорится о легендарном богатстве китайского императора, о золоте, серебре и жемчуге. Пигафетта делает великое дело, когда записывает все «небылицы»: и амазонки, и птица Рухх были на самом деле, одни - у Сокотры, другая - на Мадагаскаре³².

Только действительность была далеко не так прекрасна и беззаботна, как в тех сказках. Что же касается ревеня, он оставался в Европе на ближайшие два столетия высокоценным, импортируемым из Азии лекарством. И наконец, то, что говорится об императоре Китая, задолго до того поведал Марко Поло.

Робкий вопрос, заданный Пенелопой в приведенном перед гла вой эпиграфе накануне плавания, в которое вступила «Виктория» в ночь с десятого на одиннадцатое февраля 1522 года, кажется вполне оправданным. Моряки должны были пересечь весь Индийский океан из конца в конец, причем оставаться далеко в стороне от гаваней, предоставляющих португальцам, следующим в Индию, убежище и провизию. Парусный маршрут в 6000 морских миль отделяет их от мыса Доброй Надежды, а оттуда - все 4000 морских миль до побережья Испании. Несмотря на то, что такой переход по тем временам был исключительно смелым начинанием, превзойденным разве что Магеллановой одиссеей через Тихий океан, хронист первого кругосветного плавания посвящает ему лишь несколько слов. Мотивы его действий очевидны. Так же как он избегает упоминать имя Элькано,

точно так же он пытается принизить и его деяние. Для Пигафетты его «отрада и надежда, утешение и светоч» угас у острова Мактан, он мало ценит то, что происходит после. Такое отношение несправедливо, ведь Элькано уже почти не имеет ничего общего с бывшим мятежником из Сан-Хулиана. И уж конечно, моряки, которые везут его домой, в первую очередь заслуживают того, чтобы их труд был по достоинству оценен.

13 февраля берег Тимора теряется из виду. Элькано велит взять курс на юго-юго-запад, чтобы достичь 40-41°. Он это предпринимает «из страха перед королем Португалии». Правда, такой курс приводит его одновременно в места, где господствуют южноиндийские антициклоны, влияние которых уже во вторую неделю марта доставит морякам много неприятностей. Юго-восточный пассат стих, шесть дней подряд западные штормы мешают поднять все паруса, поставлен только один, изодранный в клочья. В результате они попали в зону устойчивых западных ветров и вынуждены, напрягая все силы, крейсировать под штормовым парусом или беспомощно дрейфовать. Их верные спутники, голод и цинга, тут как тут. Плохо просоленное мясо стало слизистым и червивым и издавало отвратительный запах, вода протухла.

Однажды, 18 марта, увидели вздымающиеся из воды контуры какой-то земли - то был остров Амстердам или остров Святого Павла. Но все попытки достичь его ни к чему не привели. Не удавалось ни приблизиться к острову, ни продвинуться вперед. Прошло целых два дня, а манящий остров по-прежнему недоступен, но потом корабль снова движется вперед, все убыстряя ход. Во всяком случае, так считает кормчий Франсиско Альбо, пытавшийся в апреле установить пройденное расстояние, оказавшееся, по его подсчетам, весьма значительным. С каждым днем ошибки в расчетах, которых без знания географической долготы просто невозможно избежать, множатся. Таким образом, оказалось, что «Виктория» в действительности находилась на 700 морских миль восточнее, чем предполагал Альбо. 5 мая он решил, что уже миновали мыс Доброй Надежды. Через три дня на горизонте появилась земля: беспорядочные цепи холмов, частично поросшие темным кустарником, частично с оголенными песчаными склонами.

То, что в иных случаях встречают с ликованием, сейчас внушает ужас. Два дня корабль следует на северо-запад, казалось, опасный мыс должен быть давно позади, но изможденные мореплаватели вынуждены признать, что находятся всего лишь у юго-восточного побережья Африки. По-видимому, река, в устье которой они через день бросили якорь, - это сегодняшняя Кейскама. В ее окрестностях тщетно разыскивают съедобные растения и дичь, поэтому кое-кто впадает в уныние.

«Некоторые из нас, будь то больные или здоровые, потребовали править в гавань, названную португальцами Мозамбик. Они настаивали на этом потому, что корабль набрал много воды, что мы страдали от стужи, и особенно потому, что мы питались одним только рисом и водой, так как из-за недостатка соли все мясо протухло и кишело червями. Но

другим все же честь была дороже жизни, и они решились плыть в Испанию, даже если это будет стоить им жизни».

Моряки без того на грани гибели. Следуя вдоль побережья в южном направлении, с колоссальным трудом удается избегать остроконечных пагубных рифов. Довольно часто столбы дыма выдают, что местность обитаема, но пристать к берегу мешают утесы, сплошь усеявшие все подступы к нему. Возникает впечатление, что мыс обогнуть вообще невозможно. Волны высотой с гору да ледяные воюющие ураганы продолжают игру с каравеллой. 16 мая сильный порыв ветра срывает с ее фок-мачты стеньгу и прикрепленную к ней рею. И тем не менее через три дня изнуренные, измученные непрерывной работой у помп люди на корабле, частично лишенном такелажа, обогнули предгорья мыса Доброй Надежды. Попутные ветры понесли корабль на север, но мукам не пришел еще конец, поскольку скудное питание на борту - рис и вода - не могут их даже уменьшить. С щемящей тоской думают моряки об острове Святой Елены, дарующем возможность отдыха проплывающим мимо португальцам. Там, конечно, подстерегают каперы. Но жажда жизни пока сильнее отчаяния. Однако долго продолжаться так не может. В ближайшую неделю умирает двадцать один человек - испанцы, португальцы, индонезийцы. Их спутникам недостает сил подобающим образом похоронить умерших. Страдания притупляют чувства. Пигафетта равнодушно смотрит, как выбрасывают за борт трупы, и делает только одно наблюдение: лишь тела христиан тонут с обращенными к небу лицами.

Даже те, для кого честь дороже собственной жизни, вынуждены признать, что очень скоро жестокое море поглотит и их самих, и их имена. Принимается решение плыть к островам Зеленого Мыса, чтобы торговать там провизию и африканских рабов, которые в дальнейшем будут обслуживать помпы. Таким образом, 9 июля мореплаватели достигли острова Сантьягу, занятого португальцами. Моряки говорят, что прибыли из испанских владений в Америке, в районе экватора попали в сильный шторм, который искорежил их корабль и пригнал его сюда. Покупаются две полные лодки провианта, и хотя это один только рис, но все же спасение. Пигафетта просит товарищей, отправляющихся на берег, узнать, какой здесь день недели. Ответ всех изумляет - четверг. Но судя по записям в дневнике хрониста и по данным кормчего Альбо, сейчас должна быть среда. Что же, они ошиблись и уже достаточно длительный срок все церковные праздники отмечают не в те дни? Эта мысль приводит их в отчаяние. Только позже кругосветные мореплаватели узнают, что выиграли день, так как двигались вслед за солнцем, следуя по тому же пути, который совершает наше светило.

Матросы Андрес Бланко и Эстебан Бретон в рисе больше уже не нуждаются. И ни в одном списке тех, кто первыми обогнул земной шар, не встретишь их имена, между тем они тоже достойны этой чести, так как меридиан Севильи давно пересечен. Остальные нездоровые члены экипажа поправляются медленнее, чем хотел и мог бы себе позволить

Элькано. Поэтому 14 июля он решается еще раз направить лодку к берегу, чтобы теперь доставить хлеб, мясо и рабов. Поскольку испанцы не располагают достаточным количеством денег, они берут с собой три центнера гвоздики. Один раз торговля завершилась удачно, во второй раз лодка назад не вернулась. Элькано подозревает самое худшее, всю ночь ждет и на следующий день смело входит в гавань, которую до сих пор избегал даже на отдалении. Но те тринадцать человек, двенадцать европейцев и один индонезиец, давно арестованы. Их выдала гвоздика. Некоторое время Элькано ведет переговоры с португальцами, потом замечает, что четыре каравеллы готовятся начать охоту за «Викторией». Он спасается бегством, и истерзанной команде и дряхлому кораблю удается уйти от преследования. Их осталось всего лишь двадцать два - восемнадцать европейцев и четыре индонезийца; слишком мало, чтобы управлять каравеллой; все, по словам Элькано, «измождены до такой степени, что невозможно себе представить». Но свершается чудо. 15 августа корабль проходит между островами Фаял и Флориш из архипелага Азорских островов, а 4 сентября взору открываются крутые скалы, мерцающие светлыми красками. Это мыс Сан-Висенти - юго-западная оконечность Пиренейского полуострова.

"Виктория". Рисунок из "Сборника мореплавания..." Хульсиуса (1603)

Корабль, который два дня спустя встал на рейде Санлукар-де-Баррамеды, вызывает любопытство: его паруса заштопаны, выгорели на солнце, на них едва можно различить рисунки религиозных символов, изменившихся до неузнаваемости. Изодранные знамена запутались в такелаже, из растрескавшейся обшивки судна торчат клочья пакли. Когда алькальд порта и сопровождающие его лица поднялись на борт, они увидели только двадцать два человека, многих застали спящими, в горячке, слишком измученными, чтобы ликовать по поводу возвращения на родину. Да, здесь вроде бы припоминают об армаде из пяти каравелл и двухсот шестидесяти пяти моряков, которая три года назад под развевающимися вымпелами покинула гавань. Но ведь она уже давным-давно пропала, сгнула в ледяных южных краях света, или ее поглотила пучина на другой стороне Земли. Внимательно, испытующе осмотрели чиновники все вокруг, разглядели четырех темнокожих людей с необычными чертами лиц, от них не ускользнул и аромат пряностей, поднимающийся из трюма. У алькальда щемит сердце, когда он пожимает руку Элькано. Замешательство проходит, стоило только прибыть лодке с вином, хлебом, мясом и дынями. Превосходен, изыскан вкус этих продуктов, от которых так долго приходилось отказываться. Люди откусывают благоухающий хлеб, едят дыни, измазав лица их соком, уговаривают индонезийцев отведать дары их родины. Из гавани прибывают пятнадцать матросов, они отремонтируют оснастку корабля для дальнейшего пути в Севилью. Вернувшиеся с «Викторией» на родину упиваются успехом, болтают и хвастают, в то время как Элькано в своей каюте составляет письмо императору:

«Почтительнейше уведомляем Ваше августейшее величество, что мы, в числе всего восемнадцати человек, вернулись на одном из пяти кораблей, посланных Вашим величеством на поиски пряностей под командой славной памяти капитана Фернана де Магеллана. Дабы скорее оповестить Вас о наиважнейших событиях нашего плавания, я теперь же кратко опишу их.

Мы достигли 54° за линией экватора и нашли там пролив, который вел в море, находящееся между владениями Вашего величества [американские] и Индией. Пролив этот имеет в длину сто лиг.

Войдя в это море, мы, хотя ветер дул попутный, плыли три месяца и двадцать дней, не встретив иной земли, кроме двух маленьких... островов. Затем мы достигли архипелага со многими островами, богатыми золотом. Там наш капитан Фернан де Магеллан погиб со многими другими. Так как нас было уже слишком мало для продолжения плавания на всех кораблях, мы бросили один, а на двух других поплыли от острова к острову, пока с божьей помощью не отыскали Молуккские острова. Это случилось через восемь месяцев после смерти нашего капитана.

Чудеса Индии: бамбук, мангровы, дурьян. Рисунок из мастерской де Бри (1600)

Там мы нагрузили ооа корабля гвоздикой; следует уведомить Ваше величество, что на пути к Молуккам мы нашли камфору, корицу и жемчуг. Когда же мы вознамерились вернуться в Испанию, оказалось, что один из наших двух кораблей дал большую течь. Чтобы привести в порядок, его необходимо было полностью разгрузить. Но поскольку слишком много было бы потеряно времени, прежде чем оба корабля через Яву и Малакку могли бы отправиться на родину, мы отплыли на

одном. Мы поклялись верно служить Вашему величеству и доставить Вам весть о нашем открытии или умереть и отдались на милость господню.

По пути мы побывали на множестве очень богатых островов, в том числе на островах Банда, где цветет мускат и произрастает мускатный орех, на Яве, где произрастает перец, а также на Тиморе, изобилующем сандаловым деревом, кроме того, на всех этих островах много имбиря. Ветки всех этих растений с плодами, взятые на упомянутых островах, мы привезли с собой и покажем Вашему величеству. Кроме того, мы привезли договоры о дружбе со всеми королями и правителями означенных островов, подписанные ими самолично, где они отдают себя как вассалы под Ваше владычество.

Чудеса Индии: слон, крокодил, носорог, бородавочник. Рисунок из мастерской де Бри (1600)

Когда мы покинули последний остров, то более пяти месяцев поддерживали силы только зерном, рисом и водой, не приближаясь ни к какой земле из страха перед королем португальским. Ведь он разослал по всем своим владениям приказ захватить наши корабли, чтобы Ваше величество никогда больше о нас не услышало. Во время этого перехода у нас умерло от голода двадцать два человека и почти полное отсутствие провизии заставило нас зайти на один из островов Зеленого Мыса.

Правитель острова захватил лодку с тринадцатью нашими людьми. Он намеревался отправить и меня, и всю команду на корабле, шедшим с грузом пряностей из Каликута в Португалию. Он утверждал, что только португальцам дозволено разыскивать пряности, и он отрядил четыре корабля, чтобы нас перехватить. Но все мы единодушно решили, что скорее погибнем, чем позволим португальцам взять нас в плен. Превозмогая величайшие мучения, ибо денно и ночью мы работали у помп, выкачивая воду из корабля, ослабевшие и изнуренные до крайности, мы продолжали плыть, и нам посчастливилось с помощью

бога нашего и святой девы Марии по прошествии трех лет плавания войти в гавань Санлукара.

Обращаюсь к Вашему величеству с просьбой потребовать от короля Португалии освобождения тринадцати человек, которые так долго Вам служили. Вашу милость должно обрадовать, что мы оплавали всю окружность земного шара: поплыв на запад, мы вернулись с востока. И еще смиренно прошу Ваше величество милостиво разрешить команде в знак признания тяжких трудов, голода и жажды, стужи и жары, которые претерпевали люди, вер но служа Вашему величеству, ввезти в страну товары, купленные ими на собственные средства, без налогов и пошлин» (цитируется по Кёлликеру).

Письмо Элькано императору Карлу V приведено здесь, во-первых, потому, что кратко и емко дает оценку первому кругосветному плаванию и его мотивам. Во-вторых, оно раскрывает меру сострадания и единения людей, принявших в нем участие. Правда, их содружество продлится только несколько дней. 8 сентября они причаливают в Севилье и приветствуют город оглушительным салютом. Прежде чем они смогут насладиться заслуженной славой и рассказать падким на сенсации зевакам о патагонских великанах, о птице Рухх и ужасах морей, им надо сделать одно важное дело. Девятого числа сентября месяца 1522 года можно видеть примечательную картину - восемнадцать босых, одетых в рубище, мужчин бредут по дороге в церковь Санта-Мария-де-ла-Виктория. Там когда-то были освящены знамена армады, там они клялись в верности Фернанду де Магеллану, сейчас они благо дарят господу бога за свое счастливое возвращение, молятся за спасение душ умерших и за возвращение на родину тех, кто остался на Тидоре и Сантьягу.

Не все их молитвы были услышаны. Только арестованные на островах Зеленого Мыса в скором времени получают свободу и возвращаются домой в Испанию, после того как император Карл специально попросил об этом португальского короля. Значительно хуже обернулись дела с командой «Тринидада». Моряки покинули Тидоре 6 апреля 1522 года, когда местные плотники привели в порядок корабль. Поначалу многие европейцы поддержали войско раджи острова Хальмахера в одном из военных походов. Видимо, Гонсало Гомес Эспиноса не мог или не хотел удержать своих подчиненных от таких действий. Так как Элькано сгрузил 60 центнеров гвоздики и Эспиноса тоже не хотел чрезмерно перегружать корабль, пять человек остались на острове для охраны товаров. Конечно, он очень рассчитывал на то, что на Молуккские острова в скором времени прибудет испанский флот, которому эти пятеро могли бы пригодиться. Таким образом, после смерти Жуана Лопиша Карвалью, скончавшегося в феврале, оставалось только сорок восемь моряков, которые в апреле миновали западное побережье Хальмахеры и поплыли на север. Потом они повернули на восток и в последнюю неделю месяца вышли в просторы Тихого океана. Мореплаватели предполагали, что от испанских владений в Центральной

Америке их отделяет 6000 морских миль - в действительности же это расстояние превосходит 9000 морских миль. Им не дано было убедиться на практике в своем заблуждении, потому что постоянно дующий северо-восточный пассат препятствовал их продвижению вперед. Из-за ветра моряки были вынуждены взять северо-восточный курс, который сначала привел их к двум островкам из группы Палау, затемк Марианским островам. Там испанцы высадились на одном из северных островов, по-видимому, это был Агриджан, и похитили местного жителя. Потом они снова попытались в самоотверженной схватке с ветром продвинуться навстречу цели, однако все их усилия ни к чему не привели. Путь для парусных судов, который они искали, был открыт и пройден только спустя сорок три года.

Опять Тихий океан показывает свои ужасы. Довольно скоро большая часть провизии была съедена, питались теперь одним рисом и водой, все страдали от цинги. Мученики моря до такой степени ослабли, что решили, что черви гложут и пожирают их изнутри. Отчаявшись, преодолевая страх, вскрывают они тело первого умершего и копаются во внутренностях. Конечно, они не находят ничего, что могло бы объяснить разрушение их организма. Это произошло, видимо, уже тогда, когда было принято решение повернуть назад. Ибо «Тринидад» попал в самой северной точке обратного плавания на широте 42° в шторм, буквально опустошивший судно. Палубные надстройки на носу и корме были разрушены, паруса - порваны, грот-мачта треснула в двух местах.

Итак, спустя пять месяцев после отплытия с Тидоре Эспиноса и его спутники вынуждены были отступить. Они направились назад к Марианским островам, где вместе с ранее похищенным островитянином бегут трое испанцев. Ничто - ни призывы возвратиться, ни заверения, что они не будут наказаны, - не заставило их вернуться в общество тех, кто, как они полагали, больны таинственной болезнью. Небезынтересно узнать, что Гарсиа Хофре де Лоайса, под руководством которого испанский флот в 1525-1526 годах первым проследовал по пути Магеллана, встретил на Тиниане одного из тех дезертиров, единственного оставшегося к тому времени в живых.

Их товарищам потребовалось шесть недель для преодоления расстояния между Марианскими островами и островом Хальмахера, который смогли наконец увидеть только восемнадцать моряков. Двадцать семь моряков не перенесли сверхчеловеческих страданий, выпавших на их долю. Когда испанцы бросили якорь у острова Хальмахера и считали, что спасены, они узнали, что тем временем произошло на Тидоре. 13 мая, через пять недель после их отплытия, на рейде Тидоре появился Антониу ди Бриту во главе португальской эскадры и потребовал от султана Альмансора выдачи испанских товаров и их хранителей. При виде семи кораблей и трехсот вооруженных воинов, которыми командовал Бриту, Альмансор вынужден был подчиниться ультиматуму. Как потом подсчитал Кристоаль де Аро, Бриту представилась возможность захватить тогда оружия, предметов

снаряжения, обменного фонда торговли и пряностей общей стоимостью в 200000 дукатов - по сегодняшним понятиям миллионная пожива.

Эспиноса тем не менее надеялся на великодушие победителей. У него и не было другого выхода. В конце концов, Испания и Португалия не ведут друг против друга войну, и вполне можно было допустить, что восемнадцать тяжело больных моряков не будут рассматриваться как представители вражеских вооруженных сил. Поэтому он дал Бриту знать о своем прибытии, после чего португальцы заняли «Тринидад» и пригнали его к побережью острова Тернате. О великодушии не могло быть и речи. Корабль был полностью разгружен, с его командой обошлись как с преступниками, португальскому знатоку пряностей Афонсу ди Лорозе Бриту приказал тут же отрубить голову. В те же самые дни закончил свое существование «Тринидад», бывший когда-то флагманским кораблем Магеллана. Во время шторма он наскочил на риф и разбился, но его обшивка и шпангоуты были спасены и употреблены при строительстве крепости, которую португальцы начали возводить на Тернате. А новые хождения по мукам его экипажа только-только начинались. Арестованных принуждали выполнять самые тяжелые работы, кормили впроголодь, исполь зовали любую возможность унижить их перед островитянами. Когда в феврале 1523 года первых из них доставили в Индию, Бриту выражал в своем сопроводительном письме живейшее сожаление по поводу того, что они вряд ли способны перенести тяготы местного климата. Вообще он предлагал всех арестованных попросту обезглавить. И хотя его желание, полное сострадания, не было удовлетворено, колониальные власти Индии тоже, казалось, рассчитывали, что лишения и тропическая лихорадка и без того их изведут. Только в январе 1525 года Эспиноса сумел при помощи одного дружески настроенного матроса переправить в Испанию письмо, в котором рассказывал императору Карлу V об их судьбе:

«Из двадцати одного человека [с командой фактории], вернувшихся на Молукки, к настоящему времени здесь осталось в живых только шестеро. Некоторые умерли от постоянного недоедания, кое-кто сумел бежать на джонках и маленьких кораблях. Больше, чем от ареста, мы страдали от нехватки пищи; с нами здесь обходятся хуже, чем если бы мы попали в плен к варварам. Я целую руки Вашего святейшего величества и милостиво прошу покончить с таким положением дел и вызволить нас из плена».

В конце 1525 года оставшиеся в живых члены экипажа «Тринидада», всего лишь четверо, были доставлены из Кочина в Лиссабон и там снова брошены в застенки. Один из них, «маэстре Ганс», - первый немец, обогнувший земной шар. Он не перенес эти новые семь месяцев тюрьмы. Только его друзьям по несчастью - Эспиносе, священнику Моралесу и матросу Хинесу де Мафра, а также ранее бежавшему из Индии кормчему Леону Панкальдо - было суждено снова увидеть Испанию. Из документов следует, что 2 августа 1527 года они были приняты при дворе в Вальядолиде.

Да, таков был итог первого кругосветного плавания. Из двухсот шестидесяти пяти моряков назад вернулись только те шестьдесят, что дезертировали на «Сан-Антонио», и те тридцать четыре человека, что остались в живых и вернулись назад с Элькано и Эспиносой. Из пяти кораблей, высланных в плавание, три пропало. Не поддаются счету аборигены, убитые во время плавания европейцами. Дорогая цена. Но если изучить конторские книги, предприятие не выглядело столь уж безотраднo. Принимая во внимание стоимость «Сан-Антонио» и «Виктории», их оснащения и особенно цену доставленного в Испанию груза пряностей (7,9 миллиона мараведи), Кристобаль де Аро в 1537 году, когда были произведены все причитающиеся выплаты пенсий, жалованья, прочих денежных возмещений - нередко после длительных судебных разбирательств, - определил чистую прибыль в 346216 мараведи.

Эпилог

Осталось рассказать о людях, с которыми мы познакомились в ходе этого повествования, и о том, что с ними случилось.

Сначала о султane Альмансоре с Тидоре. Как мы уже узнали, его договор с испанцами оказался серьезным промахом. После того как Антониу ди Бриту приказал построить на Тернате форт, а Альмансор продолжал противиться признанию господства Португалии, войско, составленное из португальцев и жителей острова Тернате, атаковало Тидоре. Нападающим не удалось захватить главный город острова, и после многих безрезультатных атак они повернули на Мариако, резиденцию правителя, расположенную у вулкана Тидоре. Этот военный поход был успешный. Бла гообразная, укрепленная местность была разорена и предана огню. Альмансор запросил мира, который был ему дарован Гарсией Энрикишем, новым наместником Португалии на Молуккских островах, только летом 1525 года. Однако то был «мир скорпиона»: Гарсиа приказал португальскому врачу, к которому обратился за помощью больной султан, отравить Альмансора. И в то время, когда жители Тидоре еще проводили траурные церемонии по умершему правителю, португальцы напали на их главный город и сожгли его. Весь остров был разграблен, население бежало к подножию вулкана. Поэтому понятно, что жители Тидоре встретили прибывшие в декабре 1526 года испанские корабли всеобщим ликованием и приняли участие в строительстве крепости, которую начали возводить испанцы. Как оказалось впоследствии, преемники Альмансора снова сделали ставку не на ту карту.

Карта Молуккских островов, Филиппин и Индонезии, составленная Дьогу Оменем в середине XVI века. На карте показан маршрут флота Магеллана (по Келликеру)

И другому коронованному лицу, императору Карлу, острова Пряностей даровали ему мало радости. Вначале он договорился с королем Жуаном III (1521-1557), правившим Португалией, о создании комиссии, в которую войдут компетентные ученые. Они должны определить, к испанской или португальской сфере влияния относятся Молуккские острова. Во всяком случае, совет, в который вошли такие видные специалисты, как Себастьян Кабот, Фернандо Колон, младший сын первооткрывателя Нового Света, и Хуан Себастьян де Элькано, не мог прийти к единому мнению. Это объясняется тем, что не могли установить географическую долготу островов, а также не было известно, чему равно расстояние между географическими градусами. Например, Фернандо Колон, отстаивавший ошибочное учение отца об общей картине мира, во время переговоров доказывал, что не только Молуккские острова, но и Индия и Аравия относятся к территориям, на которые должна распространяться прерогатива испанского владычества. Как можно было заранее предположить, комиссия закончила свою работу, так и не найдя общего решения.

Это произошло через два года после завершения первого кругосветного плавания. А когда последующим экспедициям к островам Пряностей под руководством Гарсиа Хофре де Лоайсы и Альваро де Сааведры Серона не удалось добиться значительного успеха Карл I

решил заключить договор (Сарагоса, 1529) соглас но которому должен быть осуществлен новый передел мира. Тем самым он отказывался от притязаний на Молуккские острова и все области, простирающиеся на семнадцать градусов долготы к востоку от островов Пряностей, а значит, и от Новой Гвинеи, открытой три года назад. Португальская корона выплатила ему за этот отказ 350000 дукатов. Так уж получилось, что предприятие Магеллана было оплачено вторично. Золотоносные острова», которые он помимо прочего, открыл для своего императора, были присоединены к Испании только в период правления преемника Карла I. Поэтому они носят его имя - Филиппины. В то время колонизация Америки больше всего поглощала силы Испании, наверное это и стало причиной, заставившей Карла отказаться от далеких Молуккских островов.

Подобное решение должно было весьма раздосадовать банкира Кристобаля де Аро. Легко представить, с какой радостью узрел деятельный купец груз пряностей, доставленный на «Виктории». Поначалу все выглядело так, будто бы подобные случаи еще повторятся. Скоро Аро основал в Ла-Корунье Каса де эспесьерис (Палату пряностей), которой стал управлять на правах фактора. Император Карл предоставил ему исключительные привилегии, в частности установление цен на пряности, освобождение его кораблей от всяческих таможенных сборов за швартовку в гаванях а также от пошлины и налогов. В свою очередь Аро соглашался финансировать будущие экспедиции с целью достичь Молуккских Островов и обеспечивал предприятие платежеспособными «заимодавцами с обширными связями. В 1525 году он стал главным финансистом армады Лоайсы, внося пай 1,2 миллиона мараведи. И даже банкиры Фуггеры, с которыми он был тесно связан рискнули снова вложить в дело 10000 дукатов. Однако экспедиция потерпела фиаско. Только четыре из семи отправившихся в плавание кораблей достигли Тихого океана, только один - Молуккских островов. Экипажу этого единственного корабля пришлось пережить то же самое, что и людям Эспиносы. Лишь восемь моряков после длительных мытарств по португальским тюрьмам сумели в 1536 году вернуться в Испанию. Для Аро это не явилось уничтожающим ударом, но впредь он вкладывал деньги более осмотрительно. Когда в апреле 1526 года четыре каравеллы под командованием Себастьяна Кабота вышли в просторы Атлантики и взяли курс на запад, чтобы проследовать по пути, указанному Магелланом, Аро предоставил возможность группе банкиров, которые вели дела в Севилье, дать займы нужную сумму. Но дело обернулось таким образом, что его сдержанность целиком и полностью оправдалась. Начинание Кабота закончилось уже у бразильского побережья катастрофическими потерями.

В 1527 году дошла очередь до Эрнана Кортеса. Он захотел проложить морской путь между Мексикой и Молукками. Отправленный им на Молуккские острова Альваро Сааведра Серон, можно сказать, достиг цели. Однако на обратном пути его постигла неудача, он все-таки не смог преодолеть постоянные противные ветры. Груз пряностей, корабль

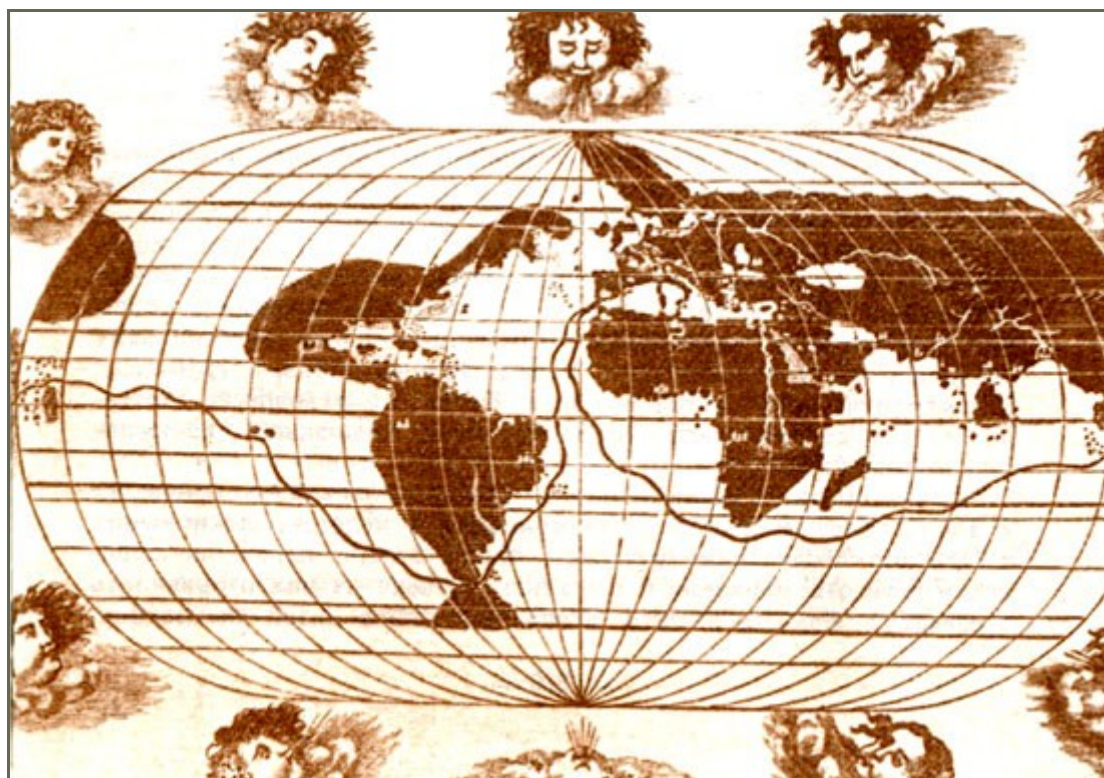
и его команда попала в руки португальцев. Кристоаль де Аро в этом предприятии участия вообще не принимал. Можно предположить, что так произошло из-за возникшего на некоторое время тесного делового контакта между ним и епископом Хуаном Родригесом де Фонсекой, который в 1522 году пытался оклеветать Кортеса и лишить власти. В этой ситуации Фонсека сам оказался поверженным. Когда-то могущественнейший политик Испании, мнимый дядя Хуана де Картахены, Фонсека закончил свои дни никому не известным кабинетным ученым. Ну а Аро был слишком благоразумным дельцом, чтобы позволить втянуть себя в эту интригу. Конечно, кроме борьбы с Фонсекой, могли быть и другие причины, побудившие Кортеса к этой самостоятельной атаке на Молуккские острова. Когда Карл V запретил все последующие плавания на Молукки и Каса де эспесьериас была распущена, закончилась также деятельность Аро в роли поборника и финансиста исследовательских плаваний.

Что случилось с Руем Фалейру, отчасти было уже упомянуто. После того как двери португальских казематов перед ним раскрылись, он вернулся в Испанию. Обещание предоставить ему возможность руководить экспедицией не было выполнено. Во всяком случае, позже ему была назначена пенсия, что позволило обманутому вести приличное существование. Он и в самом деле уже не был в состоянии претворить свои планы в жизнь. Руй Фалейру умер предположительно в 1556 году, лишившись рассудка, он был до такой степени буйным, «что, бывало, пятеро мужчин не могли его скрутить».

Алвару ди Мишкита, бывший капитан «Сан-Антонио», все еще томился в тюрьме, когда «Виктория» прибыла в Севилью. Заступничество Элькано обеспечило ему свободу, но не защитило его поруганную честь. Противник Мишкиты Эстебан Гомес остался не только безнаказанным, но и получил высочайшее одобрение. В 1524-1525 годах он искал Северо-западный проход в Тихий океан, спустя девять лет ему был пожалован фамильный герб за якобы «свершенные во время исследовательского плавания Магеллана достойные признания деяния».

Судебные заседатели проявили себя столь же пристрастно, как и в упомянутой афере, и во время процессов за наследство Магеллана. Так как его сына Родриго и жены Беатрис более не было в живых, а родные в Португалии не предъявили своих притязаний, этим делом занялись тесть Магеллана Дьогу Барбоза и его сын Хайме. Дьогу Барбоза скончался в 1525 году, так и не успев узнать, что в том же году королевский трибунал признал его наследником всех значительных денежных сумм и привилегий, которые были когда-то обещаны Магеллану. Однако несмотря на благоприятное завершение дела, его преемники не получили ни одного мараведи из королевской кассы. В 1796 году возник новый правовой спор относительно их претензий, тоже безуспешный. То было последнее разбирательство. Ни брат Магеллана Дьогу ди Соуза, ни сестра Тереза не сделали даже попытки отстоять права, оговоренные в их пользу завещанием Магеллана. У них были

весьма веские основания так поступить: король Мануэл, снедаемый жадной мести, приказал разбить вдребезги герб Магальяйншей, украшавший дорогу к его резиденции в Саброзе.

Курс армады. Иллюстрация с карты Баттисты Аньезе (1536)

Хуану Себастьяну де Элькано была назначена ежегодная рента в пятьсот дукатов, Франсиско Альбо и Мигель де Родас также получили щедрое вознаграждение. Родаса, шкипера «Виктории», император Карл лично возвел в рыцарское звание. То, что потерял один, получил другой. Скоро Элькано было дозволено ввести для своего рода пышный герб, на котором были изображены замок - символ Кастилии, палочки корицы, мускатные орехи и гвоздика. Над щитом с этими изображениями красовались шлем и земной шар; лента с девизом "Primus circumdedisti me" («Ты первым обошел вокруг меня») обвивала щит. К сожалению, Элькано сам во многом опорочил славу, им заслуженную. Когда в октябре 1522 года судебная палата в Вальядолиде занялась выяснением некоторых обстоятельств плавания, например событий в бухте Сан-Хулиан, смерти Магеллана и других, баск неоднократно ложно приписывал бывшему генерал-капитану низменные побуждения и безрассудность. Такие заявления порочили память умершего, которому он раньше, в письме к императору, все-таки отдал должное. Вполне могло бы получить поддержку утверждение, что военный поход Магеллана против Силапулапу поставил под угрозу дальнейший ход плавания. За это он дорого заплатил. Но для чего Элькано выдвинул обвинение, будто генерал-капитан проявил себя врагом Испании? В угоду императору? В угоду судьям? Сам Хуан Себастьян де Элькано вскоре убедился, чего стоят приятно звучащие фразы, когда ему снова и снова тщетно пришлось требовать обещанную императором ренту. Одновременно он на самом себе испытал, сколько кругом опасностей для

жизни великого человека: в мае 1524 года он выпросил у Карла V двух вооруженных телохранителей для постоянной охраны своей особы. На следующий год Элькано стал командиром одного из семи кораблей, с которыми Гарсиа Хофре де Лоайса должен был отправиться на Молуккские острова. Генерал-капитан Лоайса умер в Тихом океане. Его преемник Элькано пережил его всего на неделю. 4 августа 1526 года где-то в районе экватора его тело было предано водам океана.

Гонсало Гомесу де Эспиносе тоже была обещана ежегодная рента в 300 дукатов, которую он ни разу не получил. Вместо этого власти предержавшие поведали ему, что он не может претендовать на денежное возмещение за то время, что находился в португальском плену, ибо в означенный период не состоял на службе у Испании. В 1528 году он начал с того, что предъявил судам иск и потребовал удовлетворить свои притязания. Нет никаких сведений, чем кончилось дело. Только еще один раз, в 1550 году, в документах встречается его имя. Тогда он, в возрасте шестидесяти лет, состоял инспектором кораблей, следовавших из Испании в Новый Свет.

Довольно редко упоминается о судьбе индонезийцев, попавших в Европу на «Виктории». Из тринадцати человек, покинувших с Элькано Молуккские острова, только пятеро пережили опасности и тяготы плавания в Испанию. Четверо из них отправились с армадой Лоайсы в путь, чтобы вернуться назад на родину, одного задержали. Как сообщает историк Овьедо, это произошло потому, что индонезиец во время пребывания в Испании раздобыл определенные сведения:

«Сразу по прибытии в Испанию тот человек направил все силы на то, чтобы разузнать, сколько реалов составляют один дукат и сколько мараведи в одном реале. Он часто посещал торговцев пряностями, и у него вошло в привычку тут и там покупать по щепотке перца, и таким способом он досконально узнал, каковы в нашей стране цены на пряности. В результате он стал настолько хорошо разбираться в вопросе, что испугались его знаний. Вот так он сам лишил себя возможности возвращения на родину».

А что с Антонио Пигафеттой, смелым, добросовестным, любознательным хронистом первого кругосветного плавания?

«Я отправился в Вальядолид и преподнес Его святейшему величеству дону Карлу не золото, не серебро, а кое-что не менее ценное: помимо прочих вещей, я передал ему книгу, в которой день за днем собственноручно отобразил все события и происшествия нашего плавания».

Видимо, Пигафетта избегал являться на аудиенцию к королю вместе с Элькано. По его свидетельству, он покинул Вальядолид, едва только предоставилась такая возможность. Вполне вероятно, что он не желал присутствовать при чествовании человека, которого не уважал. Именно его поистине достойный короля подарок, к сожалению, не сохранился в

потоке времен. Из Вальядолида итальянец направился в Лиссабон и рассказал королю Жуану III о своих приключениях, и, наконец, он посетил регентшу Франции Луизу Савойскую, которой подарил «несколько вещей с противоположной стороны Света». В феврале или марте 1523 года он появился при дворе в Мантуе, в ноябре его принимали дожи Венеции. Без сомнения, уважаемый и почтенный рассказчик в этот промежуток времени посетил родной город Виченцу, где усердно занялся дополнением и копированием своих путевых заметок. После возвращения из Венеции он был приглашен в Рим папой Климентом III - всем было любопытно услышать о чудесах Восточной Азии. Наверное, во время той аудиенции Пигафетта и получил испрашиваемое разрешение на печатание его книги, а также благословение папы. Судя по письму Пигафетты в феврале 1524 года маркизу Мантуи, он действительно получил и то и другое, но по неизвестным причинам рукопись не была напечатана.

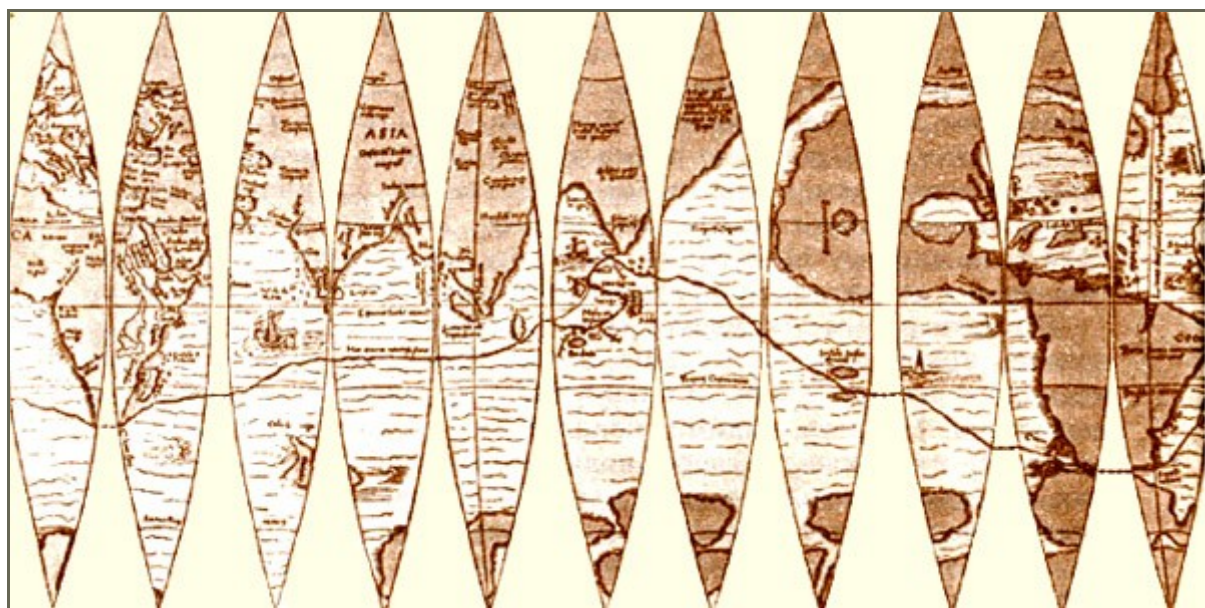
По пути в Рим Пигафетта встретил Великого магистра своего ордена, прибывшего в Италию после того, как рыцари ордена иоаннитов вынуждены были покинуть Родос, спасаясь от турецкого нашествия. Магистр, видимо, использовал предоставившуюся возможность и попросил у своего подчиненного список его произведения, так как экземпляр копии, который был использован в нашем повествовании, имеет довольно пространственный заголовок: «Плавание на кораблях, обнаружение Юго-Восточной Индии, равно как и Молуккских островов, где растет гвоздичное дерево. Описано Антонио Пигафеттой из Виченцы, рыцарем Родосским. Начато в год 1519. Посвящается высокочтимому и благородному вельможе Филиппу Вилье де Лиль-Адану, славному Великому магистру Родоса, моему многоуважаемому повелителю, от Антонио Пигафетты, гражданина Виченцы и Родосского рыцаря».

Это счастье, что рукопись или список с нее сохранились, ведь хотя неоднократные усилия Пигафетты издать рукопись в Венеции (август 1524 г.) не встретили препятствий, но почему-то книга так и не вышла в свет. В настоящее время в мире существуют еще четыре рукописных экземпляра сообщения о плавании, в ходе которого впервые был обогнут земной шар. Один экземпляр написан на венецианском диалекте итальянского языка, все остальные написаны по-французски. Вопрос о том, есть ли среди этих экземпляров оригинал или какое изложение наиболее близко к тексту автора, оставим на рассмотрение экспертов. Можно предположить, что Пигафетта писал по-итальянски, но не следует забывать, что его магистром был француз и официальным языком ордена был французский, - всем четырем рукописям предпослано посвящение Вилье де Лиль-Адану.

В рамках нашего повествования было бы, конечно, интереснее всего узнать, как сложилась судьба Антонио Пигафетты дальше. Это как раз и неизвестно. Существуют две противоречащие друг другу версии о его кончине. Согласно одной, он вернулся в 1536 году после сражений в Тунисе с турками назад в Виченцу и там умер. Если исходить из другой,

то он закончил свое существование в 1534 или в 1535 году на острове Мальта, предоставленном Карлом V орденом иоаннитов. Книгу, которая, как он надеялся, должна была послужить тому, что «потомки не забудут мое имя», пощадили и горение, и гниение, и разбой, и война. Чем бы было дело без слова?

Действительно, деяние, свершенное всеми названными людьми и их соратниками, непревзойденно. Оно - единственное в своем роде и может быть сравнимо, да и то довольно приближенно, с подвигом человека, первым облетевшего нашу планету на космическом корабле. Ведь тогда было практически установлено, что Земля шар. И хотя об этом догадывались уже античные ученые, наблюдавшие круглую форму тени Земли на Луне, но планету нужно было обогнуть, чтобы доказать этот факт. В результате было установлено, что области антиподов на самом деле существуют. А ведь один из отцов церкви иронически заявлял, что быть того не может, чтобы люди жили вверх ногами и вниз головами. Да кому придет на ум всерьез задумываться о местностях, «где все вещи перевернуты и низ есть верх, а верх есть низ, деревья растут в другую сторону, а дождь, град и снег выпадают вверх». Еще в 1490 году испанский консилиум возражал Колумбу, что весьма сомнительно, сможет ли корабль вернуться назад в Европу, даже если он достигнет области антиподов. Показательным и обнадеживающим оказалось и то, что множество чудовищ в человеческом и зверином облике, которые в течение столетий были непременными персонажами романтической литературы и изустных преданий, во время всего плавания ни разу не были встречены. Оказалось, что Земля, произрастающие на ней растения и обитающие на ней живые существа могут быть изучены, они находятся по отношению друг к другу в определенной взаимосвязи, основные законы которой познаваемы.

Глобусная карта Иоганна Шёнера к печатному листку "De nuper repertis insulis"- первая карта с маршрутом флота Магеллана

Отчетливее, чем раньше, люди стали представлять себе истинное соотношение суши и воды на земной поверхности. Распространенное заблуждение, значительно преуменьшавшее размеры земного шара, было исправлено. Наконец-то был найден западный морской путь в Азию, на поиски которого отправлялись раньше иберийские, скандинавские и английские экспедиции. По крайней мере, для южной части Нового Света стало совершенно очевидным то, что подозревали уже современники Колумба: к трем известным континентам присоединился четвертый. И хотя картографы продолжали длительное время изображать Америку в виде гигантского азиатского языка суши, поскольку западное побережье Северной Америки еще не было исследовано, для живых умов уже было достаточно оснований внести серьезные поправки в принятую картину мира. Это относилось не только к суше, но и к водным поверхностям. До сих пор на картах господствовали Атлантический и Индийский океаны. Васко Нуньес де Бальбоа назвал открытый им Тихий океан заливом Сан-Мигель или по аналогии с Северным морем, обозначающим Атлантику, - Южным морем, до такой степени он был введен в заблуждение устаревшими представлениями. Теперь тяжкое плавание Магеллана и его товарищей через Тихий океан доказало, что этот предполагаемый залив на самом деле огромный океан, а не восточная бухта Индийского океана. Сравнение глобусной карты, выполненной Иоганном Шёнером в 1523 году, с его изображением западного полушария 1515 года показывает, какой колоссальный шаг вперед сделала тогда география. И, несмотря на то, что Азия на ней охватывает весь американский север, а обломки большого неведомого континента покрывают южное полушарие, все-таки отчетливо прослеживается расположение континентов и протяженность океанов. Тихий океан - в 1515 году Шёнер отвел для него на карте поверхность только в пару градусов долготы - вырос в Мировой океан.

Волнение охватило ученых Европы. Не слишком большое значение придавалось теперь плаванию Ясона в Колхиду, а странствия Одиссея сравнивались с делами нынешних аргонавтов. И по мере того, как мерк блеск античных мифов, утрачивалась и вера в учение Птолемея, который так долго был «оракулом всех географических наук». Многие издания огромными тиражами распространили весть о самом выдающемся предприятии в истории морских открытий человечества. К первым публикациям на эту тему, вышедшим из немецких типографий, можно отнести листовку без даты, имеющую приблизительно такое название: «Прекрасные новые известия, полученные только что Его императорским величеством из Индии», письмо Максимилиана Трансильвана "De Moluccis insulis" («О Молуккских островах») (1523) и послание Шёнера "De nuper repertis insulis" («О недавно открытых островах») (1523) с упомянутой выше картой. Вряд ли можно вообще переоценить сколь неслыханное, столь простое и пронизательное наблюдение, с которым эти документы знакомили читателя: мир в прямом смысле слова познаваем, человеческий дух и воля в состоянии разгадать все загадки земли и неба.

Известные части света на карте Дьюгу Рибейру (1592), слева - демаркационная линия, оговоренная Тордесильяским договором

И наконец, в результате первого кругосветного плавания были созданы дальнейшие предпосылки для политического и экономического господства стран Европы над другими государствами. Но, между прочим, колониальная эра уже давно началась и сложившееся превосходство Европы основывалось на более высоком уровне социально-экономического, научного, технического и культурного развития европейского позднего средневековья. Прошло лишь четыре десятилетия, и был открыт морской путь между Центральной Америкой и Филиппинами; теперь европейская торговля охватила весь мир. Какого рода был тот товарообмен, кто давал, а кто брал, хорошо известно. Если рассматривать эту проблему в историческом смысле, то этот товарообмен принес двум государствам, которые вывели конкисту на мировую арену, мало пользы. Реконкиста, имевшая изначально прогрессивные цели национального объединения под единой державной властью - процесс, который должен был бы, собственно, прекратиться с победой буржуазии над феодализмом, - превратилась в конкисту, ставшую в свою очередь проводником прошлого. Обусловленное реконкистой позднефеодалное развитие, бесконечный угар крестовых походов привели к преувеличению значения военно-феодалной концепции государства, к анахроничной политике всеобщей империи, которую проводили в жизнь Габсбурги, сидящие на испанском троне. Зачатки капиталистического развития были подорваны.

«В 1700 году в Испании насчитывалось 625000 дворян, но едва ли более 300 ткацких станков... И в то время как, например, английская корона запретила экспорт золота и серебра, а также препятствовала вывозу шерсти-сырца и таким образом создала действенную государственную систему, защищавшую становление единой национальной индустрии, Испания открыла рынок для изделий экономически развитых стран, проникших таким способом в колонию. Испанские дельцы довольствовались прибылью от оборота капитала, набивая собственные кошельки сейчас же и наиболее туго» (А. Антковяк).

В том была их заслуга, но не добровольная: поток сырья и ценностей, захлестнувший Иберийский полуостров, способствовал накоплению капитала в других европейских странах и тем самым их общественному развитию. Испания и Португалия же, с 1580 года объединенные под одним скипетром, напротив, после своего «золотого века», длившегося едва ли столетие, погрузились в историческую тьму. И пробудились они только тогда, когда войска Наполеона вторглись на Пиренейский полуостров.

Маршрут первого кругосветного плавания

Общеизвестно, к каким зверским методам, выполняя свою «историческую миссию», прибегали конкистадоры. Но часто забывают, что их методы мало чем отличались от образа действий, например, Нидерландов на Молуккских островах. Все это бросает тень на мужественного генерал-капитана, но, ни в коей мере не умаляет, ни его славу, ни славу его смелого преемника, его деятельного хрониста и многих безымянных героев, которые когда-то подняли паруса в Санлукар-де-Баррамедэ.

Послесловие

В средние века сочинениям по географии давались звучные, торжественные названия: «Зерцало мира», «Книга чудес света», «О разнообразии мира». Следуя этой традиции, только что прочитанную книгу можно было бы назвать «Книга о подвиге». О подвиге, длившемся три года.

Впрочем, подробно характеризовать деяние Фернана де Магеллана и его со товарищей вряд ли стоит: Пауль Вернер Ланге уже сделал это. Да и трудно найти человека, никогда не слыхавшего про первое кругосветное плавание. О нем написаны десятки книг, сотни статей. На русском языке было опубликовано сообщение Антонио Пигафетты, ставшее основным источником и для Ланге; о жизни и путешествии Магеллана писали советские ученые Я. М. Свет и И. П. Магидович; есть книга К. Кунина и перевод блестящей биографии, созданной Стефаном Цвейгом.

Так нужна ли новая книга после всего того, что уже было исследовано, обдуманно, написано? Любой, кто сравнит названные работы с книгой Пауля Вернера Ланге, не затруднится ответом. Дело даже не в том, что автор при описании кругосветного плавания опирается на сведения, содержащиеся в недавно открытом экземпляре записок Пигафетты, где есть расхождения с известными прежде списками. Конечно, при крайней скудости документов о плавании Магеллана любая новая деталь важна. Ведь, кроме упомянутых списков отчета Пигафетты, у нас есть только журнал кормчего Франсиско Альбо, весьма краткое сообщение португальского моряка, так называемые

«записки гемуэзского кормчего», и письменный приказ самого Магеллана, отданный после подавления бунта в заливе Сан-Хулиан. Да еще косвенные, вторичные сведения: письмо Максимилиана Трансильвана, секретаря Карла V, епископу Зальцбургскому, с пересказом истории только что завершеного плавания, испанские хроники XVI века, доклад португальского капитана Антониу ди Бриту о захвате «Тринидада». Вот и все. Но ценность книги Ланге все же не в сообщении неизвестных прежде фактов, содержащихся в записках «патриция из Виченцы, рыцаря ордена родосского», - эти факты, в конце концов, существенно не меняют наших знаний. Главное - автор имеет собственный взгляд на жизнь героя книги, на краткий и яркий период в истории Португалии и Испании, породивший знаменитых конкистадоров и исследователей. По сравнению с биографией Магеллана, написанной С. Цвейгом, в книге Ланге меньше размышлений о психологии, о личных переживаниях. Она даже может показаться суховатой. Но это сдержанность историка, объективно оценившего роль каждого из персонажей. Это сдержанность моряка, наблюдающего ход плавания с палубы корабля. Ланге не превозносит и не чернит ни Магеллана, ни других. Он просто не отрывает их от своей эпохи - времени переломного, когда обжитой малый мир вдруг распахнулся перед европейцами и многие прежние истины, определявшие быт и бытие, потеряли смысл.

Но ведь мир не распахнулся сам. Его границы раздвинул человек. Чем глубже мы пытаемся вникнуть в историю позднего средневековья, тем отчетливее видим, что открытие жителями Европы новых земель - это лишь одна из сторон всеобъемлющего процесса познания мира. Живописцы и скульпторы открывали красоту земных, независимых от духа форм, гуманисты утверждали самодовлеющую силу наук, торговцы - власть денег над честью. Непривычно, зябко, неуютно становилось в мире. «Голый человек на голой земле» не знал, куда ему деваться. Как раз в это время, в XV-XVI веках, не стало хватать и земли: феодалы закончили фактическое закабаление крестьян. В России тот же процесс завершился позже, в XVI-XVII веках. У нас крестьяне бежали от неволи на «украины»: в Заволжье, на Дон, за Урал. В Испании и Португалии такого простора не было. Новые земли нашлись за морем. Для того чтобы знать, где поселенец найдет себе поле, воин - добычу, купец - барыш, а корона, обложив их налогом, - свою прибыль, надо было уточнить географию мира. Это была не первая попытка узнать свет. Еще в конце VII века до новой эры египетский фараон Нехо отправил экспедицию вокруг Африки, чтобы выяснить границы этой части суши. В V веке до новой эры карфагенский правитель Ганнон основал колонии на Атлантическом побережье Африканского континента. Походы Александра Македонского позволили европейцам узнать Индию и Среднюю Азию. Века, презрительно определенные гуманистами Возрождения как «средние», как безвременье между античностью и Ренессансом, не порывали с предшествовавшими традициями познания мира. Средневековые модели космоса стоят античных; гипотеза о шарообразности Земли, во всяком случае, высказывалась в то время

наряду с другими и ересью не считалась. К началу XVI века эта гипотеза стала самой популярной, и плавание Магеллана - Элькано не открыло, что Земля - шар, а было воспринято как подтверждение общепринятого мнения.

Все же до Великих географических открытий знания о землях, лежащих за пределами «христианского мира», были скудны и отрывочны. Более того, накопленные знания впоследствии забывались, прежде всего, потому, что были бесполезны. В Равеннском «Описании мира» (VII век) упоминаются земли вплоть до Бенгалии; в следующие века о краях за Ближним Востоком ничего, кроме легенд, неизвестно. Арабские и еврейские купцы лучше знали Европу, чем не забиравшиеся далеко европейские торговцы. Даже крестоносцы, захватившие Восточное Средиземноморье, не интересовались: что же находится там, где восходит солнце? Конечно, любому путешественнику было нелегко пробраться через границы многочисленных государств Передней и Южной Азии. Лишь с возникновением огромной монгольской империи европейские посланцы стали проникать на Дальний Восток. Но в большинстве своем это были миссионеры, шедшие от имени королей или пап проповедовать христианство среди «неверных»; под этим углом они и смотрели на все открывавшееся их взору. Многие оставили записки о виденном, ибо были грамотны. Наиболее известны у нас отчеты францисканских монахов Джованни да Пьян дель Карпине (Плано Карпини) и Вильгельма Рубрука (Рубруквиса), посетивших монгольские степи соответственно в 40-х и 50-х годах XIII века. Купцы, если и торговали с Азией, хранили об известных им путях профессиональное молчание.

Один все же не смолчал. Марко Поло, венецианский купец, сын и племянник «деловых людей», быстро завязавших сношения с монголами, продиктовал в генуэзской тюрьме, в ожидании смерти - этим, вероятно, и объясняется нарушение купеческого обычая, - рассказ о путешествии ко двору монгольского императора Хубилая. Впрочем, в «Книге Марко Поло» больше легенд, сведений о нравах и обычаях разных народов, чем конкретных указаний о дорогах, ведущих в эти неведомые страны. Перед нами не путеводитель, а нечто среднее между географическим очерком и фантастическим романом. Из книг, подобных этой, античных и средневековых, и развился позднее жанр приключенческой литературы. Недаром только известных списков «Книги Марко Поло» насчитывается около 150 - для допечатного периода «массовый тираж»!

Популярность книги Поло свидетельствует, что в Европе XIV-XV веков мысль об азиатских богатствах прочно укоренилась. Но распри внутри монгольской империи, а затем и распад ее не способствовали надежности пути на Дальний Восток по суше. Значит, надо попробовать добраться туда морем, тем самым, которое издавна носило собственное имя Океан, или Море мрака, тем морем, в которое опускалось Солнце,-

Атлантикой. Закрывает кратчайший путь, через восток - надо идти через запад. Неизменно одно: желание идти.

Еще в то время, когда Марко Поло и его дяди не вернулись из путешествия, в 1291 году, купцы братья Вивальди отплыли за Гибралтар. Они пытались добраться до Индии, обогнув Африканский континент. Вивальди пропали без вести, но их гибель не остановила предприимчивых мореходов. К 1339 году уже составлены карты Канарских островов. Все дальше на юг заходят корабли, хотя и с опаской: ведь известно было, что, чем южнее, тем жарче. В низких широтах, считалось, солнце сжигает все живое. Поэтому Зеленый мыс и получил свое название - документально, на картах отмечено, что здесь есть растительность, а значит, жизнь.

Первые попытки установить контакты с Африкой и Азией были слишком редки, ограничивались частной инициативой правителя или купца. Но к концу XV века частная инициатива, дух предпринимательства захватывают самые широкие слои европейского общества. Молодой капитализм - пока еще дитя торговли и грабежа и лишь в малой мере промышленный - ищет новых, быстрее источников обогащения. Наконец-то находят деньги на строительство все новых и новых кораблей - не для каботажного, а для океанского плавания.

В том, что проложить дорогу в неведомые страны выпало Испании и Португалии, сыграла свою роль и особенность истории этих стран, упомянутая Паулем Вернером Ланге. Уже несколько веков обе страны жили в состоянии непрерывной войны: с маврами, с соседними государствами, между отдельными феодалами. Реконкиста подготовила конкисту: и в Португалии, и в Испании было много солдат, и военная профессия была престижной. Правда, обычно историки впадают в крайность, утверждая, что после падения в 1492 году Гранады, последнего оплота мавров в Испании, оставшиеся без дела идалго, не привыкшие трудиться, увидели в завоевании Америки новое поле деятельности и массами хлынули в Новый Свет. Дело обстояло не так просто. Прежде всего, отряды конкистадоров состояли не из одних профессиональных военных-дворян: сюда входили и королевские чиновники, и ремесленники, и священники, да и рядовые бойцы зачастую были вчерашними крестьянами либо просто бродягами. Кроме того, в первые годы, когда открытые Колумбом острова еще считались Азией, правители Испании старались организовать переселение туда оставшихся без земли крестьян. Подготовка же новых походов в неизведанные края обставлялась со всей возможной бюрократической скрупулезностью. Корона запрещала конкистадорам самостоятельные действия. Для того чтобы отправиться открывать и покорять новые земли, командиру следовало заключить договор об условиях дележа добычи с государством, с одной стороны, и с каждым из участников похода - с другой. В сущности, это был контракт между государством, монополизировавшим право на конкисту, и частным предпринимателем,

арендовавшим это право. Для надзора за соблюдением правил договора в отряд включался представитель короны. Из-за нехватки документов мы не можем с полной уверенностью утверждать, но, судя по всему, в экспедиции Магеллана эту должность отправлял Хуан де Картахена. Тогда становится понятным, почему не пострадал дезертировавший на «Сан-Антонио» Эстебан Гомес: ведь с точки зрения королевских чиновников, бунтарем был Магеллан, все время конфликтовавший с Картахеной и наконец, высадивший его на пустынном берегу.

Нарушителя договора (речь идет, естественно, о конкистадоре, а не о короле) ждало наказание. Кортес, отплывший на завоевание Мексики без позволения, чуть не поплатился за это жизнью. Васко Нуньес де Бальбоа, первый испанец, увидевший Тихий океан, был казнен по формальному - к тому же ложному - обвинению. Ланге подробно описывает интриги, борьбу интересов при попытках Магеллана «оформить» свое плавание. Судьба предпринимателя-конкистадора после того, как он сделал все, что от него требовалось, также сходна с той, что ждала наследников Магеллана и была уготована самому Магеллану, если бы он вернулся. Государство, пользуясь всевозможными бюрократическими уловками, правилами, которые само же и устанавливало, лишало первопроходца той доли добычи, на которую он имел право по договору. Наиболее известный пример - судебные дразги, в которых провел последние годы жизни Колумб.

Так или иначе, для португальской и испанской экспансии характерно слияние капиталистического и воинского духа, погони за наживой и за славой. Ланге не прав, утверждая, что Магеллан в своих действиях на Филиппинах вдохновлялся примером Кортеса. О походе Кортеса на Теночтитлан, столицу ацтеков, Магеллан и не слышал: первое кругосветное плавание и авантюра Кортеса совпали по времени. Просто Фернан де Магеллан и Эрнан Кортес были людьми одного склада; они не подражали друг другу, а действовали одинаково - так же, как и многие другие конкистадоры. Это были люди «вывихнутого» времени, в них странно сочетались отвага и корыстолюбие, предприимчивость и благочестие, верность товарищам и эгоизм. Каждая из этих черт заметна и в Магеллане. Я. М. Свет, глубокий знаток эпохи Великих географических открытий, отметил общую для Колумба и Магеллана буржуазную практичность. «Если у шекспировского Лира, - писал он в предисловии к запискам Пигафетты, - каждый дюйм был королем, то у Магеллана каждый дюйм был рыцарем наживы». Сказано ярко и верно. Только говорят обычно больше о «наживе», чем о «рыцаре». А для Магеллана и подобных ему понятие рыцарской чести было существенным. Сама его смерть - гибель отважного воина. Так же обстоит дело и еще с одной, слишком часто недооцениваемой с современной точки зрения чертой Магеллана - его религиозностью. Ошибкой было бы считать людей его типа поголовно холодными, расчетливыми завоевателями, для которых религия была лишь средством обмана. Вероятно, Магеллан при пропаганде христианства на Филиппинах имел и политические виды. Но столь безоглядное

миссионерство не свидетельствует о чрезмерном практицизме. На Молукках его товарищи достигли тех же коммерческих и политических целей без какого бы то ни было упоминания о христианстве.

Практические, непосредственные результаты кругосветного плавания Магеллана, завершеного Элькано, оказались незначительными. Путь к островам Пряностей через Тихий океан был слишком долг и труден. Сопrotивление португальцев заставило Карла V временно отказаться от проникновения в Юго-Восточную Азию. Ланге, правда, замечает, что с торговой точки зрения плавание было небесприбыльным. Но для нас, пожалуй, это не так уж и важно, а современники Магеллана добиться дальнейшей выгоды не смогли.

Самое главное, после того как отошли в прошлое меркантильные, политические, военные аспекты плавания Магеллана, игравшие первенствующую роль в организации путешествия, осталось то, что было лишь средством, в лучшем случае побочной целью. Это - познание Земли, соотношения ее океанов, материков и островов. Это - открытие путей человека к человеку. Долгим, трудным и кровавым было знакомство одних народов нашей планеты с другими. Другой истории у нас нет. Но без открытия друг друга, без трудного процесса выработки в себе взаимопонимания людям не прийти к тому выводу, к какому пришел в XVI веке великий испанец, борец за права индейцев Бартоломе де Лас Касас: «Все народы мира суть люди».

С. Я. Серов, кандидат исторических наук

Приложения

Хронологическая таблица

Год	Событие
около 1480	В Саброзе родился Фернан де Магеллан
1481	Жуан II становится королем Португалии (до 1495 г.)
1482	Дьогу Кан открывает устье реки Конго, основана крепость Сан-Жоржи-да-Мина (современная Гана)
1485	Кан у мыса Кросс (Юго-Западная Африка)
1487	Первые португальцы в Тимбукту
1487-1493	Путешествие Педру ди Ковильяна в Индию, Софалу, Ормуз и Эфиопию
1488	Бартоломеу Диаш обогнул мыс Доброй Надежды
1490	Первые сообщения Ковильяна достигают Лиссабона; португальское посольство в Конго

1492	Конец испанской реконкисты (падение Гранады); Колумб открывает центральноамериканский островной мир; Магеллан становится пажом
1494	Подписан договор в Тордесильясе; Колумб с семнадцатью кораблями, везущими первых колонистов, отплывает на Эспаньолу (Гаити) и открывает Малые Антильские острова
1495	Мануэл I становится королем Португалии (до 1521 г.); португальцы Перу ди Барселуш и Жуан Фернандиш Лаврадор в поисках Северо-западного прохода достигают Гренландии
1497	Джованни Кабото по заданию Англии ищет западный путь в Азию и открывает Лабрадор и Ньюфаундленд
1498	Вашку да Гама достигает Индии; Колумб высаживается на северо-восточном побережье Южной Америки, неподалеку от дельты Ориноко
1499-1500	Испанская экспедиция под руководством Алонсо де Охеды и Америго Веспуччи исследует северо-восточное побережье Южной Америки
1500	Испанец Висенте Яньес Пинсон открывает Бразилию; спустя три месяца португалец Педру Алвариш Кабрал вступает во владение ею; Гаспар Кортириал ищет по заданию Мануэла I в Северной Атлантике северо-западный морской путь и достигает Ньюфаундленда; Дьогу Диаш, капитан флотилии Кабрала, открывает Мадагаскар
1501-1502	Второе плавание Гаспара Кортириала; Веспуччи, находясь на португальской службе, исследует восточное побережье Южной Америки; Мигел Кортириал, возглавивший экспедицию на поиски пропавшего брата, не возвращается назад
1502-1503	Второе плавание Вашку да Гамы в Индию; путешествие Лодовико ди Вартемы по Востоку
1503	В Севилье основана Каса де Контратасьон; португалец Гонсалу Коэльу послан на исследование Южной Америки; португальцы открыли Сейшельские острова
1504	Эдикт Мануэла I, согласно которому запрещалось под страхом смертной казни "давать сведения о плавании и судоходности по ту сторону реки Конго"
1505	Магеллан покидает Лиссабон с флотом Франсишку ди Алмейды; Алмейда становится первым португальским вице-королем владений Португалии в Индии; строительство крепостей на Восточноафриканском побережье; первые португальцы на Цейлоне
1506-1508	Магеллан служит в Восточной Африке
1507	Португальцы захватывают Сокотру и Маскат; Афонсу ди Албукерки захватывает Ормуз; заложена крепость Мозамбик
1509	Хуан Диас де Солис и Висенте Яньес Пинсон исследуют Южноамериканское побережье почти до устья реки Ла-Платы; первая транспортировка африканских рабов в Америку; морское сражение у Диу; Магеллан принимает участие в первом проникновении португальцев на Малакку
1510	Покорение Гоа; Албукерки становится вице-королем Индии; впервые опубликованы путевые заметки Вартемы
1511-1512	Покорение Малакки; Франсишку Сирран и Антониу Абреу достигают Молукк и островов Банда; Диего де Веласкес захватывает Кубу; возвращение Магеллана в Португалию

1513	Васко Нуньес де Бальбоа открывает Тихий океан; Хуан Понсе де Леон высаживается на Флориде
1513-1514	Служба Магеллана в Северной Африке
1514	Заложен португальский форт на Суматре
1514-1515	Португалец Антониу Фернандиш путешествует по Зимбабве и Мозамбику
1515	Хуан Диас де Солис открывает Рио-де-Ла-Плата
1516-1517	Конец правления Фердинанда Арагонского, его внук Карл I воцаряется над Кастилией и Арагоном; португальцы достигают Сиам и Китая
1517	Эрнандес де Кордоба исследует побережье Юкатана и, продвигаясь вдоль побережья, достигает Кампече; Магеллан переселяется в Испанию
1518	Хуан де Грихальва следует по маршруту Кордобы и продвигается до сегодняшнего Веракруса; Карл I заключает с Магелланом и Фалейру "Договор об открытии островов Пряностей"; португальцы захватывают Коломбо
1519	Армада покидает Севилью (10 августа); Алонсо де Пинеда исследует северное побережье Мексиканского залива и открывает устье реки Миссисипи; флот Магеллана достигает Южноамериканского побережья (29 ноября), пребывание в бухте Санта-Люсия
1520	Армада в Рио-де-Ла-Плата (январь) и в Пуэрто-де-Сан-Хулиан (март); открытие Магелланова пролива (октябрь); первые португальские посольства ко двору китайского императора и к императору Эфиопии
1521	Флотилия Магеллана у архипелага Туамоту и у группы островов Лайн (январь); высадка на остров Гуам (март); Магеллан открывает Филиппинские острова (16 марта); смерть Магеллана на Мактане (27 апреля); Эспиноса и Элькано достигают острова Тернате (6 ноября)
1522	Возвращение "Виктории" (6 сентября)

Оставшиеся в живых участники экспедиции Магеллана, вернувшиеся в Севилью на «Виктории» (Приводится по книге: М. Митчел. «Эль-Кано, первый кругосветный мореплавателю». М., «Мысль», 1977, с. 171-173)

1. Хуан Себастьян де Элькано из Гетарьи. Шкипер «Консепсьона», вернулся капитаном «Виктории». Когда он завербовался в экспедицию Магеллана, ему было тридцать два года. Умер в должности генерал-капитана экспедиции Лоайсы (1526 г.).

2. Франсиско Альбо, кормчий из Ахио. Завербовался боцманом «Тринидада», вернулся кормчим «Виктории». Жил на Родосе.

3. Мигель де Родас. Боцман «Виктории», затем стал шкипером. Родом с острова Родос, жил в Севилье. Завербовался в плавание в возрасте приблизительно тридцати лет.

4. Хуан де Акурью из Борромео. Боцман «Консепсьона». Завербовался в плавание в возрасте двадцати семи лет.

5. Антонио Пигафетта. Сверхштатный участник плавания, собресальенте на «Тринидаде».

6. Вашку Гомиш Галлегу, португалец из Байоны в Галисии. Матрос на «Трини даде». Сын кормчего «Виктории», умершего во время плавания. Некоторые исследователи считают его автором «Дневника португальца, спутника Дуарти Барбозы».

7. Фернандо де Бустаменте из Мерида или Алькантары. Цирюльник на «Консепсьоне», затем переведен на «Викторию». Завербовался в плавание Магеллана в возрасте двадцати пяти лет. Сопровождал Элькано в Вальядолид (1522). Участвовал в экспедиции Лоайсы в должности казначея. В 1528 году, находясь с флотилией на Молуккских островах, был арестован за серьезные нарушения служебного долга. Вскоре после этого умер на португальском корабле.

8. Николай Грек из Неаполя. Старший матрос на «Виктории». Завербовался примерно в возрасте двадцати семи лет. В 1537 г. жил в Севилье.

9. Мигель Санчо де Родас. Старший матрос на «Виктории».

10. Ганс Айес из Аахена, фламандец. Канонир на «Виктории».

11. Антонио Фернандо Кольменеро из Уэльвы. Старший матрос на «Тринидаде». Завербовался в возрасте примерно сорока пяти лет.

12. Мартин де Юдисибус из Савоны. Главный баталер на «Консепсьоне».

13. Хуан де Сантандрес из Уэрты. Матрос на «Тринидаде».

14. Франсишку Родригиш из Севильи, португалец. Старший матрос на «Консепсьоне». Завербовался в возрасте тридцати пяти лет.

15. Хуан Родригес, уроженец Мальорки, хотя сам он называл себя уроженцем Уэльвы. Старший матрос на «Консепсьоне». Завербовался в возрасте двадцати двух лет.

16. Диего Кармона из Байоны в Галисии. Старший матрос на «Виктории».

17. Хуан де Аратья из Бильбао. Матрос на «Виктории». Завербовался в возрасте пятнадцати лет.

18. Хуан де Сибулета из Баракальдо. Юнга на «Виктории». Завербовался в возрасте примерно четырнадцати лет. Самый младший участник экспедиции.

Моряки с «Виктории», взятые в плен португальцами на островах Зеленого Мыса и освобожденные спустя пять месяцев

1. Маэстре Педро. Завербовался на Тенерифе. Сверхштатный участник экспедиции. Собресальенте на «Сантьяго».

2. Ришар де Фодис из Нормандии. Плотник на «Сантьяго». Неграмотный.

3. Симон из Бургоса, португалец. Сверхштатный участник плавания, слуга капитана Мендосы на «Виктории». В 1523 году жил в Сьюдад-Родриго.

4. Хуан Мартин из Агилар-де-Кампо. Сверхштатный участник плавания, слуга капитана Мендосы на «Виктории». Завербовался в возрасте примерно двадцати пяти лет.

5. Мартин Мендес из Севильи. Контадор «Виктории». В 1525 г. участвовал в экспедиции Себастьяна Кабота в Южную Америку.

6. Рольдан де Арготе из Брюгге. Канонир на «Консепсьоне». Участвовал в 1525 году в экспедиции Лоайсы.

7. Гомес Эрнандес из Уэльвы. Старший матрос на «Консепсьоне». Завербовался в возрасте примерно двадцати двух лет.

8. Окасио Алонсо из Больулоса. Старший матрос на «Сантьяго». Завербовался в возрасте тридцати лет.

9. Педро де Толоса из Толосы в Гипускоа. Матрос на «Виктории».

10. Фелипе де Родас с острова Родос. Старший матрос на «Виктории».

11. Педро де Чиндарса из Борромео. Юнга на «Консепсьоне». Завербовался в возрасте пятнадцати лет.

12. Баскито Гальего.

13. Мануэль, индонезиец.

Члены команды «Три니다да», сумевшие вернуться в Европу

1. Гонсало Гомес де Эспиноса из Эспиноса-де-лос-Монтерос. Главный аль-гуасил флотилии, «Три니다д».
2. Хинес де Мафра из Хереса. Старший матрос на «Три니다де».
3. Леон Панкальдо из Савоны. Завербовался старшим матросом на «Три니다д». Многие считают его автором «Дневника генуэзского кормчего».
4. Ганс Алеман (маэстре Ансе), немец. Главный канонир «Консепсьона», затем был переведен на «Три니다д». Умер в 1525 году в Лиссабонской тюрьме.
5. Хуан Родригес («Глухой») из Севильи. Завербовался старшим матросом на «Консепсьон».

Употребленные меры объемов и веса, денежные единицы

Арроба - при измерении жидкостей составляет около 16 л, в прочих случаях - 11,5 кг. 4 арробы равны 1 кинталю.

Бариль - первоначально итальянская мера жидкости весьма различных объемов от 30 л до 140 л. В Малаге употреблялся для взвешивания винограда: 1 бариль (корзина соответствующего размера) равен 24 кг. Вполне вероятно, что в нашем случае обозначает небольшие бочки.

Бота - старинная испанская мера для вина, которая часто отождествлялась с пипой, в данном случае, видимо, 516 л. Но возможно также, что бота в обиходе служила не только для обозначения меры объема, но и была идентична понятию «кожаный мешок для вина».

Фанега - старинная испанская мера объема жидких и сыпучих тел (зерна); 1 кастильская фанега равна 55,5 л.

Либра - 1 кастильская либра равна 460 г, 25 либр - 1 арроба.

Пипа - старинная мера для вина разных объемов. Например, в Кастилии пипа составляла 482 л, в Малаге - 566 л, иногда - 583 л.

Кинталь - 1 кастильский кинталь - 46 кг.

Сажень (морская) - мера для определения морских глубин. 1 сажень равна 1,828 м.

Лига - старинная испанская мера расстояний. 1 морская лига равна 3 морским милям, то есть 5,555 км.

Миля (морская) - международная морская единица расстояния. 1 морская миля равна 1,852 км.

Разъяснение и толкование денежных единиц того времени - задача сложная, так как их стоимость с течением времени менялась. Выводы об их покупательной способности к 1520 году позволяют с некоторыми оговорками привести это приложение:

Крузаду (крусадо) - старинная золотая и серебряная монета, которую чеканили начиная с 1455 года, соответствовала 400 реалам.

Дукат (дукадо) - здесь - старинная испанская денежная единица, использовавшаяся при расчетах с заграницей. Обменный дукат составлял, как правило, 375 старинных серебряных мараведи. В Германии в середине XVI века 1 дукат соответствовал 3,5 г чистого золота.

Мараведи - старинная испанская золотая и серебряная монета, введенная маврами. С 1474 года медная монета малого достоинства и самая мелкая испанская денежная единица (до XIX века). 1 мараведи составлял 1/34 реала.

Марка (марко) - принятый, обязательный в тогдашней Португалии стандарт веса - 230 г для золота и серебра при чеканке монет и в торговле.

Пиастр (песо) - старинная испанская серебряная монета среднего достоинства; в XIX веке соответствовала 23,4 г чистого серебра.

Рейс - португальская медная монета малого достоинства.

Стоимость и оснащение флота Магеллана

Все данные приведены в мараведи.

Корабли и их оснащение	
"Консепсьон" с такелажем и лодкой	228750
"Виктория" с такелажем и лодкой	300000
"Сан-Антонио" с такелажем и лодкой	330000
"Тринидад" с такелажем и лодкой	270000

"Сантьяго" с такелажем и лодкой	187500
Буксировка кораблей из Кадиса в Севилью, подорожные Хуану де Аранде	24188
Оплата работ по килеванию	13482
Жалованье плотникам	104244
Жалованье конопатчикам	129539
Оплата поставки досок и других деревянных строительных деталей	6790
Дерево для палубных балок, досок и т. д.	175098
Гвозди для ремонта и впрок	142532,5
Пакля для ремонта и впрок	31670
Вар, деготь, смола и т. п.	72267,5
Сало, жир и т. п.	53852
173 штуки полотна для парусов и др.	149076
Нитки и пряжа для шитья, а также шила и жалованье пошивщикам парусов	32825
Мачты, реи и лабазник для замены	37437
Одновесельная маленькая лодка для "Тринидада"	3937,5
Помпы, болты и другие кованые соединительные части из металла	15475
Весла и лопасти рулей	6563
Кожаные мешки, шланги, кожаные манжеты для помп	9364
Шайбы и блоки	1285,5
8 гинблоков	4204
Оснастка беглая и стационарная для такелажа	34672,5
3 больших ковша для разлива вара	511
13 кладей балласта	1962
32 локтя грубого холста для изготовления мешков для балласта	807
Жалованье рабочим и матросам за время приведения кораблей в исправность	438335,5
13 якорей	42042
8 пил, малых и больших	1008
Сверла и буры, малые и большие	1762
6 кирок для земляных работ при килевании	663
76 меховых шкур для изготовления смолильных кистей при гудронировании корпусов кораблей	2495
Дрова для нагревания вара	4277
Жалованье лоцманам за провод кораблей из Санлу-кар-де-Баррамеды в Севилью	1054,5
221 кинталь кабеля и троса, а также 1000 арроб пенькового троса для такелажа, крепкие веревки для плетения канатов и другие снасти вместе со стоимостью обработки (38 972 мараведи), камыш и дрок для плетения матов (14 066 мараведи)	324170,5
80 флагов, оплата за разрисовку парусов и один королевский штандарт из бархата	25029

Заготовленные детали для строительства десантной лодки	49504
Затраты на предметы снаряжения, закупленные Дуарти Барбозой и Антонио Семеньо в Бильбао, а также расходы (на их транспортировку)	81144
Вооружение, амуниция, боеприпасы	
58 полевых пушек, 7 фальконет, 3 большие бомбарды, 3 тарана - все из Бильбао	160135
50 кинталей пороха и расходы на его доставку из Фуэнтерабии	109028
165 либр пороха для проверки пушек в Бильбао	5477
Картечь, железные и каменные ядра для пушек	6633
6 формовок для отливки пушечных ядер	3850
221 арроба и 7 либр свинца для пуль, из них 84 арробы для заливки зазоров корпусов кораблей	39890
Затраты на установку орудий (водружение лафетов)	3276
Содержание и жалование канониров	8790
100 полных комплектов лат, 100 шлемов из Бильбао	110910
60 арбалетов и 360 дюжин стрел из Бильбао	33495
50 аркебуз из Бискайи	10500
1 кольчуга и 2 полных комплекта лат и вооружения из Бильбао для генерал-капитана	6375
200 щитов из Бильбао	6800
6 клинков для шпаги генерал-капитана из Бильбао	680
95 дюжин дротиков, 10 дюжин копий, 200 пик, 6 абордажных крючьев и т.п. из Бильбао	44185
120 мотков проволоки для арбалетов, а также затраты на чистку оружия, 6 либр наждака	2499
Кожаные ремни, пряжки и т. д.	3553
50 пороховниц и шомполов для аркебуз и 150 локтей фитиля	5611
Провизия	
2138 кинталей и 3 либры сухарей (363 480 мараведи), затраты на прокат мешков, оплата носильщиков и т.д.	372510
415,5 пипы вина из Хереса, в том числе стоимость доставки и погрузки бочек	590000
50 фанег фасоли, 90 фанег турецкого гороха, 2 фанеги чечевицы	23037
47 кинталей и 3 арробы оливкового масла	58425
200 барелей анчоусов, 238 больших вяленых рыб	62879
57 кинталей и 12 либр солонины	43908
7 живых коров (14000 мараведи), 3 свиньи (1180 мараведи) и стоимость мяса на довольствие рабочим, приводящим в исправность корабли	17740
Сыр - 984 круга и 112 арроб	26434
417 пип, 253 боты, 45 барилей (бочки разных размеров) для вина и воды (230 170 мараведи), бочарная клепка, сосуды для растительного масла, бочонки для сыра, сосуды для хранения уксуса	393623

21 арроба и 9 либр сахара по 720 мараведи за арробу	15451
200 арроб уксуса	3655
250 связок чеснока, 100 связок лука	2198
18 кинталей изюма	5997
16 бочонков (размером в четверть бочки) инжира	1130
12 фанег неочищенного миндаля	2922
54 арробы и 2 либры меда	8980
2 кинталя коринки	750
3 кувшина каперсов	1554
Соль	1768
3 кинталя и 22 либры риса	1575
1 фанега горчицы	380
Варенье из айвы	5779
Медикаменты, мази, втирания, дистиллированная вода	13027
5 пип муки	5927
Посуда, железные изделия, инструменты	
Медная посуда с камбуза: 6 котлов общей емкостью 280 либр (6165 мараведи), 5 больших кастрюль для приготовления горячей пищи общей емкостью 132 либры (3700 мараведи), 2 печи для выпечки хлеба емкостью 171 либра (7695 мараведи), 1 горшок емкостью 27 либр (1215 мараведи), 1 большой котел для вара емкостью 55 либр (2200 мараведи) и т. п.	21515
10 больших ножей	884
42 деревянных черпака для отмеривания порций	516
8 арроб свечей, жир для лампад на 42 арробы, 20 либр сырца для фитилей	3440
98 фонарей	1430
9,5 либры разукрашенных восковых свечей для освящения кораблей	495
40 телег дров	8860
40 локтей грубого полотна для скатертей	1280
14 больших деревянных мисок	476
Цепь для большого котла	158
12 кузнечных мехов	256
22,5 либры пчелиного воска для вощения бегучего такелажа и тетевы арбалетов	1530
12 больших резачков для провизии	768
5 больших железных половников	204
100 блюд для торжественных обедов, 200 суповых мисок, 100 обеденных ножей, 66 мелких деревянных блюд, 12 ступок, 62 деревянные тарелки - все из Бильбао	5834
12 воронок	330
5 молотков	125
18 дополнительных деревянных мисок	995

1 латунная ступка с толокушкой для приготовления лекарств	653
35 висячих замков, переданных ответственным за провизию	3622
Кандалы и наручники, цепи и т. п.	3091
20 либр стали для наконечников пик	240
1 арроба выверенных металлических гирь для определения мер весов и взвешивания товара в новооткрытых странах	297
50 лопат и кирок	2400
20 слитков железа	1600
56 резцов, молотков и 2 большие железные колотушки	2531
2 больших палубных фонаря	1200
Крючья для мешков, шила и др.	1584
50 кинталей железа в небольших слитках	24938
Рогожа и корзины для припасов и оружия	10639
Приспособления для ловли рыбы: 2 рыболовные сети (8500 мараведи), 6 больших багров на цепях (125 мараведи), шары для сетей (425 мараведи), лески для ловли рыбы (8663 мараведи), 10 500 рыболовных крючков (3826 мараведи)	30254
1 полевая кузница, кузнечные меха, наковальня и другие кузнечные инструменты из Бискайи	9147
15 бухгалтерских книг, 5 из них - для ведения итоговых расчетов на каждом из кораблей и 10 - для будущей текущей бухгалтерии	1211
Жалованье грузчикам (погрузка снаряжения и припасов)	2635
2 точильных круга и 1 оселок для цирюльников	2125
5 барабанов и 20 бубнов для свободного времяпрепровождения команд	2895
Алтарь и все необходимое капеллану для проведения мессы	16513
Жалованье лоцманам на проведение кораблей из Севильи в Санлукар-де-Баррамеду (3700 мараведи) и из Санлукара-де-Баррамеды в открытое море (1985 мараведи)	5685
Жалованье Родриго де Гарая за время ремонта кораблей	11250
Жалованье Хуана де ла Куэвы за тот же период	7500
Транспортные расходы на доставку ртути, киновари и других товаров	12014
Затраты на посланцев и гонцов в королевскую резиденцию и из нее	45000
Транспортные расходы и содержание гонца, посланного с распоряжениями на Канарские острова	6750
Выдано Луису де Мендосе для закупок на Канарских островах недостающего снаряжения	15000
Карты и навигационные инструменты	
Выдано Нуньо Гарсии на покупку пергамента для карт	1125
2 дюжины пергаментных кож, выданных Нуньо Гарсии	1764
7 карт, подготовленных по заданию Руя Фалейру	13125
11 карт, составленных Нуньо Гарсией по указанию Магеллана	11250

6 карт, изготовленных по настоянию Руя Фалейру, одна из них была послана королю	13500
6 деревянных квадрантов, изготовленных Руем Фалейру	1121
1 деревянная астролябия, изготовленная им же	750
1 карта мира, составленная по поручению Магеллана для короля	4500
Выдано Магеллану на приобретение 15 компасных игл	4080
Выдано ему же для покупки 6 металлических астролябий	4500
Выдано Магеллану на покупку 15 деревянных квадрантов в латунной оправе	1875
Позолоченный компас, посланный с вышеупомянутой картой королю	476
Кожаный футляр для карты мира	340
12 песочных часов, купленных Магелланом	612
2 компасные иглы, находящиеся в распоряжении капитана	750
6 пар компасов	600
Выдано Нуньо Гарсии за 2 компасные иглы	750
Оплата за юстировку испорченной компасной иглы	136
4 футляра для компасов, изготовленных Руем Фалейру	884
16 компасных игл и 6 песочных часов, присланных Бернальдино дель Кастильо из Кадиса	6094
Товары для обмена и подарки	
20 кинталей ртути	
30 кинталей киновари	
100 кинталей квасцов	
30 полотниц сукна первого сорта по 4000 мараведи за полотнице	
20 либр шафрана	
3 полотница "веинтены" - ткани, прошитой золотыми и серебряными нитями, - серебряного, красного, желтого цвета	
1 полотнице ярко-красной ткани из Валенсии	
2 полотница цветного бархата	
200 обыкновенных красных колпаков	
200 цветных платков	
10 кинталей слоновой кости	
1000 крючков для рыбной ловли	
Гребенки на сумму 1000 мараведи	
200 кинталей меди	
2000 браслетов из латуни	
2000 браслетов из меди	
10 000 связок желтого "матамундо" (?)	
200 маленьких латунных мисок двух видов	

2 дюжины больших мисок	
20 000 колокольчиков трех разных видов	
400 дюжин немецких ножей из самых дешевых сортов стали	
40 полотнищ жесткого цветного полотна	
50 дюжин ножниц	
900 маленьких зеркал и 100 средних	
100 кинталей свинца	
500 фунтов разноцветных стеклянных бусин	
Итого	1679769
Общие затраты с выплатой денежного аванса командам	8751125
Оставлено товаров и предметов снаряжения	416790

Словарь (Составлен С. Я. Серовым)

¹Алькальд - судебный или муниципальный чиновник, обладающий исполнительной властью. Основной его задачей было следить за сохранением общественного порядка.

²Нао - общее название корабля на португальском языке; здесь - парусное судно малого тоннажа. Барко и баринел - большие лодки.

³Конкиста (букв. «завоевание») - в испанской истории определение захвата Америки отрядами находившихся на службе у короля завоевателей-конкистадоров. Началась в конце XV в., сразу же после реконквисты - отвоевания у мавров территории Иберийского полуострова и открытия в 1492 г. Х. Колумбом Нового Света. С последней трети XVI в. в королевских указах термин «конкиста» заменяется на «дескубримьенто» (открытие), хотя военный характер захвата американских земель остается прежним.

⁴Фидалго - то же, что в Испании идалго («сын значительного лица») - дворянин; различие такое же, как в написании дворянского титула «дон» (исп.) и «дом» (порт.).

⁵«...по стезе господней...» - общее определение действий человека, взявшего на себя духовный подвиг; в частности, относилось к участникам первых крестовых походов (XI-XIII вв.).

⁶Каликут (Коджикоде) - город на западном побережье Индии, в штате Керала. Не следует путать с Калькуттой.

⁷Собресальенте - резервист в военном походе, снаряжавшийся на собственный счет.

⁸Иеронимиты - монашеский орден, основанный в 1373 г. Монастырь иеронимитов в Белене сейчас служит усыпальницей для знаменитых общественных и культурных деятелей Португалии.

⁹Колет - куртка из кожи или плотной ткани, особенно популярна у солдат.

¹⁰Прау - парусные суда у малайцев и индонезийцев, имеющие от одной (тип «наде», «баго», «пайяла», «лети-лети») до двух («пинией») и трех («паторани», «голекан») мачт. Джонка - китайское судно с прямыми парусами (насчитывается около 200 видов), от 10 до 55 м длиной. Дау (дхау) - двух- или трехмачтовые суда, типичные для бассейна Индийского океана. Название взято из языка суа хили. Этот тип распространился с арабскими мореплавателями.

¹¹Сампан - китайская грузовая и пассажирская лодка, с навесом в кормовой части.

¹²Каза Реал - бывший королевский дворец в Лиссабоне, в настоящее время - библиотека и архив.

¹³Куадрильйру майор - должность, первоначально относившаяся к начальнику военизированного отряда (куадрильи); позднее в ведение куадрильйру майор вошли главным образом административные и интендантские вопросы.

¹⁴Марко Поло - венецианский купец и путешественник, посетивший в конце XIII в. Дальний Восток, и в частности Большие Зондские острова. «Книга Марко Поло», отчет об этом путешествии, была в Европе главным источником сведений о Юго-Восточной Азии.

¹⁵Градшток - инструмент для определения географической широты, длинная градуированная рейка, на которую перпендикулярно насажена короткая подвижная планка. Один конец рейки подносился к глазу, второй наводился на линию горизонта. Поперечная планка передвигалась вдоль рейки до тех пор, пока не соприкоснется с линией горизонта с намеченным светилем. Тогда, по вычислению высоты светила, определялась широта данного места.

¹⁶Места (*ударение на первый слог*) - союз овцеводов в Испании, существовавший в XIII-XIX вв. Первоначально (с 1273 г.) - объединение пастухов Кастилии для борьбы с феодалами, затем (с 1347 г.) в корпорацию Месты вошли кастильские гранды. Расцвет Месты приходится на XVI век. Разоряя земледельцев, чьи поля шли под пастбища или вытаптывались при перегонах стад, Места в то же время не способствовали развитию промышленности в стране, экспортируя шерсть во Фландрию. Упразднена в 1836 г.

¹⁷Алькасар - по-арабски «крепость». Алькасар Севильи - городской замок, построенный маврами и после Реконквисты ставший королевским дворцом.

¹⁸Фактор - в широком смысле торговый посредник. В Каса де Контратасьон факторы следили за правильностью поступления налоговых и других сборов в королевскую казну.

¹⁹Карака (каррака) - трех- или четырехмачтовый торговый и военный корабль, характерный для Средиземноморья в позднем средневековье. Первые караки были построены в Генуе в начале XIV в.

²⁰Порт - здесь: закрывавшиеся люки в борту корабля, амбразуры для пушек.

²¹Иоанниты (госпитальеры) - духовно-рыцарский орден. Учрежден в конце XII в., после завоевания Иерусалима крестоносцами. После падения Иерусалимского королевства резиденцией ордена стали острова Кипр и Родос (с 1310 г.), почему рыцари-иоанниты и стали называться «родосские братья». Вытесненный с Родоса турками в 1522 г., орден получил от императора Карла V во владение остров Мальту и стал известен как «орден мальтийских рыцарей».

²²Буквальный перевод - «поворот по долгому морю», название маршрута не «по перек» Атлантики, в Америку, а «вдоль» - в Индию.

²³Альгуасил - низший полицейский чиновник, исполнитель приговоров.

²⁴Цирюльники в это время исполняли, кроме прочего, обязанности хирургов.

²⁵Памперо - сильный порывистый ветер из пампы - аргентинской степи.

²⁶Морские змеи - по поверьям моряков, гигантские змеи, живущие в океане; они могли раздавить в своих кольцах корабль, а затем пожирали экипаж. Мальстрем - океанский водоворот или течение, затягивающие корабль под воду; в узком смысле - приливо-отливный водоворот у Лафотенских островов. Магнитные горы, как считалось в позднем средневековье, могут притянуть все железные предметы и, что особенно опасно, все гвозди из кораблей. «Клейкое море» по традиции помещали где-то в Атлантическом океане (встречается в рассказе о легендарном плавании святого Брендана из Ирландии на запад). Корабль, попадавший в густую, клейкую воду такого моря, с трудом мог выбраться, а то и погибал.

²⁷Кафры (от арабского «кафир» - неверный, немусульманин) - устаревшее название аборигенов Южной Африки. Иногда употреблялось для определения всех темнокожих людей.

²⁸Висайя - наиболее крупная группа аборигенов Филиппин (около 14 млн. человек); живут также и в Индонезии.

²⁹Арак - название довольно крепкого алкогольного напитка, в Индонезии изготовляемого из плодов различных пальм.

³⁰Локоть - старинная мера длины, испанский локоть равен 41,79 см.

³¹Пигафетта пишет, что ревень сборщики отыскивали в лесу по запаху, и объясняет: «Это - сгнившая древесина одного дерева, которое до того как сгниет, не испускает никакого запаха». Отсюда ясно, что имеется в виду не ревень, а один из видов ароматических деревьев.

³²Легенды об огромной птице существовали у многих народов. Марко Поло, в частности, передает рассказ о гигантской птице, которую он называет гриф, обитавшей на островах около Мадагаскара, такой сильной, что может унести слона. На Мадагаскаре до недавнего времени, действительно, жил гигантский страус - эпиорнис, однако летать он не мог.

Литература

Antkowiak A. El Dorado. Berlin, 1976.

Fernandez de Navarrete M. Coleccion de los viajes y descubrimientos que hicieron por mar los Espanoles..., I-V. Madrid, 1825-1837.

Guillermard F. H. H. The Life of Ferdinand Magellan... London, 1890.

Hennig R. Hat Magelhan die nach ihm benannte Landenge als Erster entdeckt? - "Vergangenheit und Gegenwart", 29/6. Leipzig, 1939.

Hennig R. Terrae Incognitae, IV. Leiden, 1939.

Humboldt A. V. Kritische Untersuchungen iiber die historische Entwicklung der geographischen Kenntnisse... und die Fortschritte der nautischen Astronomie in dem 15ten und 16ten Jahrhundert, I-III. Berlin, 1836.

Kleine Enzyklopadie Weltgeschichte, I-II. Leipzig, 1979.

Koe11iker O. Die erste Umseglung der Erde durch Fernando de Magallanes und Juan Sebastian del Cano, 1519-1522. Miinchen und Leipzig, 1908.

Kramer W. Neue Horizonte. Leipzig, 1978.

Livermore H. V. A History of Portugal. Cambridge, 1947.

McKew Parr C. So Noble a Captain. The Life and Times of Ferdinand Magellan. New York, 1953.

Oliveira Marques A. H. de. History of Portugal, I. New York and London, 1972.

Pesche1 O. Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen. Meersburg und Leipzig, 1930.

P1ischke H. Fernao de Magalhaes. Die erste Weltumseglung. Haar bei Miinchen, 1964.

Robertson J. A. (Hrsg. u. Übers). Magellan's Voyage Round the World by Antonio Pigafetta. The Original Text of the Ambrosian MS... Cleveland, 1906.

Schneider R. Das Leiden des Camoes. Berlin, 1976.

Ske11on R. A. fHrsg. u. ÜbersJ Magellan's Voyage. A Narrative Account of the First Circumnavigations, I. New Haven und London, 1969.

Свет Я. М. Фернандо Магеллан. М., 1956.

Weltgeschichte in zehn Banden, IV. Berlin, 1964.

Wenzel H. Westwärts zu den Molukken. Berlin, 1972.

Wieser F. V. Magalhaes-StraBe und Austral-Continent auf den Globen des Johann Schftner. Innsbruck, 1881.

Wotte H. Magellans Reise um die Welt. Berlin, 1975.

Zweig S. Magellan. Der Mann und seine Tat. Wien, Leipzig und Zurich, 1938.